

НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Материалы конференций

*Под редакцией
Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко
Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова*

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2019

УДК 343.1(470+571)

ББК 67.410.2(2Рос)

НЗ4

Редакционная коллегия:

Н.П. Кириллова, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук,

С.П. Кушниренко, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,

В.Ю. Низамов, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,

Н.Г. Стойко, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юридических наук

НЗ4

Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы конференций / кол. авторов ; под ред. Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко, Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. — Москва : РУСАЙНС, 2019. — 244 с.

ISBN 978-5-4365-3884-6

Настоящая работа представляет собой сборник научных статей, подготовленных по материалам нескольких научных конференций, состоявшихся в Санкт-Петербургском государственном университете в 2016–2018 годах и объединенных идеей преемственности научных традиций. В сборник включены статьи, посвященные различным актуальным вопросам теории и практики уголовного процесса и криминалистики.

***Ключевые слова:** Санкт-Петербург, научная школа, уголовный процесс, криминалистика.*

УДК 343.1(470+571)

ББК 67.410.2(2Рос)

ISBN 978-5-4365-3884-6

© Коллектив авторов, 2019

© ООО «РУСАЙНС», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....7

Раздел 1

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....10

А. И. Александров

РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС XXI ВЕКА:
КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?.....10

О. Ю. Ватутина

СПЕЦИАЛИСТ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....19

К. О. Зиновьев

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ ТРЕТЬИХ ЛИЦ.....28

П. А. Каматесов

НАЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА
ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ С ПУБЛИЧНЫМ ОБЪЕКТОМ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВА.....35

Н. П. Кириллова

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИНЫ СОЛОМОНОВНЫ
ЭЛЬКИНД И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ.....42

И. А. Кирянина

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОГЛАШЕНИЯ
ПОКАЗАНИЙ НЕЯВИВШЕГОСЯ СВИДЕТЕЛЯ.....50

А. Д. Назаров, А. С. Шагинян

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....60

<i>С. А. Новиков</i>	ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: «ПОБЕДЫ» И «БЕДЫ»	66
<i>С. Б. Россинский</i>	ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В РУСЛЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	73
<i>Саюшкина Е. В.</i>	РЕАЛИЗАЦИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА	81
<i>Н. А. Сидорова</i>	МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	85
<i>А. В. Смирнов</i>	ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК СУЩНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	95
<i>Л. А. Шестакова</i>	МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РФ.....	99
<i>В. Ф. Щепельков, Н. Г. Стойко</i>	ДОКАЗЫВАНИЕ СОВМЕСТНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ВИНЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	105
<i>Раздел 2</i>	ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ	111
<i>Е. В. Баркалова</i>	КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	111
<i>Дяблова Ю. Л.</i>	К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ИЗУЧЕНИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	117

<i>Е. В. Иванова</i>	КРИМИНАЛИСТИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	125
<i>И. М. Комаров</i>	НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И. Ф. КРЫЛОВА	133
<i>В. Д. Корма</i>	ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О МАШИНАХ И СООРУЖЕНИЯХ.....	138
<i>Н. А. Корниенко</i>	Ф. ГАЛЬТОН И НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ДАКТИЛОСКОПИИ	145
<i>Корсаков К. А.</i>	КОНЦЕПЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНО- ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	152
<i>С. П. Кушниренко, В. Д. Пристансков</i>	СОБЫТИЕ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ .	158
<i>В. Ю. Низамов</i>	О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОДАЖ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК)	174
<i>В. В. Петров, М. А. Марусенко</i>	КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ДЕЛА БЕРИЯ».....	180
<i>Е. А. Покровская</i>	«ВОР В ЗАКОНЕ», КАК СУБЪЕКТ, ЗАНИМАЮЩИЙ ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ...	200
<i>Россинская Е. Р.</i>	ОТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАБОТАХ И. Ф. КРЫЛОВА К СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ	210
<i>Я. В. Самборский</i>	КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА ПО ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ.....	219

<i>А. В. Степнова</i>	
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	232
<i>О. Ю. Цурлуй</i>	
МЕСТО И РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	238

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Александров Алексей Иванович, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, докт. юрид. наук, профессор

Баркалова Елена Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического Института (филиала) Университета Генеральной прокуратуры РФ

Ватутина Оксана Юрьевна, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Дяблова Юлия Львовна, заведующий кафедрой правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, канд. юрид. наук

Зиновьев Кирилл Олегович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Иванова Елена Вячеславовна, докт. юрид. наук, профессор кафедры криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета Московской области

Каматесов Павел Александрович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Кириллова Наталья Павловна, докт. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Кириянина Ирина Алексеевна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Комаров Игорь Михалович, докт. юрид. наук, профессор кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Корма Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корниенко Николай Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Корсаков Константин Александрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия

Кушниренко Светлана Петровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Марусенко Михаил Александрович, докт. филолог. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Назаров Александр Дмитриевич, зав. кафедрой, уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, докт. юрид. наук, профессор

Низамов Вячеслав Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Новиков Сергей Александрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Петров Вадим Вадимович, канд. мед. наук, доцент кафедры уголовного процесса

Покровская Екатерина Андреевна, юрисконсульт школы № 93, г. Санкт-Петербург

Пристансков Владимир Дмитриевич, канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Россинская Елена Рудольфовна, докт. юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, действительный член международной ассоциации по идентификации (IAI USA), Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Россинский Сергей Борисович, докт. юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Самборский Ян Валерьевич, следователь, Санкт-Петербург

Саюшкина Елена Владимировна, аспирантка кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета

Сидорова Наталия Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Смирнов Александр Витальевич, докт. юрид. наук, профессор, советник Конституционного Суда РФ, Заслуженный юрист РФ

Степнова Анастасия Викторовна, юрист ООО «Росмедконсалтинг»

Стойко Николай Геннадьевич, докт. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Цурлуй Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала Российского государственного университета правосудия

Шагинян Армен Степанович, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета

Шестакова Любовь Александровна, к.ю.н, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева

Щепельков Владислав Федорович, зав. кафедрой уголовного права и криминологии СПбГУ, докт. юрид. наук, профессор

Раздел 1

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. И. Александров

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС XXI ВЕКА: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам развития современного российского уголовного процесса. Полагая, что активный суд является важнейшим условием вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, автор выступает за укрепление гарантий независимости суда и за сокращение сферы применения особого порядка судебного разбирательства. Обращаясь к проблемам досудебного производства, он критически оценивает отнесение следователя к стороне обвинения и затрагивает такие дискуссионные вопросы, как создание в России единого следственного органа и появление фигуры «судебного следователя». Особое внимание уделено гуманизации уголовного процесса и укреплению права обвиняемого на защиту, чему будет способствовать отмена использования «клеток» в зале судебного заседания.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; предварительное расследование; следователь; право обвиняемого на защиту

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE IN THE 21ST CENTURY: MAIN CHALLENGES

Summary: The article is devoted to topical issues and prospects for the development of the modern Russian criminal Procedure. Considering that an active court is the most important condition for issuing a lawful, reasonable and fair sentence, the author advocates strengthening the guarantees of the independence of the court and reducing the scope of application of the special procedure for court proceedings. Referring to the problems of pre-trial proceedings, the author critically assesses the assignment of the investigator to the prosecution and raises such controversial issues as the creation of a united investigative body in Russia and the emergence of a "judicial investigator" figure. Special attention is paid to the humanization of the criminal process and the strengthening of the right of the accused to the defense, which will contribute to the abolition of the use of "cells" in the courtroom.

Keywords: criminal procedure; trial; preliminary investigation; investigator; the right of the accused to defense

Начало XXI века ознаменовалось в нашей стране масштабной реформой уголовного судопроизводства. Ключевые идеи, предусмотренные Концепцией судебной реформы 1991 года, нашли свое воплощение в нормах УПК РФ, вступивших в силу с 01 июля 2002 года. Сейчас, по прошествии более 15 лет с того момента, интересно проследить существующие тенденции развития отечественного уголовно-процессуального законодательства и задаться вопросом, каким будет российский уголовный процесс в наступившем столетии?

Очевидно, что признание на конституционном уровне человека, его прав и свобод высшей ценностью, не могло не вывести на первый план задачу дальнейшей гуманизации российского уголовного процесса, стремление серьезно повысить правовую защищенность личности при расследовании уголовных дел и их судебном разбирательстве. Реализация этих установлений выразилась во множестве конкретных институтов и норм, таких как право лица пользоваться помощью защитника с самого начала его уголовного преследования, судебная процедура ограничения конституционных прав граждан, широкая система мер безопасности участников уголовного судопроизводства, право задержанного лица на телефонный звонок и т. д.

В тоже время новый уголовный процесс России появился не на пустом месте. Его предшественник – «уголовный процесс М. С. Строговича» – стал ответом на массовые репрессии 1936-38 гг. и послевоенных лет. Во второй половине XX века было жизненно необходимым создать в нашей стране порядок уголовного судопроизводства, базирующийся на таких важнейших принципах, как осуществление правосудия только судом, неприкосновенность личности, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, гласность судебного разбирательства, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Ориентация на поиск истины – вот его наиболее характерная черта!

Большой вклад в становление и развитие того уголовного процесса внесла целая плеяда выдающихся ученых-процессуалистов «ленинградской школы», среди которых с полным основанием следует назвать Полину Соломоновну Элькинд. Такие ее работы, как «Сущность советского уголовно-процессуального права» (1963 г.), «Толкование и применение норм уголовно-процессуального права» (1967 г.), «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве» (1976 г.), «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе» (в соавторстве, 1978 г.) стали важными вехами в развитии науки отечественного уголовного процесса и во многом до сих пор сохранили свою актуальность. П. С. Элькинд умела выделить главное, призывая до исследования конкретных вопросов науки вначале правильно поставить и решить общие вопросы. При этом сделанные ею выводы проникнуты глубоким гуманистическим смыслом. Так, она, опровергая формулу «цель оправдывает средства», последовательно отстаивала противоположную позицию: эффективность права (в том числе, уголовно-процессуального) нельзя сводить только к соответствию между целью и достигнутым результатом, поскольку отнюдь не безразлично, с помощью каких средств желаемые результаты достигаются. По утверждению П. С. Элькинд, средства достижения процессуальных целей должны быть, прежде всего, законными и этическими, а также подлинно научными, максимально эффективными и экономичными [7, с. 62-68].

Теперь вернемся к современному уголовному процессу и тенденциям его развития. Первый вопрос – это вопрос о роли и полномочиях суда при разрешении уголовных дел в пореформенном уголовном процессе России. Если в «советские» времена суд осуществлял, в том числе, и обвинительную функцию, то принципиальным положением УПК РФ стало совершенно иное понимание его роли как органа правосудия,

не являющегося органом уголовного преследования и не выступающего на стороне обвинения или стороне защиты. Однако осталось неясным, каким быть суду в установленном «коридоре возможностей»: пассивным арбитром, полностью лишенным всякой инициативы, или деятельным участником судебного разбирательства?

Анализ вносимых в УПК РФ изменений позволяет прийти к выводу о том, что российский законодатель в значительной степени разочаровался в модели «пассивного суда» и все в большей мере склоняется к наделению его достаточно обширными полномочиями. Так, с июля 2014 г. УПК РФ дополнен нормой, позволяющей судье по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Подобные нормы, появление которых еще недавно было сложно представить, сегодня выглядят вполне оправданно.

Мы также убеждены, что активный суд – это важнейшее условие вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора; именно такое понимание роли суда характерно для исторически гораздо более близкой нам континентальной уголовно-процессуальной модели. Согласимся с позицией Л. В. Головки, заметившего, что европейская система, в отличие от американской, признает «социальное измерение уголовной юстиции и исходит из того, что государство и его представители должны выполнять активную регулирующую функцию, поддерживая социальный баланс и позволяя сгладить, во-первых, априорное неравенство правоохранительной машины и обвиняемого, а во-вторых, имущественное неравенство уже самих обвиняемых, далеко не всегда способных оплачивать лучших экспертов или командировки адвокатов по стране в поисках доказательств» [3, с. 53].

Не менее значимой остается задача фактического обеспечения независимости суда. Несмотря на закрепление и на конституционном, и на отраслевом уровнях независимости суда в качестве основополагающего начала правосудия и уже сделанные серьезные шаги по обеспечению этого принципа путем предоставления судьям особого статуса, несменяемости и т. д., тем не менее, в правоприменительной практике по-прежнему встречаются попытки оказания воздействия на суд, в том

числе при помощи «телефонного права». В связи с этим заслуживают поддержки дополнительные шаги по ограждению суда от недопустимого воздействия, включающие требование о предании гласности информация о внепроцессуальных обращениях, поступивших судьям по находящимся в их производстве уголовным делам (ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ), а также другие нововведения, как, например, формирование состава суда для рассмотрения конкретного дела с использованием автоматизированной информационной системы (ч. 1 ст. 30 УПК РФ). Полагаем, что и введение обязательного аудиопотоколирования судебных заседаний – это только вопрос времени.

Третий важный вопрос, касающийся суда: неоправданно большое, на наш взгляд, количество уголовных дел, рассматриваемых им в «особом порядке» (гл. 40 УПК РФ), т. е. без полноценного судебного следствия, когда «согласие с обвинением» подменяет непосредственное исследование судом и сторонами всех собранных доказательств вины подсудимого. Диктуемая соображениями «процессуальной экономии», эта опаснейшая тенденция набрала такой ход, что сегодня особый порядок применяется уже по большинству направляемых в суд уголовных дел (около 65 %). Более того, есть предпосылки для дальнейшего расширения сферы его применения за счет включения в нее уголовных дел о преступлениях с максимальным наказанием не 10, а 15 лет лишения свободы. Тем самым, как отмечают исследователи, «уголовно-процессуальные гарантии, призванные обеспечить точное установление всех значимых обстоятельств уголовного дела (независимо от наличия «спора» сторон), а значит своевременно выявить оговор и самооговор и воспрепятствовать привлечению к уголовной ответственности невиновного, все чаще приносятся в жертву повышению оперативности уголовной юстиции» [5, с. 162]. Надо ли напоминать о том, что такое отношение к уголовно-процессуальным гарантиям и ориентация правоприменителей не на поиск истины, а на получения от обвиняемого признания вины, создает благодатную почву для частых судебных ошибок?! Ведь в таких случаях судья из служителя Фемиды превращается в простого «регистратора», «штампующего» обвинительные приговоры.

Поэтому согласимся с позицией С. А. Новикова, по утверждению которого «российским правоведам нужно "сломоть" существующую тенденцию все большей абсолютизации признания обвиняемым вины и вместо неуклонного расширения сферы действия особого порядка приступить к ее поэтапному, но решительному сокращению. Нам следует вернуться к базовым положениям ... Концепции судебной ре-

формы 1991 г.: сокращенное судебное следствие уместно только по наименее тяжким делам (полагаем, что к таковым можно отнести лишь преступления небольшой тяжести), тогда как по делам более серьезным требуется доскональное и непосредственное исследование судом всех собранных доказательств, независимо от позиции самого обвиняемого» [5, с. 169].

Переходя к проблемам и тенденциям стадии предварительного расследования, отметим, прежде всего, сохраняющееся в законе отношение следователя, дознавателя к числу участников уголовного процесса со стороны обвинения, осуществляющей функцию уголовного преследования в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п.п. 47, 55 ст. 5 УПК РФ). При этом, согласно ч. 2 ст. 15 УПК РФ, функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. При буквальном толковании получается, что следователь свободен от сбора оправдательных и смягчающих ответственность обвиняемого доказательств. Психологически это не может не способствовать формированию у следователей обвинительного уклона при производстве предварительного следствия [6, с. 35]. В действительности функция следователя, дознавателя – производство предварительного расследования – уникальна. Следователь (дознаватель) отвечает не за «раскрываемость» преступлений, а за качество предварительного расследования, за его объективность. Он должен не только разобраться в произошедшем событии, но и, собрав достаточные доказательства и установив признаки преступления, выяснить при каких обстоятельствах оно совершено и кто именно его совершил, после чего привлечь всех виновных к уголовной ответственности, одновременно обеспечив им право на защиту, а также принять все необходимые меры для возмещение ущерба потерпевшим.

Немало вопросов вызывает надлежащая организация следственного аппарата. Здесь периодически оживает дискуссия о необходимости создания принципиально иной модели его построения и функционирования – возрождении «судебного следователя», находящегося в составе судебного ведомства и наделенного такими полномочиями, как избрание и применение отдельных мер принуждения, привлечение в качестве обвиняемого, приостановление и прекращение производства по делу, депонирование показаний участников процесса, а также производство по требованию сторон иных следственных действий для придания собираемым материалам статуса судебных доказательств, и т. д. Однако, наряду с горячими сторонниками, есть у такой реформы

и убежденные противники, напоминающие, что построенное по подобному принципу предварительное следствие Франции подвергалось постоянной критике именно за растянутость досудебного производства и длительность сроков содержания под стражей, неспособность в полной мере гарантировать презумпцию невиновности обвиняемого и его право на защиту путем дачи показаний и вызова собственных свидетелей, недостаточное ограждение прав личности при собирании и изъятии доказательств, чрезмерную закрытость предварительного расследования (деятельности следственного судьи), допущение случаев жестокого обращения с обвиняемым и нарушения права на беспристрастный суд [4, с. 17]. Поэтому идея возрождения в России «судебного следователя», при всей ее внешней привлекательности, не бесспорна и требует дополнительной тщательной проработки [1, с. 31].

Другой важный организационный вопрос: создание единого следственного органа, который бы сосредоточил в себе все следственные подразделения и осуществлял производство предварительного следствия по всем требующим такой формы расследования категориям уголовных дел. Дискуссия по этому поводу продолжается очень давно; на наш взгляд, образование в нашей стране единого следственного органа, являющегося самостоятельным ведомством и имеющего своей главной задачей качественное производство предварительного следствия до суда и для суда, необходимо [2, с. 36]. Это позволит, с одной стороны, обеспечить большую процессуальную независимость следователя от «ведомственных влияний» со стороны оперативных служб, а с другой – избежать споров о подследственности. Полагаем, что именно за единым следственным органом – будущее предварительного следствия в нашей стране. При этом для расследования значительной части преступлений, по которым сегодня обязательно производство предварительного следствия, можно будет допустить производство дознания; это позволит сосредоточить усилия органов предварительного следствия на раскрытии наиболее сложных, трудных в доказывании уголовных дел о так называемых «интенсивных» преступлениях.

Наконец, еще один серьезнейший и актуальный вопрос – необходимость дальнейшей гуманизации уголовного процесса и укрепления права обвиняемого на защиту. Как уже было отмечено, за годы судебной реформы сделаны существенные шаги для наполнения этого права реальным содержанием. Тем не менее, сохраняется еще немало проблемных аспектов, нуждающихся в скорейшем решении, таких как «заказные» уголовные дела и необоснованное заключение обвиняемого под стражу, наложение на него иных ограничений, изъятие имущества

и т.л. Требуется усиление прокурорского надзора над предварительным расследованием и ОРД, повышение ответственности судей, прокуроров и следователей за законность и обоснованность принимаемых решений об ограничении прав граждан, укрепление кадрового состава правоохранительных органов.

Человек, обвиненный в совершении преступления, но еще не признанный виновным в установленном законом порядке (в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда), заслуживает к себе соответствующего отношения, а ограничения его прав должны быть минимально необходимыми. Между тем, весьма показательно, что сегодня зачастую обвиняемый, лично не представляющий какой-либо серьезной опасности, вынужден в ходе судебного разбирательства из металлической «клетки» отстаивать доброе имя, будучи, к тому же, лишенным возможности своевременно получить совет своего защитника, располагающегося отдельно, по жизненно важным для него обстоятельствам. Выглядит это как средневековый анахронизм, давно нуждающийся в преобразовании. Поэтому мы приветствуем инициативу группы парламентариев нашей страны отменить «клетки» в залах суда, что позволит за счет своевременного получения обвиняемым квалифицированной юридической помощи в большей степени обеспечить его право на защиту и избежать унижения его человеческого достоинства.

В заключении напомним высказывание Энрико Ферри: «Уголовный кодекс пишется для негодяев, а уголовно-процессуальный – для честных людей». Уголовный процесс, и в самом деле, с одной стороны, отвечает на вопрос о том, кто именно совершил преступление и, следовательно, должен быть передан под меч уголовного права, а с другой стороны, служит щитом гражданина и от преступности, и от судебной ошибки, нарушений его прав и свобод. Уголовный процесс – это защита человека от несправедливости в любом ее проявлении.

Список использованных источников

1. Александров А. И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь, 2018, № 3. С. 30-35.
2. Александров А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь, 2011, № 1. С. 33-40.
3. Головкин Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург,

28-29 июня 2014 года) / под ред. Н. Г. Стойко. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. С. 51-57.

4. Ковтун Н. Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья, 2010, № 5. С. 15-19.
5. Новиков С. А. Собственное признание вины – «regina probationum» современного российского уголовного процесса? // Библиотека криминалиста. Научный журнал, 2015, № 2(19). С. 159-171.
6. Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция, 2010, № 11, С. 34-36.
7. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л. 1976. – 144 с.

СПЕЦИАЛИСТ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В настоящей статье автор исследует историко-методологические предпосылки зарождения, формирования и развития института специалиста в науке российского уголовного процесса, включая новейшие изменения законодательства. Исследует условия использования заключения и показаний специалиста стороной защиты, как альтернативы экспертным заключениям, представленным стороной обвинения. Устанавливается отсутствие фактических различий между понятиями эксперт и специалист.

Ключевые слова: специалист, эксперт, исторический аспект, заключение специалиста, защитник.

Oksana U. Vatutina

Post-graduate Student
of the Department of Criminal procedure and Criminalistics
St. Petersburg State University

SPECIALIST IN THE SCIENCE OF CRIMINAL PROCEDURE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Summary: In the article the author investigates historical and methodological preconditions of origin, formation and development of Institute of the expert in science of the Russian criminal process, including the latest changes of the legislation. Examines the conditions of use of the conclusion and testimony of a specialist by the defense, as an alternative to expert opinions submitted by the prosecution. The absence of actual differences between the concepts of expert and specialist is established.

Key words: specialist, expert, historical aspect, expert opinion, defender.

Специальные знания, во всех их формах, а также их носители, так называемые «сведущие лица», то есть лица, осведомленные в отдельных областях жизнедеятельности, исторически играют значительную роль в определении тенденций развития уголовно-процессуального знания. Так, по мнению А. В. Нестерова, история зарождения и развития правового института специальных знаний, составляющей частью которого, является институт специалиста, имеет не только самостоятельное значение, но и позволяет создавать научно обоснованные ориентиры для ученых-юристов, иных ученых и практиков [1, с. 20].

Развитие естественных наук, обусловило возможность привлечения сведущих лиц к деятельности по раскрытию преступлений. На практике, применение специальных знаний в уголовном процессе осуществлялось достаточно давно. Например, в России, в одном из самых первых «писанных» правовых актов - Русской Правде, обнаруживаются правовые нормы, свидетельствующие о непосредственном использовании специальных знаний: в ходе судопроизводства по некоторым «обидам», то есть преступлениям, производились определенные мероприятия с использованием особенных знаний охотников, лекарей, ремесленников. Таким образом, правовая и процессуальная действительность сформировали практическую необходимость привлечения лицами, производящими досудебное следствие лиц, обладающих специальными знаниями. Но, несмотря на достаточно активное привлечение к процессу «сведущих лиц», такое привлечение не имело серьезной системности и производилось, как обоснованно замечает Я. В. Комиссарова, не в рамках своих должностных обязанностей, а по заданию лиц, наделенных властными полномочиями. То есть, по своей сути, это участие являлось участием специалиста, в современном его понимании.

В 1835 году в уголовное судопроизводство официально вводится такая процессуальная фигура, как «сведущее лицо», для истребования у него мнений и показаний, в необходимых судопроизводству случаях. Таким образом осуществляется постепенный перевод «сведущего лица» из плоскости сугубо профессиональной в плоскость процессуальную. Значимым документом в этой сфере, явился Устав уголовного судопроизводства 1864 года, в соответствии с которым, для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. В качестве «сведущих лиц» могли выступать представители определенной профессии, либо лица, приобретшие особенную опытность [3, с. 140]. Однако, дифференциации на эксперта и специалиста не производилось, напротив, применялось универсальное определение «сведущие лица», несмотря на то, что в науке и на практике такие сведущие лица уже именовались экспертами. Термины «эксперт», «экспертиза», фактически имевшие равное значение понятию «специалист», заимствованные русским языком и судопроизводством, изначально служили альтернативой понятию «сведущее лицо». Впрочем, они были активно восприняты законодателем и практиками, в связи с чем, с 1876 года в уголовном судопроизводстве в Циркулярах Министерства юстиции повсеместно употребляются термины «экспертиза» и «эксперт». Таким образом, первоначальное терминологическое

закрепление и теоретическое обоснование понятия «эксперт» получили в уголовно-процессуальном законе и праве.

Активное применение в доказывании по уголовным делам новейших, для того времени, достижений наук, в первую очередь медицинских, посредством вовлечения особых «сведущих» лиц, специалистов по своей сути, обусловлено, в первую очередь, модернизацией уголовного процесса, произведенной в свое время инквизиционным (розыскным) уголовным процессом, отошедшим от архаичного представления о доказывании [2, с. 502]. То есть, по мнению некоторых авторов, в этом аспекте можно говорить о развитии института экспертизы. Так, по мнению Л. В. Головки, модернизация экспертизы проходила больше чем в юридической, в естественнонаучной плоскости, поскольку ее изменения происходили во взаимосвязи с развитием наук. Тем самым, определяется историческая взаимосвязь науки правовой с наукой естественной, в контексте института специальных знаний. Поскольку исторический переход в сфере специальных знаний сконцентрировался в большей степени в части экспертизы, некоторые авторы отнесли именно ее, в ее историческом виде, к «хрестоматийному средству доказывания».

Таким образом, происходит постепенный переход к узкоспециализированному знанию от универсального, а институт специальных знаний, к концу XIX века, фактически трансформируется в институт судебной экспертизы, поскольку на данном историческом этапе, используемые в российском уголовном судопроизводстве знания «сведущих» лиц стали применяться исключительно в форме деятельности экспертов и экспертных учреждений. Например, в УПК РСФСР 1922 года регламентировано, что эксперты приглашаются в суд в случаях, когда при расследовании или рассмотрении дела необходимы знания в науке, искусстве, ремесле, а термины «сведущее лицо», специалист, заменено понятием более узким - «эксперт», то есть лицо, обладающее специальными знаниями и проводящее исследование для дачи заключения. В связи с чем, термин «сведущее лицо» перешел в сферу научную, в законодательной сфере уступив понятию «эксперт», понятие же «специалист» временно было «вплетено» в понятие «эксперт», не имея самостоятельного процессуального статуса и значения.

Итак, исторически, фигуры эксперта и специалиста имели единое интеллектуально-практическое наполнение и, по сути, не разграничивались. Однако, официальное закрепление терминов «эксперт» и «экспертиза», правовая регламентация положения эксперта, порядка проведения экспертизы практически вывели фигуру специалиста за

процессуальные рамки. В дореволюционном уголовном процессе, после окончательного процессуального закрепления необходимости применения специальных знаний их «поставщиком» в полной мере признается такое сведущее лицо, как «эксперт». Этот же подход прослеживается и далее, уже в советском уголовном процессе. Таким образом, в законодательстве того периода, специалист, как утверждает Л. В. Головкин [2, с. 504], как процессуальный субъект отсутствует, «концентрация» специальных знаний, в соответствии с научными и практическими представлениями того времени, происходит в личности эксперта. В УПК РСФСР 1960 года не было определений понятий эксперта и экспертизы, однако, сама судебная экспертиза не только имела широкую регламентацию, но и была четко отделена от иных форм использования специальных знаний [4, с. 6].

Таким образом, можно было бы предположить, что фигура специалиста перестала существовать процессуально, однако, стоит оговориться. Долгое время, параллельно с фигурой эксперта, специалист существовал в российском (советском) уголовном процессе как лицо, обладающее специальными знаниями, но исключительно привлекаемое органами расследования к производству следственных действий (осмотр трупа, снятие отпечатков, и т. д.), положение которого, было регламентировано статьями 179, 183 и 186 УПК РСФСР. Также, в качестве специалиста, рассматривался педагог, привлекаемый к участию при допросе несовершеннолетних (ст. 159, ст. 397 УПК РСФСР). Специалист не давал заключений, участвовал в процессе исключительно по инициативе лиц, производящих следствие, для участия в следственных действиях и, безусловно, не являлся фигурой равной и/или альтернативной фигуре эксперта. Напротив, деятельность специалиста осуществлялась в форме его участия в следственных действиях, как и на начальных этапах исторического развития института специальных знаний. Однако, необходимость участия специалиста по инициативе следователей в осмотрах, освидетельствованиях и иных следственных действиях, стала очевидна как для самих следователей, так и для иных участников процесса. В результате практических потребностей, уже в 1966 году (Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31.08.1966 г.) правовой статус специалиста получил дополнительное закрепление. Функции специалиста были значительно расширены (ст. 133.1 УПК РСФСР), однако, его деятельность по-прежнему ограничивалась стадией предварительного расследования. Таким образом, специалист в уголовно-процессуальной науке советского времени – это исключительно помощник следователя.

Безусловно, советский период наложил серьезный отпечаток на развитие института специальных знаний. Поскольку любая наука это, прежде всего, социокультурный феномен, следовательно, она зависит от многообразия сил и влияний, действующих в конкретном обществе. Так, марксистская идеология тотально и полностью контролировала науку, а официальная наука всегда вынуждена поддерживать основополагающие идеологические установки общества. Наука, вдохновляясь идеологией, предоставляет последней определенную интеллектуальную аргументацию и практический инструментарий, посредством которых существующие власть и идеология сохраняют свое привилегированное положение. Например, в середине XX века, в СССР, широко применялась идея «научного судьи»: так, в соответствии с Положением о правах и обязанностях государственных медицинских экспертов от «28» декабря 1919 г. «... заключение государственного эксперта получает обязательную силу для любых учреждений и физических лиц...», таким образом, заключение эксперта превращалось не в доказательство, а в научный приговор. Научное знание, оформленное документально, «овеществленное», получившее форму заключения эксперта не предполагало возможности альтернативного мнения. Что-либо противопоставить такому заключению в судебном процессе практически было невозможно. Результат экспертизы - экспертное заключение, фактически предрешал исход дела. Безусловно, были предусмотрены дополнительная и повторная судебные экспертизы, однако, даже фактическое применение данных норм стороной защиты, имеющей в то время, лишь «номинальное» значение для судебного процесса, оставалось формальным действием. Фигуры, альтернативной фигуре эксперта и относительно равной по смысловой нагрузке и процессуальному статусу в советском уголовном процессе не существовало.

В то же время, уже на данном этапе исторического развития, уголовно-процессуальный кодекс был дополнен статьей 253.1, которая предусматривала вызов специалиста в судебное разбирательство, для выполнения обязанностей, предусмотренных статьей 133.1 УПК РСФСР. Таким образом, по мнению В. Н. Махова, сформировался отпочковавшийся от экспертизы второй вид использования знаний сведущих лиц - деятельность специалиста по оказанию содействия следователю при производстве следственных действий при обнаружении, закреплении и изъятии доказательств [4, с. 7].

Данная форма участия специалиста в уголовном процессе сохранилась и до настоящего времени, однако, в УПК РФ 2001 года были реализованы высказываемые наукой и практикой в советский и постсо-

ветский период предложения о более широком использовании знаний сведущих лиц. Так, специалист был признан самостоятельным участником уголовного процесса, был определен его статус (ст. 58 УПК РФ) и форма деятельности, которая подразумевает под собой оказание содействия органам расследования и суду.

Однако, первым в новейшей истории, по-настоящему особо значимым событием в исследуемой сфере, можно указать принятие, Федерального закона от 04 июля 2003 № 92-ФЗ, который внес дополнения в статью 74 УПК РФ. Указанные изменения ввели в уголовный процесс новейший вид доказательств, не имеющий аналогов в уголовном процессе зарубежных стран [4, с. 8], а именно, заключение и показания специалиста. Впрочем, на наш взгляд, отсутствие прямых аналогий с уголовным процессом зарубежных стран вызвано не столько специфичностью и «новаторством» данного нововведения, а «трудностями перевода». Для уголовного процесса большинства зарубежных стран, «эксперт» и «специалист» - суть одно - лицо, обладающее специальными знаниями, то есть «сведущее лицо», как это было и в российском уголовном процессе до периода учреждения государственных экспертных учреждений. В то же время, исходя из исторической действительности, российский уголовный процесс, в 2003 году получил новый вид доказательств. Данное нововведение породило ряд научных дискуссий, касательно места заключения специалиста в системе доказательств. Так, по мнению И. Овсянникова и Л. В. Головки, заключение специалиста до сих пор остается определенной загадкой для отечественной теории доказательств [2, с. 505]. В первую очередь, дискуссии и вопросы возникли в связи с образовавшейся «двойственностью» понятия «специалист», применяемого в УПК РФ: специалист - это и, лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), и, одновременно, лицо, обладающее специальными знаниями и представляющее свое суждение в письменном виде (заключение) по вопросам, поставленным перед ним сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). То есть, в 2003 году в российском уголовном законодательстве появилась некая другая фигура специалиста, явившаяся самостоятельным участником уголовного судопроизводства с собственными задачами.

Однако, данное новшество не является столь формальным. При его детальном и глубоком анализе нельзя не заметить попытку российского законодателя «совместить» определенные грани двух моделей экспертизы – континентальной и англосаксонской – и предоставить сторонам процесса, лишенным властных полномочий, использовать так называемую, «альтернативную экспертизу». Идея «альтернативной экспертизы» не возникла внезапно: официальное нормативное «устранение» идеи «научного судьи», указание на недопустимость предрешения приговора результатами экспертного заключения, регламентация принципа состязательности сторон процесса, фактически не устранили практического подхода, при котором, именно заключение эксперта ложится в основу приговора. На практике, даже при получении стороной защиты соответствующего иного заключения в государственных и негосударственных экспертных учреждениях, отсутствовала возможность приобщить их к материалам дела, ввиду того, что процессуальная регламентация подобной процедуры отсутствовала.

Таким образом, с 2003 года в российском уголовном процессе, со ссылкой на п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», в соответствии с которым, адвокат вправе привлекать на договорной основе специалиста для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, свое право собирать и представлять доказательства по уголовному делу, защитник может реализовать путем получения заключения специалиста, которое будет определенной гарантией объективной оценки научной обоснованности и полноты экспертных заключений, полученных следственными органами, которые, как правило, предопределяют исход судебного разбирательства [5, с. 195].

Итак, как указывает Л. В. Головкин, в сугубо континентальный тип экспертизы, был «вплетен» элемент англосаксонского типа, характеризующейся децентрализованной природой, когда каждая из сторон производит собственное экспертное исследование ... в силу чего любое заключение эксперта предстает в качестве деятельности соответствующей стороны [2, с. 504], тем самым был найден компромисс между двумя моделями, позволивший стороне, не обладающей властными полномочиями, привлекать в процесс «свою» экспертизу. Однако, она была обозначена при помощи *синонима* в качестве заключения *специалиста*, чтобы терминологически разграничить с заключением эксперта [2, с. 505]. Таким образом, в большей степени можно говорить о появлении института специалиста в современном понимании, с точки зрения реализации стороной защиты, предоставленных ей, в рамках состязательности уголовного процесса, правомочий.

Год 2017-й ознаменовался еще одним существенным «прорывом» в развитии института специалиста, который, безусловно, можно отнести к событию историческому. Значимость института специалиста, его заключения и показаний, как доказательств, усилена изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ. Данные изменения были вызваны уже сложившейся практической необходимостью, причем наибольшая заслуга в этом принадлежит защитникам, которые увидели в возможности получения такого доказательства [заключения специалиста] реальный шанс составить конкуренцию экспертизам, назначаемым стороной обвинения [6, с. 72].

Так, была принята новая редакции ст. 58 УПК РФ, в форме её дополнений частью 2.1, предполагающей невозможность отказа стороне защиты в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Вероятно, по мысли законодателя, подобный подход должен гарантировать стороне защиты максимально равные со стороной обвинения права, обеспечить реальную состязательность уголовного процесса. Таким образом, законодательно сформировался новый подход к участию специалиста в российском уголовном судопроизводстве, к специалисту, как процессуальной фигуре в современном её понимании, что ознаменовало собой переход к новому историческому этапу развития института специалиста.

Таким образом, посредством выделения фигуры специалиста, как самостоятельного субъекта, со своими задачами, регламентацией прав и обязанностей. Можно видеть, что исторически, институт специалиста развивался внутри института специальных знаний, совместно с институтами эксперта, экспертной деятельности, безотрывно от них, в непосредственном «смешении». Однако, именно современный этап исторического развития российского уголовного процесса, с теми требованиями, которые предъявляет к нему современная правовая и социальная действительность, позволили «вычленивать» институт специалиста, придав ему самостоятельность и особое значение для науки уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Нестеров А. В. О зарождении и развитии некоторых категорий экспертизы//Эксперт-криминалист. - 2012. - № 2. - С. 20 - 24.
2. Курс уголовного процесса/Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017. - 1280 с.
3. Светличный А. А. Зарождение и развитие института специальных знаний в дореволюционной России. Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и

современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи//Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 2 (51). - С. 137 - 144.

4. Махов В. Н. Развитие уголовно-процессуального законодательства об экспертизе, эксперте и специалисте//Теория и практика судебной экспертизы. - 2017. - Том 12. - № 2. - С. 5 - 10.
5. Мамедов Р. Я. Заключение специалиста, предоставляемое адвокатом-защитником, как самостоятельное доказательство по уголовному делу. - Научный журнал «АПРОБАЦИЯ». - № 2 (53). - 2017. - С. 195 - 197.
6. Кронов Е. В. Заключение специалиста в деятельности защитника//Адвокат. - 2009. - № 11. - С. 70-73.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ТРЕТЬИХ ЛИЦ

В статье рассматривается проблематика наложения ареста на собственность третьих лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, с целью дальнейшей конфискации имущества. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предусматривают наличие процессуальных гарантий защиты права собственности таких лиц, однако данные гарантии не закреплены на законодательном уровне. Правоприменительная практика иллюстрирует проблему обеспечения прав третьих лиц и соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, процессуальные гарантии, лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми, третьи лица, конфискация, права человека,

Kirill Zinoviev

Postgraduate student of the department of criminal procedure and criminalistics,
St. Petersburg State University

PROCEDURAL GUARANTEES OF THE PROTECTION OF THE PROPERTY RIGHTS OF THIRD PERSONS

Summary: The article deals with the issue of imposing arrest on the property of third parties who are not suspected, accused for the purpose of further confiscation of property. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation provide for procedural guarantees of the protection of the property rights of third persons, however, these guarantees are not fixed at the legislative level. Law enforcement practice illustrates the problem of ensuring the rights of third parties and the balance of public and private interests.

Keywords: seizure of property, procedural guarantees, confiscation, third person, human rights.

Уголовный процесс является сферой, где напрямую соприкасаются публичные и частные интересы. Закрепляя основные права и свободы человека и гражданина Конституция Российской Федерации устанавливает, что осуществление основных прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод иных лиц (ч. 3 ст. 17), а также, что права и свободы могут быть ограничены федеральным законом в конституционно значимых целях (ч. 3 ст. 55). Одним из ярких

примеров столкновения публичных и частных интересов граждан, а также ограничения конституционного права в конституционно значимых целях является ограничение права собственности в ходе производства по уголовному делу.

Если ограничение права собственности подозреваемого и обвиняемого в ходе уголовного дела является необходимым для достижения целей и задач уголовного судопроизводства и уравнивается системой гарантий защиты прав и свобод подозреваемого и обвиняемого, в первую очередь, возможностью прибегнуть к помощи профессионального защитника, то совсем иначе стоит вопрос о защите права собственности лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми.

Развитие уголовно-процессуального законодательства и отдельных его институтов повлекло за собой возможность ограничения конституционного права собственности лиц, чей процессуальный статус прямо не предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ [1] в ч. 3 ст. 115 УПК внесено изменение, по которому стал возможен арест имущества, находящегося у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Судебная практика применения данных норм породила проблему обеспечения прав лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Наиболее ярким примером ограничения права собственности является наложение ареста на имущество таких лиц, которых мы далее будем условно именовать *«третьими лицами»*.

Конституционный суд Российской Федерации в п.п. 3 и 3.1 мотивировочной части Постановления от 21 октября 2014 года N 25-П указал сущность и цели наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения, применяемой в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу как в публично-правовых целях - для обеспечения возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу, - так и в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления [2].

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, наложение ареста на имущество третьих лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, допускается только в публично-правовых целях (конфискация, обеспечение приговора в случае наложения штрафа) и должна обеспечиваться наличием процессуальных гарантий для таких лиц в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Европейский Суд по правам человека отметил, что наложение ареста на имущество содержит угрозу возложения на лицо чрезмерного бремени, с точки зрения возможности распоряжения имуществом, и должно, соответственно, предоставлять определенные процессуальные гарантии с целью обеспечения того, чтобы функционирование системы и ее воздействие на имущественные права заявителя не были произвольными или непредсказуемыми [3].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь, в том числе, на правовые позиции Европейского суда по правам человека, сформулировал необходимость закрепления процессуальных гарантий для *третьих лиц*, на чье имущество наложен арест.

Одной из публично-правовых целей наложения ареста на имущество является обеспечение исполнения приговора в части, касающейся конфискации имущества. В соответствии с ч. 3 ст. 104¹ УК РФ имущество, указанное в частях первой и второй ст. 104¹ УК РФ, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Из данной нормы видно, что на собственнике, на чье имущество был наложен арест, лежит бремя доказывания добросовестного приобретения данного имущества. В данном случае от действий собственника, на чье имущество наложен арест, зависит, будет ли данное имущество ему возвращено, обращено в собственность государства или уничтожено. Отсюда следует, что для обеспечения прав такого собственника имеется серьезная необходимость определения и законодательного закрепления процессуальных гарантий данных лиц.

Первой из искомых гарантий является уведомление данных лиц о дате, времени и месте судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя, дознавателя о наложении ареста на имущество. В данном вопросе судебная практика только начинает формироваться. Суды апелляционной инстанции сравнительно часто отменяют постановления о наложении ареста на имущество в случае, если в ходе рассмотрения ходатайства о наложении ареста не был уведомлен соб-

ственник имущества, опираясь при этом на постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2014 № 25-П [4].

Другие процессуальные гарантии связаны с правами, которыми третьи лица должны обладать в судебном заседании. В этом вопросе правовое регулирование пока не отличается четкостью: на сегодняшний день УПК РФ прямо не предусматривает для таких лиц право на предоставление доказательств, например, документов, подтверждающих право собственности на имущество и легальность его приобретения, документов, подтверждающих стоимость приобретенного имущества), заявление ходатайств, в том числе об истребовании документов, права на ознакомление с материалами предварительного расследования в части, затрагивающей права и законные интересы собственника или титульного владельца имущества.

На этом фоне требует внимания вопрос соотношения уголовного и гражданского судопроизводства в вопросах наложения ареста на имущество и его снятия. Согласно ч. 2 ст. 442 ГПК РФ, третье лицо вправе защищать свои права в гражданском судопроизводстве, обратившись с иском об освобождении имущества из под ареста (исключения из описи). Как отметила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, иск об освобождении имущества от ареста, наложенного по уголовному делу, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства [5]. Из данной правовой позиции следует, что в гражданском судопроизводстве может быть установлен факт добросовестного приобретения имущества, в силу чего арест может быть снят.

Однако следует отметить, что анализ правоприменительной практики показывает, что при рассмотрении судами споров об освобождении имущества от ареста, наложенного при производстве по уголовному делу, применяется позиция, в соответствии с которой данная категория споров должна рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства по правилам, установленным УПК РФ, в случаях, когда производство по уголовному делу не завершено, приговор не постановлен, отсутствует спор о праве на данное имущество, независимо от статуса лица, обратившегося за защитой прав в порядке гражданского судопроизводства, в уголовном деле [6].

Часть 2 ст. 442 ГПК РФ также предполагает порядок снятия ареста, наложенного в целях возможной конфискации, однако, данный порядок регулирует вопрос освобождения от ареста уже конфискованного имущества, тогда как с ч. 3 ст. 104¹ УК РФ предполагает доказывание добросовестности приобретения имущества до принятия реше-

ния о конфискации имущества, т. е. в процедурах предварительного судебного контроля, что не регулируется ст.442 ГК РФ. Таким образом, порядок снятия ареста, предусмотренный ст.442 ГПК РФ, не является абсолютным способом защиты прав третьих лиц при наложении ареста на имущество.

Необходимость предоставления процессуальных гарантий третьими лицам приобрела актуальность также в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»[7], в соответствии с которым для решения вопроса о конфискации имущества, переданного обвиняемым другому лицу (организации), суду требуется на основе исследования доказательств установить, что лицо, у которого находится имущество, знало или должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий или использовалось либо предназначалось для использования при совершении преступления. Из разъяснений Пленума ВС РФ следует, что суд для вышеуказанных целей должен привлечь собственника имущества, в отношении которого в уголовном процессе будут устанавливаться факты и исследоваться доказательства, непосредственно касающиеся его прав и законных интересов, так как данное лицо, как минимум, должно знать о тех доказательствах, на основе которых делаются выводы относительно добросовестности собственника и легальности приобретения права собственности.

Исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении № 25-П от 21.10.2014, при решении вопроса о продлении ареста имущества не исключается сохранение действия правового режима ареста имущества, если по делу будет заявлен гражданский иск и владелец арестовываемого имущества привлекается в качестве гражданского ответчика. Представляется, что вопрос обеспечения процессуальными гарантиями владельца или собственника арестованного имущества может быть решен путем привлечения данного лица в качестве гражданского ответчика не только при заявленном гражданском иске, но и при наличии публично-правовых оснований наложения ареста на имущество, коими выступает возможная конфискация имущества.

Гражданский ответчик рассматривается как предполагаемый нарушитель прав гражданского истца, а при наличии гражданского иска в уголовном процессе суд должен разрешать вопрос о привлечении гражданского ответчика. Вне зависимости от оснований ареста к владеющему собственнику могут быть обращены требования, которые

ограничивают его право собственности и в случае наложения ареста на имущество по публично-правовым основаниям. В данном случае заявителем будет не частное лицо, а государственные органы, а собственник имущества, на чье имущество наложен арест, также должен будет нести бремя доказывания, как и в случае привлечения на основании заявленного гражданского иска. Таким образом, с учетом необходимости защиты прав и законных интересов собственника имущества, целесообразно привлечение его в качестве гражданского ответчика и в случае наложения ареста по публично-правовым основаниям, так как данный процессуальный статус позволит собственнику имущества пользоваться всеми процессуальными правами, предусмотренными ст.54 УПК РФ, в частности, возможности привлекать защитника и защищать свои права в соответствии с целями уголовного судопроизводства. Однако, на настоящий момент редакция ст.54 УПК РФ не предусматривает возможности привлечения таких лиц в качестве гражданского ответчика.

Применение такой меры процессуального принуждения как наложение ареста на имущества влечет за собой вторжение в право собственности человека и гражданина. Данный институт уголовно-процессуального права является ярким примером сочетания публичных и частных интересов в уголовном процессе, а также необходимости сохранения баланса между защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защитой конституционных прав граждан. Соблюдение данного баланса предполагает необходимость наличия и совершенствования правовых механизмов охраны и защиты права собственности не только потерпевших, но и третьих лиц.

Современная редакция УПК РФ не предусматривает для собственников (титულных владельцев) арестованного имущества отдельного процессуального статуса с четко установленными и регламентированными процессуальными правами, что необходимо.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3452.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. N 25-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи

- 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малозэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена»;
3. Постановление ЕСПЧ от 22.01.2009 «Дело «Боржонов (Borzhoнов) против Российской Федерации» (жалоба N 18274/04)/ «Российская хроника Европейского Суда», 2010, N 4
  4. Апелляционное постановление Московского городского суда от 31.08.2015 по делу N 10-11007/15; Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.10.2015 по делу N 10-14053/2015; Постановление Президиума Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания № 44У-32/2017 4У-225/2017 от 14 декабря 2017 г. по делу № 44У-32/2017; Постановление Президиума Верховного Суда Республики Калмыкия № 44У-13/2017 4У-110/2017 от 4 октября 2017 г. по делу № 3/6-122/2017;
  5. Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2015 г. No 5-КГ15-172;
  6. Справка по результатам обобщения судебной практики разрешения споров об освобождении имущества от ареста, утвержденная на заседании Президиума Пермского краевого суда 24 ноября 2017 года.
  7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. N 17 г. Москва «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»/ «Российская газета», N 134, 22.06.2018.

П. А. Каматесов

аспирант кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

НАЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ С ПУБЛИЧНЫМ ОБЪЕКТОМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Федеральным законом № 323-ФЗ от 03.07.2016 введен институт освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Практика применения положений ст. 25.1 УПК РФ показывает отсутствие единой позиции судов при освобождении от уголовной ответственности лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений с публичным объектом посягательства. В настоящей статье указываются противоречия в судебной практике освобождения от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом, а также возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: судебный штраф, двухобъектные преступления, освобождение от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера.

Pavel Kamatesov

Postgraduate student of the department of criminal procedure and criminalistics,
St. Petersburg State University

SENTENCING JUDICIAL FINE AS A CRIMINAL MEASURE FOR THE CRIMES AGAINST PUBLIC INTEREST.

Summary: A new institution of exemption with a judicial fine instead of a criminal liability was introduced by Federal law № 322 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation on 07.03.2016. Practice of exemption from liability by paragraph 25.1 of Criminal Procedure Code reflects lack of the unified position of courts in relation to crimes against public interest. The article points on contradictions in judicial practice and shows possible ways to fix such contradictions in cases related to crimes against public interest and crimes with two objects of the criminal encroachment.

Keywords: judicial fine, criminal law measures, crimes with two objects of the criminal encroachment, exemption from liability.

Сформировавшаяся практика освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа позволяет выделить ряд проблем, которые возникают при вынесении соответствующих судебных постановлений.

В соответствии с требованиями ст. 25.1 УПК РФ, суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Наличие приведенных условий «возместить ущерб» или «иным образом загладить причиненный вред» в своем единстве позволяет прекращать уголовное дело или уголовное преследование по всем преступлениям небольшой или средней тяжести без исключения.

Вместе с тем, практика освобождения от уголовной ответственности по ст.25.1 УПК РФ не отличается единообразием. Так, Президиум Ленинградского областного суда в своем постановлении от 13.06.2017, согласившись с кассационным представлением на постановление Гатчинского городского суда Ленинградской области в отношении М. А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ, указал, что «данное преступление не совершено в отношении какого-либо конкретного потерпевшего, в связи с чем обязательное условие по возмещению причиненного вреда или иному заглаживанию вреда не может быть выполнено. Поэтому мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не может быть применена по данной категории преступлений» [6]. Исходя из позиции, представленной в постановлении Президиума Ленинградского областного суда, ни одно уголовное дело по преступлениям, где объектом охраны являются публичные интересы, не может быть прекращено с назначением судебного штрафа.

В противовес практике Президиума Ленинградского областного суда, при рассмотрении кассационной жалобы защитника на приговор Ленинского районного суда г. Владивостока в отношении осужденного по ч.1 ст. 228 УК РФ Президиум Приморского краевого суда отменил состоявшиеся судебные постановления, производство по делу прекратил, освободил осужденного от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в связи с тем, что у суда первой и апелляционной инстанции не было оснований для отказа в удовлетворении ходатайства, а осужденный принял меры к заглаживанию вреда в виде внесенного на счет добровольного пожертвования в размере 8000 рублей. [8]

По нашему мнению, позиция, в соответствии с которой не допускается освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях с публичным объектом посягательства, противоречит положениям ст.25.1 УПК РФ. Как было указано выше, наличие условий «возместить ущерб» или «иным образом заглавить причиненный вред» в своем единстве позволяет прекращать уголовное дело или уголовное преследование по всем преступлениям небольшой или средней тяжести без исключения. Однако, имеющиеся противоречия говорят о том, что проблема существует и ее необходимо разрешить, в том числе, путем возможного внесения изменений в соответствующие положения УПК РФ, регламентирующие порядок прекращения уголовных дел и уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

Здесь обращают на себя внимание основания отказа в удовлетворении ходатайства следователя, приведенные в ч.5 ст. 446² УПК РФ. К ним отнесены:

сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства;

уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям [1].

Такое основание отказа, как невыполнение требования о возмещении вреда потерпевшему или заглаживании причиненного вреда в ст. 446² УПК РФ отсутствует.

Невыполнение условий освобождения от уголовной ответственности по ст.25.1 УПК РФ в соответствии с п. 25.2 Постановления Пленума Верховного суда № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» является основанием для возврата ходатайства следователя.

Но возврат означает, что позиция сторон не будет непосредственно исследована в судебном заседании, а лицо, привлекаемое к уголовной ответственности будет лишено возможности донести до суда- каким образом оно заглавило причиненный вред.

Внесение изменений в ст. 446² УПК РФ и дополнение такого основания отказа, как «невыполнение условий освобождения от уголовной ответственности, указанных в ст.25.1 УПК РФ» позволит в судебном заседании исследовать доказательства, подтверждающие возмещение вреда потерпевшему, заглаживание причиненного преступлением

вреда. А в связи с тем, что судебные постановления должны быть законными, обоснованными и мотивированными в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, несоблюдение требований о мотивированности будет являться основанием для отмены состоявшихся судебных постановлений без их возврата следователю.

С другой стороны, в случае, когда ходатайство об освобождении от уголовной ответственности заявляется в судебных стадиях рассмотрения уголовного дела, положения ст. 446² УПК РФ применяться не могут.

Осветив неопределенность, возникающую при освобождении лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по уголовным делам, где непосредственно не причиняется вред потерпевшему, считаем необходимым также указать, что на практике имеется неопределенность и при освобождении от наказания по двухобъектным преступлениям, где формальное наличие по уголовному делу лица, пострадавшего от действий подозреваемого, обвиняемого, признанного в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим, не снимает вопрос о возможности прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ.

Более того, здесь необходимо упомянуть, что в соответствии с п.3 постановления Пленума Верховного суда РФ № 17 от 29.06.2010 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [4]. То есть, применительно к освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, наличие или отсутствие постановления, как процессуального документа, о признании лица потерпевшим само по себе не влечет возникновение основания для применения ст.25.1 УПК РФ в связи с возмещением вреда потерпевшему. В этом ключе мы обращаемся к практике судов кассационной инстанции по освобождению лиц от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям с назначением судебного штрафа.

Президиум Ленинградского областного суда в своем постановлении от 05.09.2017, согласившись с кассационным представлением на постановление Всеволожского городского суда Ленинградской области в отношении С. А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 318, ч.2 ст. 296 УК РФ, указал, что суд первой инстанции «не учел, что по делам данной категории имеются два объекта преступления – как непосредственно потерпевший, так и основной объект уголовной защиты – интересы государства, а потерпевший при

этом выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства. При таких обстоятельствах по данному основанию прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав» [7].

Из представленных постановлений Ленинградского областного суда следует очевидное единство в позиции Президиума указанного суда при освобождении от уголовной ответственности лиц по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом.

С другой стороны, Президиум Кировского областного суда в своем постановлении от 19.09.2018, не согласившись с доводами судебных постановлений в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, указал, что у мирового судьи, в соответствии с ч.5 ст. 446² УПК РФ не было оснований для отказа в удовлетворении ходатайства следователя. В соответствии с позицией Мирового судьи, поддержанной судом апелляционной инстанции, преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ «является двухобъектным, что исключает возможность прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст.76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ»[5].

В связи с тем, что природа противоречий в судебной практике освобождения от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом, по нашему мнению, одна, вызвана недостаточной ясностью в определении условий освобождения от уголовной ответственности по ст.25.1 УПК РФ, полагаем, что необходимо принятие единых мер, которые позволят исключить вынесение судебных постановлений, содержащих различное понимание условий освобождения от ответственности по ст. 25.1 УПК РФ.

Итак, прежде всего возникают вопрос, что значит иным образом загладить причиненный преступлением вред?

Верховным судом РФ в постановлении Пленума № 19 от 27.07.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разграничиваются понятия «вреда» и «ущерба». В соответствии с п.2.1 названного постановления под ущербом понимается имущественный вред, «который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, воз-

мещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.». Под заглаживанием вреда понимается «имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [3].

Нельзя согласиться с мнением ученых, полагающих, что возмещение вреда есть устранение последствий и восстановление состояния объекта посягательства в положение «до совершения преступления» [10, с. 22], ведь с учетом того, что объектом посягательства могут выступать публичные интересы, их восстановление в состояние «до совершения преступления» невозможно.

Наиболее близкой автору представляется позиция, в соответствии с которой под возмещением причиненного вреда понимаются «любые действия, направленные на уменьшение степени общественной опасности различных последствий и выражающиеся в предотвращении дальнейшего распространения вредных последствий совершаемого преступления, возмещении причиненного материального ущерба, морального и физического вреда» [9, с. 887].

Применительно к предмету исследования настоящей статьи нас интересует – является ли достаточным для выполнения условий ст. 25.1 УПК РФ принятие мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства. Речь идет о наличии конкретного результата как условия прекращения уголовного преследования. С другой стороны, достаточно ли просто совершения каких-либо действий, которые имеют направленность на восстановление интересов.

В вышеуказанном постановлении Президиум Приморского краевого суда согласился с тем, что оказание благотворительной помощи организации, основной целью которой является оказание помощи наркозависимым является выполнением условия о заглаживании вреда иным образом (то есть, без привязки к восстановлению нарушенных интересов). Соглашаясь с принципиальной позицией о возможности при указанных обстоятельствах освобождать лиц от уголовной ответственности, считаем необходимым указать на спорность такой позиции, так как механизма контроля за тем, каким образом будут использованы денежные средства не имеется. По нашему мнению, подобного рода пожертвования могут осуществляться только в предусмотренном законом порядке в пользу бюджетных учреждений. Закрепление на

законодательном уровне такого порядка есть один из способов разрешения сложившейся на практике проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц по двухобъектным преступлениям и преступлениям с публичным объектом посягательства.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»// СПС КонсультантПлюс;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»// СПС КонсультантПлюс;
5. Постановление президиума Кировского областного суда от 19 сентября 2018 г. N 44у-45/2018 // СПС КонсультантПлюс;
6. Постановление президиума Ленинградского областного суда от 13 июня 2017 г. N 44у-47/2017 // СПС КонсультантПлюс;
7. Постановление президиума Ленинградского областного суда от 05 сентября 2017 г. N 44у-62/2017 // СПС КонсультантПлюс;
8. Постановление президиума Приморского краевого суда от 17 сентября 2017 г. N 4У-1589/2018 [44У-220/2018] // СПС КонсультантПлюс;
9. Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Крочачева Н. М., Волженкина Б. В., Орехова В. В. СПб., 2006;
10. С. Щерба, А. Савкин. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / Под общ. Ред. Щерба С. П. М., 1997.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИНЫ СОЛОМОНОВНЫ ЭЛЬКИНД И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ

В статье рассматриваются вопросы оптимизации процессуальных форм в качестве одного из направлений уголовно-процессуальной политики государства. Анализ научного наследия П. С. Элькинд позволяет лучше ориентироваться в современных проблемах, связанных с дифференциацией уголовно-процессуальных форм. Несмотря на то, что упрощение законодателем процессуальных форм можно рассматривать, в некоторых случаях, в качестве позитивного направления в законотворчестве, однако далеко не всегда процессуальная экономия является обоснованной. Автор приходит к выводу о том, что для реализации досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого со следствием более эффективной является обычная форма судопроизводства. В статье дается оценка действующего законодательства, регламентирующего производство в порядке главы 40-1 УПК РФ, указывается на недостатки правового регулирования, предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: научное наследие П. С. Элькинд, уголовно-процессуальная политика, дифференциация процессуальной формы, досудебное соглашение о сотрудничестве

SCIENTIFIC HERITAGE OF POLINA SOLOMONOVNA ELKIND AND CURRENT PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF PROCEDURAL FORMS

Summary: The article covers the issues regarding the optimization of the forms of actions as one of the directions of the criminal procedure policy of the state. The analysis of scientific heritage of P. S. Elkind allows to be better oriented in the current problems connected with differentiation of criminal procedure forms. Despite the fact that the simplification of forms of actions by the legislator can be considered, in some cases, as a positive direction in law-making, the procedural economy is not always reasonable. The author concludes that in order to implement the pre-trial agreement on the cooperation of the accused with the investigation, the usual form of legal proceedings is more effective. The article presents the assessment of the current legislation that regulates the court proceedings in accordance with the rules of Chapter 40-1 of the Criminal procedure code, the shortcomings of legal regulation are specified and the ways of its improvement are suggested.

Keywords: scientific heritage of P. S. Elkind, criminal procedure policy, differentiation of procedural form, pre-trial agreement on cooperation.

Профессор П. С. Элькинд в своей работе «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве» рассуждает о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы, о дискуссиях конца 60-х, начала 70-х годов XX века. Она отмечала, что действовавшая в то время система уголовного судопроизводства не была безупречной и нуждалась в совершенствовании. Дискуссионными являлись вопросы о необходимости дифференциации уголовно-процессуальной формы и о расширении сокращенных форм судопроизводства. Делая обзор публикаций того времени, П. С. Элькинд отмечала, что имеет место опасное тяготение к расширению упрощенных форм судопроизводства. В тот период времени учеными предлагались различные критерии дифференциации, такие как «ясность дела», «очевидность» преступления, «меньшая общественная опасность деяния», «простота» расследования и судебного разбирательства. Отдельные представители научного сообщества предлагали отказаться от предварительного расследования по делам об очевидных, ясных преступлениях, а также о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Поступали предложения о предоставлении суду права на изменение объема обвинения без направления дела для производства дополнительного расследования, причем, в сторону, ухудшающую положение обвиняемо-

го. В качестве аргументов расширения количества суммарных производств, приводились идеи о необходимости процессуальной экономии и снижении нагрузки следственных и судебных работников. При этом авторы указывали, что упрощение процессуальных форм не нарушает основных принципов уголовного процесса и не снижают уголовно-процессуальные гарантии прав личности [4, с. 71-72].

Не отрицая целесообразность закрепления упрощенных судопроизводств в некоторых случаях, П. С. Элькинд подвергала критике выдвигаемые критерии суммарных форм судопроизводства, считая их неоправданными как с теоретической, так и с практической точек зрения, и не соответствующими требованию этичности уголовно-процессуальных средств. С ее точки зрения, указанные критерии неизбежно ограничивают процессуальные гарантии правосудия, а презюмирование уголовных дел в качестве «простых», «ясных» и «очевидных» еще до их расследования и судебного разбирательства не этично, как и презюмирование подсудимого виновным до вынесения приговора. Дела, которые представляются простыми, ясными и очевидными, оказываются не такими после их тщательного и всестороннего расследования и судебного рассмотрения. По мнению автора, не соответствует нормам нравственности и иерархии социальных ценностей обоснование необходимости расширения суммарных производств стремлением освободить следственных и судебных работников от перегруженности. С ее точки зрения, экономичными являются такие формы судопроизводства, которые обеспечивают оптимальное достижение его целей при минимальной затрате сил, энергии и времени всех субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Экономичность, по ее мнению, не самоцель, а средство обеспечения наилучших результатов в достижении поставленных целей. Превращение экономичности в самоцель, сведение ее роли и значения только к скорости и оперативности уголовного судопроизводства могут нанести, с точки зрения автора, серьезный урон делу правосудия, а предложения о дальнейшем расширении суммарных форм уголовного судопроизводства противоречат демократической природе целей, средств и принципов уголовного процесса. Автор делает вывод о том, что существующие и предполагаемые отступления от единого порядка судопроизводства в сторону его упрощения и ускорения должны получить свое последующее разрешение в одном из двух направлений: либо отказа от упрощенного судопроизводства, либо выведения соответствующих правонарушений за рамки преступлений, а порядка преследования - за рамки уголовного судопроизводства [4, с. 78-79, 81-85].

Уголовно-процессуальные проблемы, обсуждаемые в науке уголовного процесса в шестидесятые и семидесятые годы XX века актуальны и сегодня. Одним из направлений современной уголовно-процессуальной политики государства является дифференциация уголовно-процессуальной формы, как в сторону усложнения, так и в сторону упрощения. Наиболее интенсивно расширяются именно упрощенные формы судопроизводства такие, как дознание в сокращенной форме (глава 32.1. УПК РФ), упрощенный порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (главы 40 и 40-1 УПК РФ). Эта тенденция привела к тому, что подавляющее большинство уголовных дел в судах Российской Федерации рассматривается в упрощенном порядке. Так, по данным Судебного Департамента при Верховном суде РФ за 6 месяцев 2018 г. из 444264 окончанных производством уголовных дел в особом порядке рассмотрено 292279, что составляет 65, 8 % [2].

Несмотря на рекомендации представителей научного сообщества с осторожностью подходить к расширению круга упрощенных производств, не допуская ограничения уголовно-процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, количество упрощенных производств растет. Несовершенство законодательного регулирования некоторых упрощенных производств может привести и приводит, в отдельных случаях, к не достижению целей уголовного процесса и нарушению баланса интересов участников судопроизводства. В качестве примера можно привести законодательное регулирование института досудебного соглашения о сотрудничестве и практики его применения.

Досудебное соглашение о сотрудничестве между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором действует с 2009 года. Целью данного уголовно-процессуального института является стимулирование посткриминального поведения лица, совершившего преступление, которое может заключаться в различных формах содействия органам расследования, например, в форме избличения соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем, сообщении сведений о месте нахождения соучастников преступления.

В практической деятельности правоохранительных органов было бы разумным сначала получить положительный результат со стороны лица, совершившего преступление, а затем установить благоприятные для этого лица уголовно-правовые последствия – льготу по наказанию или прекращение уголовного дела. Такая конструкция является оптимальной при осуществлении правосудия в обычной уголовно-

процессуальной форме. Однако следственная и судебная практика вынужденно пошла иным путем.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ следователь наделяется правом выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении обвиняемого, подозреваемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Однако Верховный Суд РФ в п. 5 Постановления Пленума № 16 от 28 июня 2012 г. «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» превратил это право следователя в обязанность. Пленум, в частности, указал, что «по смыслу ч. 1 статьи 317.4 УПК РФ, в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случае же, если данное требование не выполнено, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ» [3].

Следственная и судебная практика, однако, свидетельствует о том, что выделение уголовного дела во многих случаях затруднительно без ущерба для полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. В судебной практике возникают ситуации, когда по результатам рассмотрения основного уголовного дела, рассмотренного в обычном порядке, из обвинения исключаются отдельные эпизоды преступной деятельности, либо квалифицирующие признаки преступлений, либо действия лиц переквалифицируются на иные статьи УК РФ. Таким образом, появляются два несовпадающих судебных решений в отношении соучастников преступления. Есть прецеденты, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, осуждено в упрощенном порядке, а соучастники этого преступления оправданы присяжными или профессиональными судьями в обычной форме судопроизводства.

Представляется, что выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должно быть исключительным случаем, например, когда необходимо применение мер безопасности в отношении такого лица. В остальных случаях раздельное расследование и судебное разбирательство дел соучастников преступления затрудняет установление истины по делу, может породить судебные ошибки, которые впоследствии сложно устранить.

Все это снижает в целом эффективность рассматриваемого процессуального института.

В свое время Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству также отмечал ошибочность положения о выделении уголовного дела в отдельное производство еще на этапе рассмотрения законопроекта о внесении изменений в УПК РФ, введившего институт досудебного соглашения о сотрудничестве. В частности, указывалось, что пункт 3 статьи 2 проекта предлагает дополнить часть первую статьи 154 УПК РФ новым пунктом 4 о праве следователя выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого, по которому прокурором вынесено представление о соблюдении условий соглашения о сотрудничестве. В контексте статьи 154 УПК РФ на указанную ситуацию будет распространяться правило части второй этой статьи, допускающее выделение дела в отдельное производство, только если это не отразится на всесторонности и объективности расследования и разрешения дела, в случаях, когда это вызвано большим объемом дела или множественностью его эпизодов. Данное предложение не согласуется с частью четвертой проектной статьи 317 УПК РФ, по смыслу которой следователь обязан во всех случаях выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого при наличии представления прокурора о соблюдении обвиняемым соглашения о сотрудничестве, независимо от того, как повлияет это выделение на всесторонность и полноту расследования и разрешения дела и независимо от того, насколько велики объем дела и число эпизодов преступных деяний [1].

В последнее время законодатель пытается исправить недостатки раздельного рассмотрения уголовных дел в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и дела в отношении его соучастников. Федеральным законом № 322-ФЗ от 03.07. 2016 г. были предложены дополнительные стимулы выполнения обвиняемым, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, его условий, а также выработан механизм отмены или изменения приговоров, вынесенных в упрощенном порядке с целью их приведения в соответствие с приговором по основному уголовному делу. В частности, в качестве новых апелляционного, кассационного и надзорного оснований отмены или изменения приговора предусматривается выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Однако указанные изменения и дополнения регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве не решают главной задачи этого

процессуального института, которая заключается в выявлении, эффективном раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и привлечении к уголовной ответственности виновных, вынесении в отношении них законного, обоснованного и справедливого приговора на основе содействия следствию со стороны подозреваемого (обвиняемого), выражающегося в предусмотренных законом формах.

По нашему мнению, условия досудебного соглашения о сотрудничестве можно считать выполненными, когда участник такого соглашения дал изобличающие соучастников показания не только на следствии, но и в ходе судебного заседания. Редакция же главы 40-1 УПК РФ предусматривает осуждение такого лица до того момента, когда состоится судебное разбирательство в отношении соучастников, на котором он может повести себя различным образом, например, изменить показания, отказаться от дачи показаний и т. д. Норма о том, что приговор, вынесенный по выделенному уголовному делу, может быть пересмотрен при установлении данных о несоблюдении условий и неисполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, не всегда позволяют исправить судебные ошибки. Например, по основному уголовному делу соучастники могут быть оправданы именно ввиду неисполнения соответствующим лицом досудебного соглашения о сотрудничестве, а привлечение их к уголовной ответственности по разным причинам может стать невозможным. То, что новый закон позволяет отменить приговор по выделенному делу и осудить обвиняемого без учета льгот, не приведет к восстановлению нарушенного преступлением права в полной мере, поскольку не все соучастники преступления понесут заслуженное наказание.

Решение рассмотренных выше проблем мы видим в иной плоскости. Представляется, что уголовное дело может быть выделено в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, только в исключительном случае, например, когда речь идет о его безопасности. По общему же правилу расследование должно быть единым. Судебное разбирательство необходимо осуществлять в обычной процессуальной форме. Именно в ходе судебного разбирательства в общем порядке путем непосредственного исследования доказательств суд может сделать вывод о том, выполнил ли обвиняемый все условия соглашения о сотрудничестве или нет, помогли ли его показания и иные предоставленные им сведения в изобличении и осуждении соучастников. Применение льгот по наказанию или полное освобождение соответствующего лица от ответственности было бы целесообразно после установления истины по делу и полного выполнения условий досудебного соглашения.

Для эффективного функционирования такого процессуального института, как досудебное соглашение о сотрудничестве, не требуется создавать сложных законодательных конструкций. Достаточно сформировать следственную и судебную практику, не основанную на обязательном выделении уголовных дел в отношении лиц, заключивших такое соглашение.

Упрощение процессуальных форм, являющееся характерной, и даже в некоторых случаях необходимой чертой современной уголовно-процессуальной политики государства, должно быть для законодателя взвешенным решением, которое в полной мере соотносится с решением задач уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по принятому в первом чтении проекту Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Государственная Дума: [сайт]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=485937-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=485937-4&02); <http://бешеный-принтер.рф/bill/485937-4>
2. Официальный сайт Судебного Департамента РФ. Электронный ресурс: <http://www.cdep.ru/inde> от 28 июня 2012 г. № 16x.php?id=79
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград. 1976

И. А. Кирынина

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в г. Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕЯВИВШЕГОСЯ СВИДЕТЕЛЯ

В статье автором проводится анализ становления института оглашения показаний ранее допрошенного и неявившегося в суд свидетеля в условиях состязательного процесса, когда Российский законодатель был вынужден искать баланс между прецедентной практикой Страсбургского суда на нарушение п. 4 ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека и ущемлением права стороны обвинения по представлению доказательств, полученных с соблюдением требований УПК РФ и отвечающих требованиям допустимости. Поддерживается мнение ученых о том, что право лица на справедливое судебное разбирательство, в котором ему предоставляются возможности, гарантированные п. 4 ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, не должны превалировать над публичным интересом достижения целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оглашение показаний ранее допрошенного и неявившегося в суд свидетеля, допрос свидетеля, показания свидетеля

Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure the fourth faculty of professional development (with a dislocation in Nizhny Novgorod) Institute for Advanced Studies FGKOU VO «Moscow Academy of Investigative Committee of the Russian Federation»

INFLUENCE OF THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT ON HUMAN RIGHTS ON THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR THE INDICATION OF INDICATIONS OF THE INDEPENDENT WITNESS

Summary: Author analyzes the formation of the institution of reading out the testimony of a previously questioned witness who did not appear in the court in a competitive process when the Russian legislator was forced to seek a balance between the case-law of the Strasbourg court for violation of art. 6 of the European Convention on Human Rights and the infringement of the right of the prosecution to provide evidence obtained in compliance with the requirements of the Code of Criminal Procedure and meeting the requirements of admissibility. It supports the opinion of scientists that the right of a person to a fair trial, in which he is given opportunities guaranteed by cl. D part 3 of Art. 6 of the European Convention on Human Rights, should not prevail over public interest in achieving the objectives of criminal justice.

Key words: announcement of testimony of a witness previously interrogated and not appearing in court, interrogation of a witness, testimony of a witness

В ходе проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств, в наивысшей мере подвергаются ограничениям права и свободы человека и гражданина, поскольку уголовное судопроизводство не обходится без мер принуждения, пресечения.

Активная востребованность гражданами Российской Федерации правовой защиты в Европейском суде по правам человека свидетельствует об их недостаточно эффективной защите при реализации правоприменителем национального уголовно-процессуального законодательства, в том числе в ходе собирания доказательств.

По мнению автора, применение международных стандартов доказывания в рамках национального уголовного судопроизводства позволяет настроить правовые институты, регламентирующие порядок доказывания по уголовному делу, на максимально эффективное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, поскольку в их основе лежит правовое положение личности в аспекте их ограничения.

Хотелось бы привести слова П. С. Элькинд, которые за исключением слов «советский» и «социалистический» остаются актуальными и

сегодня: «... вопрос о положении обвиняемого в уголовном процессе, об объеме его прав и характере процессуальных гарантий есть частный вопрос важнейшей проблемы о положении личности в государстве, о судьбе человека, гражданина, самого ценного капитала в мире» [9, с. 235].

Она также отмечала, что как указывал Я. В. Вышинский, наделение обвиняемого процессуальными правами является чрезвычайно важным с точки зрения не только обвиняемого, но и самого государства, с точки зрения правосудия: «Суд заинтересован в том, чтобы была установлена истина... Это без активного участия обвиняемого было бы невозможно» [2, с. 254].

Среди проводимых в ходе расследования преступлений следственных действий допрос свидетелей, как известно, является наиболее распространенным; он проводится практически по каждому уголовному делу. Его результаты – показания свидетеля, ложатся в основу доказательственной базы. В части 2 статьи 74 УПК РФ показания свидетеля выделены в качестве самостоятельного доказательства.

Допрос является универсальным следственным действием, с помощью которого следователь может получить доказательственную информацию практически по всем обстоятельствам предмета доказывания, а на его результаты – показания содержатся многочисленные ссылки в обвинительных заключениях [6, с. 491].

Порядок и процедура исследования свидетельских показаний в судебном заседании в условиях состязательного производства в течение последних нескольких лет постоянно оказываются в центре внимания юридической общественности, Европейского суда по правам человека, и, конечно, российского законодателя.

И для отечественного правоприменителя указанная проблематика также обладает непреходящей актуальностью, поскольку конституционность отдельных положений статьи 281 УПК РФ неоднократно была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, и все они, как правило, становились результатом формирования прецедентной практики Европейского суда по правам человека (Определения Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 337-О; от 2 октября 2003 г. № 340-О; от 14 октября 2004 г. № 326-О; от 20 октября 2005 г. № 391-О; от 7 декабря 2006 г. № 548-О; от 15 апреля 2008 г. № 300-О-О; от 15 июля 2008 г. № 454-О-О; от 21 октября 2008 г. № 519-О-О; от 2 апреля 2009 г. № 477-О-О, от 16 июля 2013 г. № 1117-О; от 24 октября 2013 г. № 1605-О; от 21 ноября 2013 г. № 1880-О; от 23 октября 2014 г. № 2978-О; от 10 октября 2017 г. № 2252-О).

Первая редакция ст. 281 УПК РФ императивно устанавливала единственно возможную процедуру оглашения показаний свидетелей в стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела, а также демонстрации фотонегативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и видеозаписи, киносъемки допросов только при наличии обоюдного согласия сторон и одного из следующих оснований:

- 1) при существенных противоречиях между ранее полученными показаниями и показаниями, данными в суде;
- 2) при неявке свидетеля в судебное заседание.

Изначально законодатель не делал никаких акцентов на причинах неявки свидетеля, что при любых условиях создавало возможность недобросовестной стороне в процессе злоупотреблять правом, блокируя своим «вето» попытки противоположной стороны представить эти доказательства суду в обоснование своей позиции по уголовному делу [3].

Поэтому практически сразу представители судейского корпуса стали активно высказываться о необходимости введения правила оглашения показаний умершего свидетеля при наличии согласия только одной стороны, поскольку как правоприменители, так и ученое сообщество усматривали нарушение равенства сторон, ущемление права по предоставлению доказательств, в том числе полученных в условиях законных процедур и отвечающих требованиям допустимости [4].

Итогом необходимости урегулирования указанных правоотношений стало принятие Федерального закона от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ, в соответствии с которым статья 281 УПК РФ дополнена частью второй, предоставившей суду право по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон принять решение об оглашении ранее данных показаний неявившегося в суд свидетеля при наличии следующих оснований:

- 1) смерти или тяжелой болезни свидетеля, препятствующей его явке в суд;
- 2) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих его явке в суд;
- 3) отказа свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться в суд по вызову суда.

Как мы видим, все основания оглашения показаний ранее допрошенного и неявившегося в суд свидетеля вызваны непреодолимыми обстоятельствами, объективно препятствующими возможности его допроса в стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела.

По мнению профессора Е. Зайцевой, этими нововведениями, отражающими попытку найти разумный баланс между публичным интересом в достижении назначения уголовного судопроизводства и правом лица на справедливое судебное разбирательство, в котором ему предоставляются возможности, предусмотренные п. d ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, в особенности касающимися возможности оглашения показаний умерших свидетелей, законодатель спас не одну жизнь, т. к. физическое устранение указанных участников процесса делалось бессмысленным на фоне принятых законодательных инициатив [5].

И только в 2016 году с принятием Федерального Закона от 2 марта 2016 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» появилось новое основание оглашения показаний ранее допрошенного и неявившегося в суд свидетеля, когда в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным.

Примечательно, что попытки ввести в правовое поле новые основания оглашения показаний отсутствующего свидетеля, предпринимались и ранее. Так, в архиве 6 созыва Государственной Думы РФ находится отклоненный законопроект № 73514-6, внесенный 14 мая 2012 года депутатами М. В. Емельяновым и Д. Н. Гасановым, где вышеуказанное основание, помимо признания свидетеля безвестно отсутствующим или объявления умершим, предлагалось сформулировать в пункте 6 части 2 статьи 281 УПК РФ. При этом бремя установления местонахождения свидетеля при его неявке и невозможности доставить приводом в судебное заседание возлагалось на сторону, инициировавшую его допрос [10].

Далее очень примечательна прецедентная практика Европейского суда по правам человека по жалобам на нарушение положений п. «d» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающих право подсудимого на допрос показывающих против него свидетелей и являющихся составными частями общей концепции справедливого судебного разбирательства и ее влияние на реформирование Российского законодательства.

В первый раз указанное конвенционное нарушение было установлено в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1986 года (жалоба N 9120/80) по делу Унтерпертингер против Австрии (*Unterpertinger v. Austria*), когда обвиняемый не имел возможности ни на одной из стадий более раннего производства дела за-

дать вопросы лицам, показания которых были зачитаны в зале и легли в основу обвинительного приговора. Всего же с 1976 года Судом было рассмотрено более 100 дел по жалобам на нарушение положений п. d ч. 3 ст. 6 Конвенции.

В отношении Российской Федерации Европейским судом по правам человека только в период с 2005 по 2013 год [1, с. 187-188] рассмотрено не менее 12 жалоб аналогичного характера. Наиболее известными являются постановления Европейского суда по правам человека от 03.11.2005 по делу «Озеров против Российской Федерации»; от 25.09.2008 по делу «Полуфакин и Чернышов против Российской Федерации»; от 14.01.2010 по делу «Мельников против Российской Федерации» и др.

Особо хотелось бы остановиться на последнем из них, поскольку именно это решение, на наш взгляд, сыграло решающую роль в формировании следственной практики, при которой проведение очной ставки стало не правом, а, фактически, обязанностью следователя, своего рода гарантией, разрешающей оглашение показаний неявившегося свидетеля в стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела, а впоследствии – и внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Обязательное проведение очной ставки, как единственно возможное условия оглашения показаний ранее допрошенного и неявившегося в суд принципиального свидетеля, по мнению автора, превратило ее в некую формализованную «индальгенцию»; при этом основания и цель проведения очной ставки явно перестали соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона: ее проведение стало не правом, а обязанностью следователя, а наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц перестало быть процессуальным основанием ее проведения.

Итак, напомним, что согласно правовой позиции Европейского суда, все доказательства представляются в открытом судебном заседании, в присутствии обвиняемого, в условиях состязательности. Правила пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции требуют, чтобы подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дает против него свидетель, и задавать ему вопросы, когда получены показания или на более поздней стадии разбирательства. При определенных обстоятельствах использование показаний, полученных на стадии следствия, может являться необходимым. Если подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дают против него свидетели, ис-

пользование их показаний в качестве доказательств не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Однако, если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на показаниях, данных лицом, которое обвиняемый не имел возможности допросить или оно не было допрошено на той или иной стадии разбирательства, права защиты ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции.

Нельзя не согласиться с профессором Е. Зайцевой, которая полагает, что прямая имплементация указанного конвенционного положения привела бы к противоречивому регулированию процедур судебного следствия и предварительного расследования, в ходе которого именно лицо, осуществляющее досудебное производство, определяет наличие фактических оснований для проведения любого следственного действия (в том числе и очной ставки) [5, с.53].

Российский законодатель пошел иным путем: Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» статья 281 УПК РФ дополнена частью 2.1., в которой сформулировано основанное на прецедентной практике Европейского суда по правам человека правило о том, что решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при наличии оснований, предусмотренных пунктами 2-5 части 2 настоящей статьи при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренным законом способами.

Е. Зайцева справедливо отмечает, что суть положений п. d ч. 3 ст. 6 Конвенции не может ограничиваться исключительно указанным правом подсудимого. Конвенция предполагает и право подсудимого на то, чтобы эти свидетели были допрошены, что означает применением судом других средств проверки показаний этих лиц, а не только перекрестного допроса с участием самого подсудимого. Система действующего нормативного регулирования в достаточном количестве содержит возможности обвиняемому (подсудимому) оспорить в предыдущих стадиях производства по делу эти доказательства предусмотренными законом способами (ч. 4 ст. 47, ст. 53, части 2-3 ст. 86, главы 15-16, ст. 217, ст. 235 УПК РФ и др) [5, с. 53].

Мы не можем согласиться с некоторыми авторами [7, с. 49], которые полагают, что единственным следственным действием, указанным в разделе VIII УПК РФ, в ходе которого подсудимому может быть

предоставлена возможность оспорить показания свидетеля и задать ему вопросы, является очная ставка.

Ярким подтверждением тому служит Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года № 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью 2.1 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Заявитель оспорил конституционность части 2.1 статьи 281 УПК РФ, согласно которой в случаях тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа свидетеля, являющегося иностранным гражданином явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд; в случае, если в результате принятых мер установить местонахождение свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашение его показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами в той мере, в которой эта норма не устанавливает перечень следственных действий, производство которых на стадии предварительного расследования дает возможность подозреваемому, обвиняемому оспорить показания, данные против него свидетелем, не позволяет подозреваемому, обвиняемому реализовать право допросить такого свидетеля и опровергнуть его показания.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, введенная Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 40-ФЗ в статью 281 УПК РФ часть 2.1 подлежит применению во взаимосвязи с положениями уголовно-процессуального закона, обеспечивающими обвиняемому в уголовном судопроизводстве право на защиту и право на справедливое судебное разбирательство, и дополнительной конкретизации в виде исчерпывающего перечня средств оспаривания показаний ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля не требует. Конституционный Суд РФ обратил внимание на то обстоятельство, что при реализации стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить показания ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля.

Итак, мы предприняли попытку рассмотреть становление института оглашения показаний неявившегося свидетеля и влияние на него прецедентной практики Европейского суда по правам человека.

Отказ от канонов советского уголовно-процессуального права означает рецепцию и творческую переработку Европейских уголовно-процессуальных правил ведения допросов и правил получения доброкачественных доказательств, а не их прямую имплементацию, которая несомненно может привести к дисбалансу прав сторон в процессе, искажению сущности отдельных следственных действий и противостояния публичным интересам достижения целей уголовного судопроизводства.

Именно в этом видится ключ к решению проблемы реформирования российского уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Александров А. С., Бостанов Р. А. Использование производных доказательств в уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитформ, 2013. – 320 с.
2. Вышинский В. Я. Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, М., 1950. – с. 254.
3. Гущин В. З. Нормы нового УПК РФ о защите прав человека нуждаются в доработке//Адвокатская практика. – 2003. - № 2.
4. Желтобрюхов С., судья Советского районного суда г. Астрахани. Оглашение показаний умершего//Российская юстиция, 2003, № 6. С. 52-53.
5. Зайцева Е. Дополнения ст. 281 УПК РФ: очередная попытка достичь разумного баланса в состязательном уголовном судопроизводстве//Законность, № 5, май 2016. С.51-54.
6. Настольная книга следователя. Тактические приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различной категории: научно-методическое пособие/под ред. канд. юрид. наук А. И. Дворкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. - 637 с.
7. Лозовский А. М. Ангарский городской суд, г. Ангарск. О проблеме оглашения судом показаний неявившихся свидетелей и потерпевших// Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел». Издательство: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Иркутск), 2017. С. 48-53.
8. Михеенкова М. А. Доказательства и доказывание: позиции высших судов РФ и ЕСПЧ// Уголовный процесс. № 3, март 2014. С. 24-35.

9. Элькинд П. С. К вопросу о праве обвиняемого на защиту / П. С. Элькинд // Вопросы уголовного права и процесса. – Л., 1956. – С. 234 – 256. – (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 202, Выпуск 8).
10. Документы по подготовке законопроекта № 73514-6. Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/73514-6> (дата обращения 17.08.2018).

А. Д. Назаров

доктор юридических наук, профессор и заведующий кафедрой уголовного
процесса и криминалистики,
Сибирский федеральный университет

А. С. Шагинян

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Сибирский федеральный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с объективизацией в уголовно-процессуальном доказывании. Авторы попытались, кратко изучив основные взгляды по исследуемому вопросу, высказать свое отношение к закреплению уголовно-процессуальных доказательств в эпоху дигитализации. Основываясь на том, что объективизация в доказывании по уголовным делам многоаспектна, в статье проанализированы в этом контексте как отдельные виды доказательств, так и способы их получения. Особое внимание уделено, в числе прочего, психофизиологическому исследованию на полиграфе (детекторе лжи), а также использованию для объективизации таких доказательств, как показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых научно-технических средств и помощи специалистов-психологов для оценки достоверности таких сведений.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, объективизация, виды доказательств, психофизиологическое исследование на полиграфе.

ON THE ISSUE OF OBJECTIFICATION IN PROVING CRIMINAL CASES

Summary: This article deals with actual issues related to objectification in criminal procedural evidence. The authors, who briefly examining the main views on the issue under study, tried to express their attitude to the consolidation of criminal procedural evidence in the era of digitalization. Based on the fact that objectification in evidence in criminal cases is multidimensional, the article analyses in this context both certain types of evidence and methods for obtaining them. Among other things particular attention is paid to psychophysiological research on a polygraph (lie detector), as well as using for objectification of such evidence as testimony of witnesses, victims, suspects, defendants, accused, scientific and technical means and the help of psychologists to assess the reliability of such information.

Keywords: criminal process, proof, objectification, types of evidence, psychophysiological research on a polygraph.

В последнее время в отечественном уголовном процессе наблюдается устойчивая тенденция по расширению рамок так называемой «объективизации» доказывания, которая призвана обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства в условиях почти тотальной дигитализации¹. Оговоримся сразу, что под *объективизацией доказательств* мы будем понимать такую деятельность субъектов доказывания, которая сводит к минимуму или вообще нивелирует субъективный (человеческий) фактор в восприятии при удостоверении хода следственных действий и их результатов и направлена на обнаружение и фиксацию доказательств с помощью специальных технических средств. В этом смысле мы солидаризируемся с М. Б. Вандером, М. А. Филипповой, справедливо считавшими, что объективизация – это «деятельность участников предварительного расследования, направленная на установление и закрепление фактических данных с

---

¹ Данный термин нами употреблен в контексте ставшего актуальным в последнее время явления цифровизации, то есть перехода в различных сферах деятельности на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств и т. п.

помощью средств, на которые существенно не влияют субъективные факторы. Объективизация в познавательном процессе доказывания реализуется различными путями. Прежде всего она осуществляется действиями следователя и других участников предварительного расследования по выявлению и фиксации с применением технико-криминалистических методов материальных следов преступления в широком смысле. В любом случае своевременно предпринятые меры по объективизации доказывания способствуют получению оптимальной совокупности материальных и личных доказательств, надежно изобличающих виновных» [1, с.74; 2, с. 2].

Разделяя такой подход, подчеркнём, что для объективизации используется такой комплекс процессуальных и технических средств, результаты которых не могут быть по чьему-либо произвольному решению неопровержимо объявлены никогда не существовавшими, изменёнными или сфальсифицированными [3, с. 109-118; 4].

На современном этапе развития науки и техники технико-криминалистическим средствам, цифровым технологиям принадлежит важная роль в получении и объективизации (сохранению) доказательств, а поэтому проводится большая работа по внедрению в следственную и судебную практику их новых видов. Объективизация доказывания может быть главным образом осуществлена за счёт установления и фиксации события преступления с использованием современных методов и технических средств криминалистики, значительного расширения использования таких процессуальных средств, как назначение и производство экспертиз и привлечения к участию в следственных действиях специалистов. Однако, несмотря на это, роль человеческого фактора в производстве следственных действий (например, принятых) остается все ещё значимой.

Большую роль в объективизации доказывания и защите полученных фактических данных играют технико-криминалистические средства и методы их фиксации. Они дополняют протокольное описание и наглядно запечатлевают наблюдавшиеся явления. Так, В. Я Карлов пишет, что технико-криминалистическое обеспечение представляется как наиболее перспективный и оптимальный путь повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. При этом очевидны возможности расширения доказательственной базы по уголовным делам и объективизации процесса доказывания [5, с.17].

Что же можно отнести к так называемым «объективным доказательствам» – иначе говоря, к доказательствам, которые неопровержимо

подтверждали или опровергали бы вину подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления или устанавливали бы иные обстоятельства произошедшего события?

На наш взгляд, к объективным доказательствам следует относить в первую очередь **вещественные доказательства** – орудия совершения преступлений, биологические следы, микрочастицы и т. д., а также ставшие актуальными сегодня записи с камер видеонаблюдения (регистраторов, сотовых телефонов), записи разговоров, фотоснимки и др. В связи с тем, что в настоящее время существуют технические возможности проверки подлинности таких доказательств, они являются неопровержимыми свидетельствами каких-либо событий, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Помимо обычных способов собирания вещественных доказательств (осмотры, выемки, обыски и т. д.), в последнее время всё чаще используется арсенал *оперативно-розыскной деятельности*, результатами которой, опять же является появление в деле отдельной группы вещественных доказательств: записи переговоров, информация с электронных носителей, видео- и фотоизображения и др.

Кроме этого, в последнее время качественно выросли научно-технические возможности криминалистической техники, появились новые методики проведения **судебных экспертиз**, что позволяет экспертам (специалистам) делать однозначные выводы – выносить, образно говоря, «научный приговор».

Также отдельного внимания заслуживает современное *психофизиологическое исследование на полиграфе (детекторе лжи)*. Несмотря на то, что заключение специалиста-полиграфолога в настоящее время не всегда рассматривается как доказательство, несомненно оно учитывается судом при вынесении приговора. В 2003-2005 годах Генеральной прокуратурой РФ в свои следственные подразделения были разосланы информационные письма с описанием «чудесных», в хорошем смысле этого слова, результатов применения полиграфа при расследовании преступлений. Полиграф в основном применялся для расследования тяжких и особо тяжких преступлений – исследование проходили подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели. Результаты исследований показывали, кто именно из исследуемых и в какой части давал неверные показания, что позволяло органам следствия выдвинуть правильную версию и заниматься дополнительным сбором доказательств в рамках заданной версии. Около 90 % преступлений, в которых применялся полиграф, были раскрыты. В связи с этим, на наш взгляд, следует продолжить работу по объективизации доказательств в

контексте легализации заключений специалиста-полиграфолога или эксперта этой же специальности [6; 7].

Для объективизации таких доказательств, как показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, перспективным направлением является изучение указанных показаний (особенно, данных наедине следователю), в том числе и записанных на аудио-видеоносителях, с привлечением *специалистов-психологов* для оценки достоверности представленной в показаниях доказательственной информации.

Высокую степень объективности несут доказательства, полученные при проведении следственных действий с использованием криминалистической техники, такие как *разные виды осмотров, следственный эксперимент, контроль и запись телефонных и иных переговоров* и др. [8, с.36-40; 9, с. 87-92].

И, наконец, повсеместное введение сплошной *аудио- или видеозаписи* следственных и иных значимых процессуальных действий (особенно допросов) на предварительном расследовании и в суде будет серьезным продвижением в направлении объективизации в доказывании в уголовном судопроизводстве.

Список использованных источников

1. Вандер М. Б., Филиппова М. А. Объективизация и удостоверение в процессе предварительного расследования // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 74.
2. Вандер, М. Объективизация и защита доказательств по уголовным делам / М. Вандер, В. Исаенко // Законность. – 1996. - № 10. - С. 2
3. Пастухов П. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты объективизации доказательств // Вестник Пермского университета. - 2009. - Выпуск 3. - С. 109-118.
4. Леви А. А. Объективизация доказывания на предварительном расследовании как одно из средств обеспечения прав и законных интересов его участников // Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за обеспечением органами расследования их прав и законных интересов. Методическое пособие. – М., 1995.
5. Карлов В. Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений: Научно-практическое пособие. М.: Издательство "Экзамен", 2006. 192 с.
6. Комиссарова Я. В. Полиграф в России и США: проблемы применения / Я. В. Комиссарова, Н. И. Мягких, А. Б. Пеницын. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 222 с. – (Библиотека криминалиста:БК).
7. Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.

8. Карякин Е. А. Проблемы объективизации и оптимизации доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2008. – № 83. С. 36–40.
9. Курзинер, Е. Э. Объективизация и защита доказательств по уголовным делам // Актуальные проблемы правовой культуры: сборник межвузовской конференции. – Смоленск: Универсум, 2004. – С. 87–92.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: «ПОБЕДЫ» И «БЕДЫ»

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам развития института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. Позитивно оценивая само существование этого института, автор акцентирует внимание на недостатках, которые затрудняют его эффективное использование. Обосновывается вывод о том, что изменение объема обвинения не требует заключения с обвиняемым нового соглашения о сотрудничестве, так как не это предмет «сделки». Также автор выступает против обязательного выделения уголовного дела в отношении заключившего соглашение обвиняемого в отдельное производство.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; выделение уголовного дела; особый порядок судебного разбирательства; пробелы УПК РФ

Sergey A. Novikov

PhD in Legal Science, Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Associate Professor, St. Petersburg State University

PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION: VICTORIES AND TROUBLES

Summary: The article is devoted to topical issues and prospects for the development of the institution of a pre-trial agreement on cooperation in the Russian Criminal Procedure. Positively assessing the very existence of this institution, the author focuses on the shortcomings that hamper its effective use. The author concludes that a change in the volume of the charge does not require the conclusion of a new cooperation agreement with the accused, since this is not the subject of the “deal”. The author also opposes the mandatory separation of the criminal case in relation to the accused who concluded the agreement in a separate proceeding.

Keywords: pre-trial cooperation agreement; separation of the criminal case; special order of the trial; Code of Criminal Procedure gaps

В июне 2019 года исполняется десять лет с момента появления в российском уголовном процессе нового института – досудебного соглашения о сотрудничестве, призванного стимулировать позитивное посткриминальное поведение обвиняемых. Сейчас, по прошествии времени, можно с полным основанием констатировать, что принципи-

ально этот институт оправдал себя. Ежегодно в нашей стране заключается несколько тысяч таких соглашений, что позволило одержать немало знаковых «побед» над криминалитетом, когда за счет помощи, оказанной в рамках соглашения, правоохранительным органам удалось через цепочку рядовых исполнителей выйти на самый «верх» криминальной структуры и собрать достаточные доказательства для привлечения к уголовной ответственности ее лидеров.

Если раньше, до появления главы 40.1 УПК РФ, правоприменители нашей страны часто жаловались на отсутствие достаточных стимулов, побуждающих обвиняемого к даче правдивых показаний в отношении соучастников, то теперь помогать расследованию стало действительно выгодным.

Конечно, российский институт досудебного соглашения о сотрудничестве, наряду с достоинствами, имеет и серьезные недостатки. На протяжении минувшего десятилетия не утихали дискуссии среди ученых и практиков о путях его совершенствования. Даже само слово «сотрудничество» применительно к отношениям, складывающимся у обвиняемого со стороной обвинения, представляется некоторым авторам неэтичным и неприемлемым [1, с. 33].

Но оставим в покое название. Каковы основные трудности, мешающие сегодня в полной мере реализовать позитивный потенциал досудебного соглашения о сотрудничестве в нашей стране?

Прежде всего, напомним, в чем состоит сама суть, существо названного института: это своеобразная «сделка», договор между стороной обвинения и обвиняемым. В рамках такой «сделки» обвиняемый добровольно принимает на себя обязательство оказывать стороне обвинения всестороннее содействие в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников, розыске имущества, добытого в результате преступления, и т. п. Уточним, что, как правило, в заключаемых соглашениях объем помощи детализируется применительно к обстоятельствам уголовного дела: дать показания в отношении организатора преступления, участвовать в конкретных следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях по его изобличению, указать место сокрытия орудий преступления и т. п. В случае если принятые на себя обязательства обвиняемый выполнит, закон гарантирует ему определенное снижение наказания (чч. 2, 4 ст. 62 УК РФ). Поскольку речь идет о своеобразном договоре, действует принцип диспозитивности: обе стороны должны захотеть его заключить. Если объем предлагаемой помощи кажется стороне обвинения недостаточным, обвиняемому в удовлетворении его

ходатайства будет отказано. Повторим, именно помощь, содействие предварительному расследованию – предмет соглашения.

В этом и есть кардинальное отличие досудебного соглашения о сотрудничестве от другого российского уголовно-процессуального института: особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ. Последний, в сущности, представляет собой сделку о признании вины, при которой обвиняемый, соглашаясь с обвинением, добровольно лишает себя полноценного судебного следствия, не требуя доказать его вину в установленном законом порядке, то есть с соблюдением «надлежащей правовой процедуры». За такую экономию времени и сил суда и прокурора закон гарантирует обвиняемому снижение наказания (ч. 5 ст. 62 УК РФ).

Различать эти аспекты очень важно: в случае с досудебным соглашением о сотрудничестве истинный предмет «сделки» никак не должен быть связан с признанием обвиняемым своей вины или отказом от полноценного исследования доказательств в ходе судебного следствия. Обвиняемый, содействующий расследованию в полном объеме заключенного соглашения, может одновременно не соглашаться с предъявленным ему самому обвинением, ввиду, например, собственной правовой безграмотности или, напротив, ошибки следователя, «завысившего» квалификацию инкриминируемых ему действий. Если соглашение обвиняемым исполнено, он, независимо от отношения к предъявленному обвинению, имеет право на предусмотренные законом «льготы».

Так мы подошли к первой серьезной проблеме: в настоящее время уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, обязательно выделяется в отдельное производство и слушается в упомянутом выше особом порядке судебного заседания, то есть без непосредственного исследования в ходе судебного заседания всех собранных по делу доказательств, а это, в свою очередь, предполагает согласие обвиняемого с предъявленным обвинением.

Зачем потребовалось применять особый порядок при вынесении приговора там, где у обвиняемого велик соблазн оговорить себя и других лиц для мнимого исполнения досудебного соглашения, иными словами, где велик риск судебной ошибки? Ответ, очевидно, кроется в стремлении законодателя не дублировать два полноценных судебных разбирательства по обстоятельствам одного и того же преступления (и по «основному», и по выделенному из него в отношении сотрудничающего лица уголовному делу). Однако не ясно, зачем вообще потребо-

валось выделять уголовное дело в отношении заключившего соглашение лица в отдельное производство, тем более, в качестве безальтернативного варианта?

Собственное мнение по этому поводу автором ранее неоднократно высказывалось [3, с. 22; 4, с. 44]. Мы считаем ошибочным существующее правило об обязательном выделении в этом случае уголовного дела. Ни одного значимого аргумента в пользу такой конструкции нет. Наличие досудебного соглашения о сотрудничестве с одним из обвиняемых не может являться препятствием для рассмотрения судом уголовного дела сразу в отношении всех соучастников. Напротив, выделение дела способно самым негативным образом отразиться на всесторонности и объективности рассмотрения каждого из дел. Суду гораздо сложнее вовремя выявлять оговор и самооговор в показаниях лица, заключившего соглашение, что влечет увеличение риска судебной ошибки [2, с. 207-208]. Искусственное разделение уголовного дела об одном преступлении на два и более влечет, помимо прочего, ненужное дублирование процессуальных действий, дополнительные временные и трудовые затраты, усложняет разрешение судьбы гражданского иска и определение судьбы вещественных доказательств и т. п. [4, с. 45].

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о квалификации действий лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Выше уже говорилось о том, что в обмен на выполнение своих обязательств обвиняемый вправе рассчитывать на предусмотренное законом смягчение наказания. Однако предметом «сделки» не может быть уголовно-правовая квалификация деяния; обвиняемый не вправе «выторговать» себе обвинение в менее тяжком преступлении, чем установлено собранными доказательствами. И это, на наш взгляд, хорошо; такой подход соответствует ориентации на поиск объективной истины, исторически близкий отечественному уголовному судопроизводству.

Вместе с тем, действующий уголовно-процессуальный закон содержит некоторые нечеткие формулировки и пробелы, которые затрудняют правильное применение норм рассматриваемого института. Так, согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. В свою очередь, в соответствии с п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, в досудебном соглашении о сотрудничестве должны быть указаны: описание пре-

ступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию; пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление. Исходя из этих норм, в ряде регионов нашей страны, в том числе в городе Санкт-Петербурге, сложилась ущербная, по нашему мнению, практика обязательного «перезаключения» досудебного соглашения о сотрудничестве в ситуации, когда к моменту окончания предварительного следствия обвиняемому предъявлено более тяжкое обвинение по сравнению с тем, которое указано в заключенном ранее соглашении.

«Неперезаключение» досудебного соглашения о сотрудничестве в указанном случае влечет возвращение из суда соответствующего уголовного дела на дополнительное расследование. Обосновывая такое решение, суды, неверно понимая саму суть досудебного соглашения о сотрудничестве, приводят аргументацию, близкую к той, что нашла отражение в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 28 марта 2017 г. по делу № 22-2332/2017: «Вменение осужденному новых эпизодов преступной деятельности, т. е. изменение договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора».

Получается абсурдная ситуация: из буквального толкования приведенного «пассажа» можно прийти к ошибочному выводу, что сторона обвинения, заключив досудебное соглашение о сотрудничестве, «связала» себя соответствующей квалификацией и не вправе ее менять без согласия второй стороны (обвиняемого). Однако, повторим, в действительности сторона обвинения обязана инкриминировать обвиняемому совершение именно тех преступных деяний, которые установлены в ходе расследования. Кроме того, цель заключения досудебного соглашения – узнать от обвиняемого неизвестные ранее детали совершенного преступления, выявить новые эпизоды преступной деятельности, изобличить соучастников и т. д. Как правило, заключение соглашения имеет смысл в самом начале расследования, когда еще многое неясно. Поэтому неудивительно, что в дальнейшем зачастую появляется необходимость предъявить обвиняемому новое, обычно более тяжкое обвинение.

Чтобы избежать в таком случае возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, правоприменители сегодня используют следующий (мягко говоря, небесспорный) механизм. В конце расследования, после предъявления окончательного обвинения и перед объявлением обвиняемому об окончании следственных действий,

вновь повторяется вся процедура заключения (уже нового) досудебного соглашения о сотрудничестве. Обвиняемый снова обращается с ходатайством о заключении соглашения, следовательно с согласия руководителя следственного органа это ходатайство поддерживает, а прокурор заключает с обвиняемым новое досудебное соглашение о сотрудничестве, все отличие которого от предыдущего лишь в актуальной квалификации действий обвиняемого (при этом фактически все пункты соглашения к моменту его заключения уже обвиняемым выполнены!).

По нашему мнению, это неверный путь. Закон не содержит прямого требования о заключении нового досудебного соглашения о сотрудничестве в случае изменения квалификации обвинения, нет в этом и практической необходимости. Обвиняемому все равно будет предъявлено обвинение в совершении того преступления, обстоятельства которого будут установлены к концу расследования. Отказавшись от подписания нового соглашения, он ничего «не выиграет», рискуя, напротив, остаться без подтверждения прокурором выполнения обязательств в рамках имеющегося соглашения.

Чтобы избежать неверного толкования, полагаем целесообразным скорректировать упомянутые п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, чтобы в них говорилось об отражении в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве того описания преступления и той уголовно-правовой квалификации, которые были актуальны именно на момент заключения соглашения. Также в законе имеет смысл прямо указать на возможность изменения квалификации обвинения в соответствии с установленными обстоятельствами дела без необходимости внесения изменений в досудебное соглашение о сотрудничестве, разъясняя эти нормы обвиняемому при заключении такого соглашения.

Подчеркнем, что обвиняемый не всегда соглашается с новым, более тяжким обвинением. Но, как и в ситуации непризнания вины по первоначальному обвинению, ключевым становится не отношение лица к предъявленному ему обвинению, а оказание предусмотренной соглашением помощи.

В завершении исследования вновь констатируем, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве очень важен, востребован и, в целом, имея немало достоинств, стал серьезным шагом вперед на пути развития в нашей стране мер правового стимулирования дачи правдивых показаний и иных форм оказания обвиняемым помощи стороне обвинения. Теперь важно продолжить укрепление и совершенствование этого полезного института с учетом, в том числе, изложенных выше соображений.

Список использованных источников

1. Александров А. И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь, 2018, № 3. С. 30-35.
2. Кириллова Н. П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения // Правоведение, 2009, № 6. С. 203-208.
3. Новиков С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский судья, 2012, № 11. С. 21-24.
4. Новиков С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья, 2013, № 2. С. 42-46.

С. Б. Россинский

доктор юридических наук
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В РУСЛЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящей статье в очередной раз поднимается вопрос о соотношении предусмотренного гл. 40 УПК РФ особого порядка судебного разбирательства уголовного дела с доказыванием как гносеологической и логической основой для постановления приговора или вынесения иного процессуального решения.

Вступая в острую научную полемику с противниками особого порядка судебного разбирательства, автор аргументирует позицию, что доказывание в контексте современных методологических подходов является таким же необходимым атрибутом данной уголовно-процессуальной процедуры, как в других формах осуществления правосудия. Поэтому, невзирая на существующие теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы особого порядка судебного разбирательства нуждается не в отмене, а, наоборот, в дальнейшем развитии.

Ключевые слова: непосредственность судебного разбирательства; особый порядок судебного разбирательства; состязательность сторон; уголовно-процессуальное доказывание; уголовно-процессуальное познание.

Sergey B. Rossinskiy,

Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Procedure Dept. at Moscow State
Kutafin Law University (MSLA)

SPECIAL FORM OF JUDICIAL PROCESS IN CRIMINAL PROCESS (IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY)

Summary: In this article, once again raises the issue of the relationship under Sec. 40 Code of Criminal Procedure of a special order of criminal proceedings to proving how epistemological and logical framework for the resolution of the sentence or the issuance of a procedural decision. Entering the sharp scientific controversy with the opponents of a special order of the trial, the author argues that the proof in the context of modern methodological approaches is as a necessary attribute of the criminal procedure, as in other forms of justice. Therefore, in spite of the existing theoretical, legal and practical problems of a special order of the trial does not require the abolition, but on the contrary, in the further development.

Keywords: immediacy of the trial; special order of the trial; competitiveness of the parties; evidence in criminal cases; cognition in criminal cases.

Предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок судебного разбирательства в настоящее время уже настолько глубоко укоренился в правоприменительной практике, что по числу рассмотренных уголовных дел явно опережает остальные формы разбирательства в 1-й инстанции. При этом, начиная с момента своего возникновения, и до настоящего времени он является предметом самых жарких научных дискуссий [11, С. 6–7, 11–16]. Наиболее острая критика особого порядка судебного разбирательства связана с тем, он плохо сочетается с механизмами уголовно-процессуального доказывания, предполагающими непосредственное исследование судом доказательств, положенных в основу приговора [17, С. 21; 18, С. 47; 25, С. 38]. Подобные позиции, являясь далеко не однозначными, тем не менее не лишены определённого смысла и способствуют развитию уголовно-процессуальной науки и совершенствованию законодательства.

Однако в последнее время в некоторых публикациях намечилась несколько оторванная от реальности и явно негативная тенденция, направленная на полное обесценивание особого порядка судебного разбирательства ввиду мнимого отсутствия доказывания, якобы не свойственного для данного упрощенного механизма рассмотрения уголовного дела. При этом выдвигается еще более опасный тезис, что особый порядок судебного разбирательства, несмотря на то, что прямо предусмотрен УПК РФ, вообще не является уголовный процессом [4, С. 141-142].

Последнее суждение не выдерживает никакой критики и свидетельствует о непонимании самой сущности уголовного судопроизводства как вида юрисдикционной деятельности. Доказывание действительно представляет собой своеобразную «сердцевину», «душу» уголовного процесса [16, С. 122; 28, С. 12]. Однако это вовсе не означает, что оно является единственным содержанием уголовного судопроизводства и что все предусмотренные УПК РФ действия, решения и иные формы поведения участвующих лиц связаны исключительно с доказыванием. Уголовный процесс как осуществляемая в установленном законом порядке юрисдикционная деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, направленная на обеспечение возможности реализации уголовного закона [23, С. 13], имеет гораздо более широкое предназначение. Выделяют воспитательную [24, С. 41], целевую, политическую, ценностную [13, С. 79] и другие функции уголовного судопроизводства. К этому также необходимо добавить целый спектр процессуальных процедур чисто обеспечительного характера (например, наложение ареста на имущество, меры по

обеспечению гражданского иска и т. д.). Уголовное судопроизводство отличается от иной деятельности не своим содержанием, а исключительно наличием установленной УПК РФ процессуальной формы, обусловленной соответствующими гарантиями доброкачественности получаемых результатов. Любые научные позиции, связывающие необходимость присутствия уголовно-процессуальную формы исключительно с доказательственным характером соответствующих правоотношений, нам представляются надуманными и ошибочными.

Однако в контексте тематики настоящей статьи все высказанные общеизвестные суждения не так уж и важны ввиду того, что особый порядок уголовного судопроизводства, несмотря на упрощенную форму, в принципе нельзя лишать доказательственного характера. Безусловно, что свойственные для процессуального доказывания механизмы реализуются здесь не полноценно, а несколько усеченным образом. Но, тем не менее, они есть. Иное лишило бы суд возможности вынести в особом порядке полноценное процессуальное решение. П. А. Лупинская неоднократно отмечала, что первым этапом принятия любого решения является установление фактических обстоятельств [16, С. 37, 122]. В противном случае процессуальное решение становилось бы необоснованным и противоречило бы принципу законности уголовного судопроизводства.

Не принимая во внимание указанных аргументов, противники данной позиции пытаются обосновать свои доводы отсутствием в особом порядке судебного разбирательства непосредственного судебного исследования доказательств, являющегося, по их мнению, необходимым атрибутом реализации судебной власти. Также утверждается, что лишь в условиях непосредственности суд может сделать вывод о достоверности имеющихся доказательств [4, 141-142, 144].

Однако в данном случае имеют место две достаточно грубые методологические ошибки, свидетельствующие о недопонимании самой сущности уголовно-процессуального доказывания, о несколько поверхностном изучении данных вопросов. Во-первых, эти проблемы анализируются в отрыве от реалий жизни и правоприменительной практики, вне системного единства с другими положениями процессуального закона. Таким образом, излишне идеализируется непосредственность исследования доказательств. В условиях ретроспективного характера уголовно-процессуального доказывания судья в принципе лишен возможности непосредственного исследования целого ряда доказательств, приобщенных к материалам уголовного дела. Эта характерная особенность доказывания наиболее четко прослеживается в ра-

боте с предусмотренными ст. 83 УПК РФ протоколами следственных действий. Находясь в судебном заседании, суд объективно лишен возможности перенестись в прошлое и принять непосредственное участие в следственном действии. Поэтому он воссоздает обстановку определённого места и (или) расположение определённых материальных объектов посредством исследования протокола, содержащего всего лишь субъективный мысленный образ данного места и (или) объектов, ранее сформированный в сознании дознавателя и следователя [15, С. 118; 20, С. 30-31; 22, С. 58-59]. Эта же особенность может быть свойственна и для других доказательств, например, для оглашенных в судебном заседании показаний, для вещественных доказательств, уничтоженных или повреждённых в процессе экспертного исследования и т. д.

Таким образом, установленное ст. 240 УПК РФ правило о непосредственности судебного заседания является несколько условным; его не следует идеализировать и воспринимать буквально; его практическое применение всегда сопряжено с определёнными ограничениями, вытекающими из самой сущности уголовно-процессуального доказывания. Единоличное изучение судьей доказательств в особом порядке, по своей внутренней (познавательной) сущности мало чем отличается от устного оглашения этих же доказательств в порядке ст. 276, 281 или 285 УПК РФ. Здесь скорее уместно говорить не столько об отсутствии непосредственности, сколько об отсутствии гласности и состязательности судебного разбирательства; именно такие риски принимает на себя обвиняемый, заявляя ходатайство о рассмотрении своего уголовного дела в особом порядке. Более того, столь идеализированное в ряде научных публикаций условие непосредственности судебного заседания вовсе не является принципом всего уголовного судопроизводства. Оно подлежит применению только в прямо предусмотренных законом случаях. Тогда как ч. 1 ст. 316 УПК РФ содержит специальную норму, исключающую из общих условий судебного разбирательства, установленных гл. 35 УПК РФ, ряд положений, не свойственных для особого порядка.

Вторая методологическая ошибка вытекает из отношения к процессуальному доказыванию как к исключительно познавательной деятельности. Подобный подход был свойственен для советского периода развития уголовно-процессуальной науки [1, С. 10; 2, С. 44; 8, С. 122-123; 26, С. 16]. Однако сегодня имеют место принципиально иные воззрения [6, С. 219; 14, С. 98]. Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как трехэтапный процесс, состоящий в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела, про-

цессуальном оформлении полученной информации и логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений.

Если рассматривать особый порядок судебного разбирательства в контексте современных подходов к методологии и сущности уголовно-процессуального доказывания, то становится очевидным их прямая взаимосвязь, особенно в части аргументации судом своих выводов, учитываемых при постановлении приговора или вынесения решения о рассмотрении уголовного дела в общем порядке. Безусловно, что, применяя на практике положения гл. 40 УПК РФ, суд не проводит полноценное судебное следствие, хотя и вправе исследовать отдельные обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и (или) смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). В особом порядке также отсутствует полноценный механизм судебных прений, направленных на обоснование сторонами своих позиций по вопросам предстоящего приговора. Однако подобная процессуальная ограниченность особого порядка ни коим образом не освобождает судью от обязанности полноценного личного исследования имеющихся в уголовном деле доказательств, их оценки и логической аргументации своих выводов в целях вынесения законного и обоснованного процессуального решения. Ч. 7 ст. 316 УПК РФ прямо указывает на возможность постановления обвинительного приговора по уголовному делу лишь в том случае, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается собранными по уголовному делу доказательствами. Очевидно, что прийти к такому выводу без его логического обоснования, строящегося на полноценном собственном исследовании доказательств и их оценке (пусть даже проведенных вне условий состязательности и гласности), невозможно [19, С. 122].

Таким образом, при особом порядке судебного разбирательства присутствуют как познавательные, так и аргументационные механизмы доказывания, но в упрощенной форме. Познавательные механизмы доказывания, хотя и несколько опосредованно, проявляются при ознакомлении судьи с письменными материалами досудебного производства, на что в своих работах совершенно верно указывают В. В. Дорошков [9, С. 24] и О. В. Качалова [12, С. 158]. Кстати в данном случае весьма уместно говорить о большом значении формальной (конвенциональной) истины, которая в условиях ограниченных возможностей исследования доказательств во многом заменяет собой сведения, составляющее объективную истину [10, С. 254; 21, С. 33; 27, С. 39].

Однако наибольшее значение для особого порядка приобретает именно аргументационная, мыслительно-логическая деятельность судьи, которая ввиду отсутствия полноценной состязательности, гласности и устности многократно усложняется [12, С. 158]. О доказывании как о необходимом атрибуте особого порядка судебного разбирательства пишут и многие другие ученые, посвятившие свои исследования данной проблематике, с той лишь оговоркой, что оно осуществляется в усеченном варианте, обусловленном спецификой процедуры, установленной гл. 40 УПК РФ [3, С. 7; 5, С. 9-10].

Итак, на основании всего изложенного мы приходим к выводу об ошибочности научных позиций, обесценивающих особый порядок судебного разбирательства как упрощенную процедуру уголовного судопроизводства в целом и доказывания в частности.

Что же касается выражаемой рядом авторов критики особого порядка судебного разбирательства, то она, как представляется обусловлена не столько установленной законом процедурой, сколько сформировавшейся негативной практикой. Некоторые следователи действительно пытаются склонить обвиняемого к заявлению ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, а прокуроры – бездумно дают на это свое согласие. Некоторые адвокаты, особенно участвующие в деле по назначению, даже и не пытаются разубедить своего подзащитного избрать иной способ рассмотрения уголовного дела, а судьи – просто «штампуют» обвинительные приговоры. Но разве в этом виноваты правовые нормы, регламентирующие особый порядок судебного разбирательства или соответствующие воззрения уголовно-процессуальной науки? Конечно же нет. Представляется, что критика вполне удачных законодательных и научных положений по причине безответственного, непрофессионального и халатного отношения к своим обязанностям практических работников – это такая же грубая научная ошибка, какой, например, является критика физической науки ввиду плохо построенного забора или критика медицинской науки ввиду неправильно выполненной операции.

Поэтому, невзирая на существующие противоречия в теории, нормативного регулирования и, самое главное, в практике особого порядка судебного разбирательства, полагаем, что он уже полностью доказал свою жизнеспособность в качестве одной из современных форм доказывания обстоятельств уголовного дела, поэтому нуждается не в отмене, а, наоборот, в дальнейшем развитии.

Список использованных источников

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. – М.: Юрид. лит., 1964.
2. Божьев В. П. Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1978.
3. Боярская. А. В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дис. ... к.ю.н. – Томск: Томский госуниверситет, 2012.
4. Брестер А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения у уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61).
5. Булыгин А. В. Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ: автореф. дис. ... к.ю.н. – Екатеринбург: УрГЮА, 2013.
6. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. – М.: Издательская группа «Юрист», 2006.
7. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д.ю.н. – М.: МГЮА, 2004.
8. Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н. С. Алексеев. – Ростов н/Д: Ростовский госуниверситет, 1991.
9. Доршков В. В. Особый порядок судебного разбирательства // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3.
10. Карякин Е. А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. – М.: Юрлитинформ, 2009.
11. Качалова О. В. Виды ускоренного производства в Российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2016.
12. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в Российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2015.
13. Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. – М.: Юрлитинформ, 2010.
14. Лазарева В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. – 2007. – № 3.
15. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. – М.: АН СССР, 1949.
16. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. – М.: Норма, 2010.
17. Петрухин И. Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. – 2002. – № 5.
18. Пиук А. В. Совершенствование института особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1.
19. Роговая С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: дис. ... к.ю.н. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н. И. Лобачевского, 2006.

20. Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. – М.: Проспект, 2015.
21. Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2015. – № 10.
22. Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. – М.: Юрлитинформ, 2015.
23. Россинский С. Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: Эксмо, 2009.
24. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. – М: Наука, 1968.
25. Татьянанина Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3.
26. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – 2-е изд. – Казань: Казанский госуниверситет, 1976.
27. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008.
28. Шейфер С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. – М.: Норма, 2015.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В статье исследуется воплощение принципа состязательности при особом порядке судебного разбирательства. По мнению автора, упрощенная процедура уголовного судопроизводства соотносится с принципом состязательности в оптимальном режиме.

Ключевые слова: особый порядок, компромисс, принцип состязательности, истина,

Elena V. Sauyshkina

Post-graduate student, Department of the Criminal Law and Procedure,
Orenburg State Agricultural University

THE IMPLEMENTATION OF ADVERSARIAL ORIGINS IN SPECIAL JUDICIAL PROCEEDINGS

Summary: The article investigates the embodiment of the principle of competition, with particular judicial proceedings. According to the author, the simplified procedure of criminal proceedings relates to the principle of competition in the optimal mode.

Keywords: special procedure, compromise, adversarial principle, truth.

Особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный в главе 40 УПК РФ, обеспечивает подобное равновесие в реальном выражении, предоставляя равные возможности стороне защиты и обвинения по отстаиванию своей позиции и интересов, при этом не исключая активности и ответственности суда при принятии решения.

Принцип состязательности уравнивает стороны обвинения и защиты в доказательственной деятельности, ограничивая возможности строить рассмотрение дела, опираясь исключительно на обвинительную платформу. Подобную процедуру довольно точно описывает О. А. Егерев: «В условиях действия принципа состязательности посредством свободной дискуссии. С помощью полемики, спора, т. е. путем столкновения различных мнений и точек зрения наилучшим образом возможно обнаружение объективной истины, создание условия, предохраняющего от всевозможных ошибок, односторонности и неполноты» [5, с. 53].

Интерпретация воплощения принципа состязательности в особых (сокращенных) процедурах видится многими авторами в компо-

миссе, основанном на «жертвовании» всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела, «установлением истины» и т. д. [2, с.7].

Связь состязательности и истинности при принятии решений в любом порядке не случаен, поскольку, как отмечают В. Н. Бутов и Б.А. Лукачев: «Проблема истины является доминирующей в теории познания – гносеологии, традиционно считающейся основой теории доказательств, согласно которой мир познаваем, он существует объективно, а человек способен познавать не только окружающий мир, но и закономерности его развития» [3, с. 15].

«Жертвования» истиной не произойдет при особом порядке, если суд будет детально изучать и адекватно воспринимать информацию, содержащуюся в письменных документах (протоколах, характеристиках, заключениях экспертов и специалистов, справках), а также оценивать вербальную информацию, полученную непосредственно в судебном заседании от государственного или частного обвинителя, потерпевшего, подсудимого.

А. Халиков считает, что статья 316 УПК РФ, касающаяся порядка проведения судебного заседания, «проглатывает» принцип состязательности сторон [7]. Очевидно, автор не принимает во внимание, что реализовать свои права в доказательственной деятельности стороны могут на досудебной стадии, а суд на основе полученных доказательств впоследствии вынесет решение по своему внутреннему убеждению.

С подобными высказываниями согласиться нельзя, поскольку кардинальное обновление уголовно-процессуальной формы за счет упрощения судебных процедур не исключает производство предварительного расследования в полном объеме, причем с предъявлением значительно большего арсенала требований, поскольку на основе этих доказательств будет принято судебное решение.

По мнению некоторых авторов, при особом порядке судебного разбирательства стороны не обладают равными правами для осуществления отведенных им функций. Это проявляется, прежде всего в том, что участники со стороны обвинения (государственный обвинитель, потерпевший) обладают правом воспрепятствовать принятию судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [6, с.74].

Приведенный подход демонстрирует одностороннее понимание судебного порядка, урегулированного нормами главы 40 УПК РФ, поскольку не отмечает активность самого обвиняемого, которая должна быть направлена на преодоление противодействия иных участников.

Анализируя роль и значение принципа состязательности в судебном разбирательстве уголовных дел независимо от формы Т. Ю. Вилкова отмечает, что «состязательность сторон не исключает право суда участвовать в собирании доказательств» [4, с. 195].

Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ не предполагает активности суда в получении и исследовании доказательств, но не исключает активности суда в принятии решения, как при вынесении приговора, так и признании возможным и допустимым применение сокращенной процедуры в каждом конкретном случае, поскольку именно суд несет ответственность за результаты рассмотрения уголовного дела. К примеру, по уголовному делу № 2-34/2014 по обвинению Д. по ч. 1 ст. 158 УК РФ, находящемуся в производстве мирового судьи судебного участка № 2 Ленинского района г. Оренбурга, в рассмотрении дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, было отказано, т. к. суд счел, что условия, предусмотренные ч. 1 ст. 314 УПК РФ, не соблюдены в полном объеме. Потерпевшему Ж. формально предложили подписать согласие на рассмотрение дела в особом порядке, но последствия применения этого порядка разъяснены не были.

Возможна и ситуация принятия судом решения об отказе в рассмотрении уголовного дела в особом порядке, если кто-либо из участников аргументирует позицию о нарушении этой процедурой их прав или прав и законных интересов представляемого (защищаемого) лица. По уголовному делу по обвинению Я. по ч. 1 ст. 116 УК РФ обвиняемым было заявлено ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, установленном ст. 40 УПК РФ. Частный обвинитель Д. (он же потерпевший) против применения данного порядка не возражал. При ознакомлении с материалами уголовного дела адвокат обнаружил заявление Д. о том, что он простил обвиняемого и претензий к нему не имеет, конфликт и нанесение побоев носили случайный характер. В реальности они с обвиняемым – добрые соседи и давние друзья. Адвокат убедил подзащитного отказаться от рассмотрения дела в соответствии с нормами ст. 40 УПК РФ, дело было прекращено в связи с примирением сторон.

Особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением соотносится с принципом состязательности в оптимальном режиме, поскольку положениям ст. 6 УПК РФ соответствует отсутствие у суда обязанности восполнять пробелы в доказывании, допущенные органами предварительного расследования, наличие у суда обязанности собирать доказательства исключительно с целью проверки доводов сторон» [1, с. 8].

Важно, чтобы при применении особого порядка обеспечивалось современное и в полном объеме соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты.

Можно констатировать, что правовой режим обеспечения составительных начал при применении особого порядка принятия судебного решения олицетворяет собой учет доказательств при вынесении приговора, полученных на стадии предварительного расследования, при условии отсутствия обстоятельств, препятствующих применению особого порядка, основными из которых выступают согласие участников со стороны защиты и со стороны обвинения на его применение.

Список использованных источников

1. Барабанов П. К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.
2. Бахта А. С. Компромиссы в уголовном процессе // Вестник дальневосточного института МВД России. 2014. № 1 (26).
3. Бутов В. Н., Лукачев Б. А. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве//Ученые записки Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2006. Т. III. С. 15.
4. Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства России. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 195.
5. Егерова О. А. Истина как один из критериев эффективности уголовного судопроизводства: методологический аспект. Иркутск: Изд. БГУЭП, 2014.
6. Редькин Н. В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
7. Халиков А. Вопросы, возникающие при особом порядке судебного разбирательства // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 63.

Н. А. Сидорова

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется соотношение действующего российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего правовой статус потерпевшего, и соответствующих международных стандартов. Рассматриваются основные международно-правовые акты, касающиеся обеспечения прав потерпевших, в частности при компенсации вреда, причиненного преступлением. Освещаются некоторые тенденции российского законодательства к расширению правовых гарантий в сфере уголовного судопроизводства по обеспечению прав потерпевших и дается сравнительно-правовая характеристика соответствующих тенденций в некоторых государствах СНГ. Поднимается вопрос о необходимости создания системы гарантированных мер защиты потерпевших от преступных посягательств. Приводятся статистические данные.

Ключевые слова: потерпевший, компенсация ущерба, гражданский иск, ответственность государства

Nataliia A. Sidorova

Ph D in Law, Associate Professor, St. Petersburg State University

INTERNATIONAL STANDARDS AND THE RUSSIAN LEGISLATION ON PROTECTION OF THE VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS.

Summary: The article analyzes the correlation between the Russian criminal procedure legislation concerning the status of the victim and the relevant international standards. The main international legal acts relating to the protection of the rights of victims, in particular in the case of compensation for harm caused by a crime, are considered. Some tendencies of the Russian legislation concerning the legal guarantees in the sphere of criminal proceedings ensuring the rights of victim are discussed and the comparative legal characteristics of the corresponding tendencies in some CIS States are given. It raises the questions about necessity of creation of system of guaranteed measures of protection of victims in criminal cases. Statistics data are given.

Key words: victim, compensation of damages, civil claim, the liability of the state

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, принятые резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 года, обращают внимание государств на необходимость обеспечить соответствие национального законодательства международно-правовым обязательствам, вытекающим из подписанных ими международных договоров и конвенций. Это влечет необходимость, в частности, включить международные нормы в области прав человека и международного гуманитарного права в национальное законодательство или применять их иным образом в рамках национальных правовых систем. Кроме того полагается целесообразным ввести эффективные процедуры, которые реально гарантируют реализацию права на эффективный и незамедлительный доступ к правосудию на справедливых условиях, обеспечить адекватные, эффективные и надлежащие средства правовой защиты, в том числе и возмещение причиненного преступлением ущерба.

Национальное законодательство должно обеспечивать уровень защиты прав потерпевших не ниже, чем это установлено в международно-правовых актах. Одним из эффективных средств защиты полагается обеспечение потерпевшего реальной возможностью получить причиненный преступлением ущерб. При этом предлагается считать лицо потерпевшим (жертвой) «независимо от того, было ли опознано, задержано, привлечено к ответственности или осуждено лицо, совершившее нарушение, и независимо от родственной связи, которая может существовать между виновником и жертвой.» [24]

В рамках Европейского Союза вопрос о защите прав потерпевших неоднократно был предметом внимания как в рамках общего регулирования, так и в специализированных документах, например, Рамочное Решение Совета ЕС 2001/220/ПВД от 15 марта 2001 г. «О статусе жертв преступлений в уголовном Судопроизводстве» [7] и заменившая его Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2012/29/ЕС от 25 октября 2012 г. «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений», Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 14 июня 2006 года Rec (2006) 8 "Об оказании помощи потерпевшим от преступлений". Одним из наиболее значимых документов в этой области является Европейская Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) ETS № 116. Статья 2 указанной Конвенции определяет, что в случаях, когда

«возмещение убытков не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя для следующих категорий:

а) для тех лиц, которым в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный урон физическому состоянию или здоровью;

б) для тех лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.»

Нормы российского уголовно-процессуального законодательства, вытекающие из международно-правовых обязательств РФ, содержат положения, о том, что лица, пострадавшие от преступлений, должны иметь реальное право на защиту своих прав, нарушенных совершенных уголовно-наказуемым деянием, обладать правом на доступ к правосудию, на полную компенсацию причиненного преступлением ущерба, уважение чести и достоинства. Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, соблюдать принцип равенства перед законом и судом, предотвращать любые незаконные посягательства [ст.1, 2, 18, 19, 21] закреплена в Конституции РФ, в частности ст.52 Конституции содержит следующую норму: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» от 29 ноября 1985 г определяет обязанность государств - участников обеспечивать потерпевшим возможность получать компенсацию с помощью официальных и неофициальных процедур, которые были бы быстрыми, справедливыми, недорогими и доступными (п.5).

28 марта 2017 года Общественная Палата Российской Федерации по инициативе Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по безопасности и взаимодействию с ОНК совместно с Фондом поддержки пострадавших от преступлений проводила круглый стол на тему: «Реализация принципов уголовной политики в сфере защиты прав пострадавших от преступных посягательств», по результатам которого были сформулированы отдельные выводы и выработаны рекомендации. Так участники круглого стола отметили, что «остается неразрешенным вопрос социальной, медицинской и психологической реабилитации потерпевших от преступлений, оказания им помощи. Необходима разработка государственной системы компенсации причиненного вреда, реформы в уголовном законодательстве последних лет требуют дополнительного криминологического и виктимологиче-

ского обоснования, результаты эффективности реализации данных реформ требуют предметного изучения» [29].

Вопрос об обеспечении прав и законных интересов и создание системы гарантированных мер защиты потерпевших от преступных посягательств становится все более актуальным, несмотря на общую тенденцию снижения уровня преступности. К такому выводу приходят и авторы Аналитического доклада «Жертвы преступлений: право на защиту» (2015): «За непродолжительное время проблема жертвы преступления превратилась на международном уровне из узко научной в общесоциальную...» [14, С.36]. Об актуальности свидетельствует и статистика. Так по данным МВД РФ, за 11 месяцев 2018 г. материальный ущерб от совершенных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 361,3 млрд. руб. [9]. Согласно статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 6 месяцев 2018 г. сумма ущерба, определенного судом по приговорам (решениям) по хищениям составляет 13 776 047 619 руб., по другим составам -13 653 288 292 руб. Сумма ущерба, не присужденная судом к взысканию с учетом материального положения должника или вины других лиц или конкретной обстановки, составляет соответственно 1 047 068 638 руб. и 7 878195166 руб. Сумма же ущерба, присужденная к взысканию, составляла 10 214 405 970 руб. по хищениям и 10 214 405 970 руб. – по иным составам [2]. По данным Росстата число лиц, потерпевших от преступных посягательств 2017 году составила соответственно 650,4 тыс. женщин и 766,9 тыс. мужчин, со смертельным исходом соответственно - 8,5тыс. и 18,8 тыс. [3].

Статья 6 УПК РФ по сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР существенно изменила акценты при определении назначения уголовного судопроизводства, выделяя защиту прав и законных интересов именно потерпевших как приоритетную. Однако несмотря на внимание к потерпевшему как к особому участнику уголовно-процессуальной деятельности, как к лицу, которому причинен существенный ущерб в той или иной форме, лицу, которое претерпело определенные страдания, к лицу, по поводу которого в последнее время возникают достаточно острые дискуссии как теоретического, так и практического характера, представляется, что на сегодняшний день, не разрешен целый круг вопросов, вытекающих из п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ о приоритете прав потерпевших от преступлений, о чем мы писали ранее. Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ существующие уголовно-процессуальные механизмы должны максимально «способствовать предупреждению и пресечению преступлений,

предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав; конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах» [25]. Закон не ставит никаких дополнительных условий, кроме предусмотренных ст. 42 УПК, для признания субъекта потерпевшим – только наличие причиненного вреда – физического, имущественного или морального для физических лиц, и причинения вреда имуществу или деловой репутации – для юридических. При этом сам факт причинения вреда, установленного ст.42 УПК, является достаточным для принятия такого решения, независимо от вида состава преступления. Приобретая статус потерпевшего, лицо становится надлежащим участником уголовно-процессуальной деятельности с соответствующими правами и обязанностями, имеет свои собственные интересы. [23]. Статья 42 УПК наделяет потерпевшего правом на возмещение причиненного ущерба. В современном состоянии законодательства и правоприменительной практики это означает возможность заявления традиционного для уголовного процесса гражданского иска по уголовному делу. Иск может быть разрешен одновременно с уголовным делом или в порядке гражданского судопроизводства. В данном случае мы не рассматриваем ситуации, когда вред причинен в результате террористического акта. Либо это добровольное в той или иной форме возмещение ущерба виновным или иными лицами. Кроме того, не исключена возможность принятия судом по собственной инициативе решения о возложении на осужденного обязанности возместить ущерб, причиненный преступлением. С такой же инициативой в отдельных случаях может выступить прокурор. За 6 месяцев 2018 г. по уголовным делам было рассмотрено 68450 гражданских исков, из них полностью удовлетворено 48866 (на общую сумму 20182197564 руб.), частично – 8991 исков, отказано в удовлетворении – в 1594 случаях, прекращено производство – по 2864 искам, оставлено без рассмотрения – 6135 иск, в том числе в связи с признанием права на удовлетворение с передачей на рассмотрение в гражданское судопроизводство – 877 исков (ч.2.ст.309 УПК).

Безусловно на сегодняшний день мы наблюдаем тенденцию к некоторому расширению объема процессуальных прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Однако говорить о полном обеспечении интересов потерпевшего, в частности, его компенсационных интересах, вряд ли возможно. Несмотря на принимаемые судами решения о взысканиях в пользу потерпевших, исполнение такого рода судебных актов

в силу различных причин не может удовлетворять жертв преступлений. Еще более остро встает вопрос об обеспечении прав потерпевших при неустановлении лиц, причастных к совершению преступления или при отсутствии у них средств (имущества и др.), на которые может быть наложено взыскание.

В этой связи можно обратиться к опыту ряда государств, в которых на уровне правового регулирования разрешен вопрос о возможности компенсации причиненного преступлением вреда, независимо от материального положения правонарушителя, или факта его - установления. В Венской Декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века" содержатся рекомендации разработать планы действий и создать фонды в поддержку жертв преступлений [17. С. 95 – 100]. В Резолюции Комитета Министров Совета Европы [77] 27 от 28 сентября 1977 «О компенсации потерпевшим от преступлений» провозглашается принцип ответственности государства за причиненный преступлением ущерб в таких, например, случаях, когда его невозможно компенсировать из других источников или другими средствами. К таким случаям относятся получение в результате преступления тяжких телесных повреждений, иждивенцам тех, кто умер в результате преступных посягательств, когда невозможно обеспечить компенсацию из других источников. Под другими источниками компенсации в данном случае понимались специальные фонды, система страхования и социального обеспечения. Вполне эффективной представляется схема выплаты так называемых временных премий в случаях, не терпящих отлагательства при задержке компенсации. В Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS N 116) повторяются некоторые положения Резолюции 1977 г., при этом уточняются категории лиц, которым может быть выплачена компенсация от государства. Конвенция распространяет возможность получения компенсации от государства и на случаи, когда преступник не может быть подвергнут уголовному преследованию или наказан. К недостаткам регулирования Конвенцией указанных отношений ряд авторов относят отсутствие у потерпевших права на выбор формы компенсации [18, с.2]. Европейский Парламент, начиная с 80-х годов 20 века последовательно проводит политику на усиления компенсационной поддержки потерпевшего от преступления. В странах ЕС на основании принятых документов разработана система защиты прав потерпевших, в том числе и права на компенсацию причиненного правонарушением ущерба [10,11].

В 2011-2012 г.г. в результате принятия ЕС и Европарламентом ряда документов существенно были расширены права потерпевших,

все европейские страны (кроме Дании) взяли на себя обязательства по улучшению прав и поддержки всех жертв преступлений к 16 ноября 2015 года [12; 8].

Еще в 1990 г в РСФСР была предпринята попытка расширить возможности компенсации ущерба за счет государства. Ст.30 ч.3 Закона устанавливала, что «ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда. Понесенные при этом государством расходы взыскиваются с виновного в судебном порядке в соответствии с законодательством РСФСР». Однако действие этой нормы было приостановлено Законом РФ от 14.05.1993 N 4966-1 и Федеральным законом от 01.07.1994 N 9-ФЗ [21][22].

В 1996 г принимается Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств (г. Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 года), в ст.91 (пункты 18-20) которого, было определено право потерпевшего получать за счет государства установленную законом компенсацию ущерба, причиненного запрещенным уголовным законом деянием.

Вопросы обеспечения прав потерпевших в части обеспечения возмещения ущерба, причиненного уголовно-противоправным деянием, получили регулирование в различных нормативных актах и толкование в решениях высших судов государств -участников СНГ.

В отдельных кодексах определяются общие положения о праве на компенсацию (Молдова, РФ, Республика Узбекистан и др.). В УПК ряда государств -участников СНГ определяется право на получение компенсации за счет государства (например, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан). В частности, п.п.20,21 ч.1 ст.50 УПК Кыргызстана устанавливает право потерпевшего получать за счет государства компенсацию ущерба, причиненного преступлением.

В августе 2018 в Республике Кыргызстан МВД подготовило пакет законопроектов, направленных на реализацию этого права [4]. В справке-обосновании к законопроекту обсуждается порядок возмещения материального ущерба (морального вреда) потерпевшему в случае невозможности его возмещения за счет подозреваемого, обвиняемого, осужденного, со счета специализированного фонда.

В УПК Республики Казахстан (п.23 ст.71) устанавливает право потерпевшего на получение компенсации в соответствии с законодательством Республики Казахстан о Фонде компенсации потерпевшим [15]. В республике уже принят необходимых пакет документов, реализация которых планируется с 2020 года.

В РФ в 2012 году Следственным Комитетом РФ был подготовлен проект Федерального Закона «О потерпевших от преступлений» [28], глава 2 которого была посвящена проблеме компенсации вреда, причиненного преступлением. К целям компенсационной деятельности государства были отнесены восстановление социальной справедливости, доступность и справедливость компенсации потерпевшему, в том числе в случаях, когда виновное в совершении преступления лицо не установлено, скрылось, не может быть подвергнуто судебному преследованию или наказано; оперативность в решении вопроса о предоставлении компенсации потерпевшему (ст.6). Статья 7 предлагала установить условия получения такой компенсации, в частности, среди прочих - затруднительное материально положение при условии, наличие ежемесячного дохода ниже двукратного размера прожиточного минимума. Одним из условий компенсации вреда рассматривалось сотрудничество потерпевшего со следствием и несовершение противоправных или общественно опасных деяний, которые стали бы обстоятельством, способствующим совершению преступления. Авторы законопроекта, следуя международной практике, предлагали создание специального Фонда. Кроме того, в Проекте содержались предложения по расчету размера компенсации в каждой конкретной ситуации. Целый ряд положений указанного документа представляет несомненный интерес, однако практически все вопросы, касающиеся потерпевшего, могут быть урегулированы в рамках уголовно-процессуального законодательства. Данный законопроект не был внесен на рассмотрение в установленном порядке.

В последнее время и в научной литературе появляется все больше работ, акцентированных на проблемах обеспечения прав потерпевшего, в том числе и обеспечению его материальных интересов [11,13,18,19,27,30,31.]

Список использованных источников

1. Конституция РФ
2. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4758>
3. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#
4. <http://www.gov.kg/?p=121340&lang=ru>.
5. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml
6. http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_gen_en.htm;
7. https://ec.europa.eu/anti-trafficking/legislation-and-case-law-eu-legislation-criminal-law/council-framework-decision-15-march-2001_en

8. <https://www.gov.uk/government/publications/criminal-investigation/hmrc-responsibilities-for-standards-on-the-rights-support-and-protections-of-victims-of-crime-eu-victims-directive-201229eu>
9. [https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/\)](https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/)
10. Более подробная информация по каждому государству :<https://e-justice.europa.eu/>;
11. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: научно-практическое пособие / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов и др.; отв. ред. С. П. Кубанцев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. – 304 с.
12. Директива «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене рамочного решения 2001/220/ ПДВ Совета ЕС» // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1421925131614&uri=CELEX:32012L0029>;
13. Дубровин В. В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования). М., 2011.
14. Жертвы преступлений: право на защиту. Аналитический доклад /Правозащитное движение «Спротивление». Москва.2015. С.36 http://soprotivlenie.org/wp-content/uploads/2016/02/soprotivlenie_doklad_2015.pdf
15. Закон № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим» //ИС Континент <http://continent-online.com>
16. Кулбаев А. К., Куватпеков К. Б. Возмещение ущерба, причиненного преступлением через специальные фонды // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2016. N 1(85). С. 150
17. Лунев В. В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. N 9. С. 95 – 100
18. Митин М. А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений. Автореф.дисс. СПб, 2012, С.2
19. Митин М. А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений: Дис. ... к. ю. н. Санкт-Петербург, 2012. С. 20 – 21
20. Нормативное постановление Верховного Суда РК от 24 апреля 1992 года № 2 О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от уголовных правонарушений (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2018 г.)
21. О возмещении государством ущерба, причиненного собственнику преступлением. Распоряжение Президента РФ от 16.09.1992 № 509-рп. СПС Консультант-плюс
22. О собственности в РСФСР Закон РСФСР от 24.12.1990 N 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994", ст.30- СПС Консультант-плюс,

23. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 N 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»
24. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права /Приняты резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 N 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Красноперова»
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве
27. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах.: монография/отв. ред. Кубанцев. С.П.-М., 2018 -304.с
28. Проект Федерального Закона «О потерпевших от преступлений», ИПС Консультант-Плюс
29. Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам круглого стола на тему: «Реализация принципов уголовной политики в сфере защиты прав пострадавших от преступных посягательств» г. Москва. 28 марта 2017 года <http://soprotivlenie.org/doc/rekomendacii-obshhestvennoj-palaty-rossijskoj-federacii-po-itogam-kruglogo-stola-na-temu-realizaciya-principov-ugolovnoj-politiki-v-sfere-zashhity-prav-postradavshix-ot-prestupnyx-posyagatelstv/>
30. Сидорова, Н. А. Некоторые аспекты прав потерпевших в российском уголовном процессе// Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. С. Алексеева (Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 г). Юридический центр Пресс, стр. 176-185
31. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: Дис. ... д. ю. н. Москва, 2014

А. В. Смирнов

доктор юридических наук, профессор,
советник Конституционного Суда РФ,
Заслуженный юрист РФ

ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК СУЩНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В данной статье автор дает описание модели публичного состязательного уголовного процесса, рассматривая ее как основную руководящую идею Санкт-Петербургской школы уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, публичность, состязательность, равенство возможностей, материальная истина, объективность, беспристрастность и независимость суда, публичность обвинения, защита как общественное служение.

Aleksandr V. Smirnov

Dsc. in Law, Prof.,
Advisor to the Constitutional Court of the Russian Federation, Distinguished
Lawyer of the Russian Federation

PRINCIPLE PUBLIC AS THE ESSENCE OF THE SAINT PETERSBURG SCHOOL OF THE CRIMINAL PROCESS

Summary: In this article the author gives a description of the model public adversarial criminal process, seeing it as a fundamental guiding idea of the St. Petersburg school of criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, publicity, adversary trial, equality of opportunities of the parties to the proceedings, material truth, objectivity, impartiality, independence of the judiciary, public prosecution, the defense as a public service.

Санкт-Петербургская школа уголовного процесса фактически берет свое начало с «великого учителя русских криминалистов», профессора и декана юридического факультета Санкт-Петербургского императорского университета И. Я. Фойницкого. Ее сущность и цель можно резюмировать его словами: «Сделать русский суд более могущественным в укреплении начал социальной правды и справедливости». Именно эта идея, воплощенная в трудах выдающегося ученого, впоследствии породила тот особый юридический менталитет, который в советское время позволил развиваться ленинградской школе уголовного процесса, яркими представителями которой были наши непосредственные учителя: профессора Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, В. З. Лукашевич и П. С. Элькинд. В силу этой преемственности можно говорить

о единой Санкт-Петербургской школе, которая впитала в себя лучшие достижения не только дореволюционного, но и советского, и нынешнего периодов.

Какие признаки отличают Санкт-Петербургскую школу уголовного процесса?

Прежде всего, это приверженность публичной идее процесса. В рамках публичных представлений об уголовном судопроизводстве состязательность никогда не отождествлялась лишь с частно-исковым порядком судопроизводства. Надо сказать, что в деле поддержания общественного порядка существуют две крайности: либо неотвратимая кара виновных (а порой и невиновных) без всякой пощады и исключения («Fiat justitia pereat mundus»), либо поощрение договоренности враждующих сторон, направленной к восстановлению в обществе некоего подобия мира, который, как известно, лучше доброй ссоры. Понятно, что в первом случае выходит публичная задача точного познания фактов «такими, какие они есть», иногда называемая принципом «материальной истины» и порождающая публичный строй уголовного процесса, во втором главная цель – это снятие конфликтной ситуации и общественное умиротворение, что дает частно-исковой порядок состязательного процесса.

Впрочем, это крайности, которые в действительности обычно служат лишь идеологическими ориентирами для формирования идеальных предпочтений, и в которые жизнь, как это часто случается, вносит свои коррективы. В итоге формируется реальное судопроизводство, где, так или иначе, присутствуют оба этих мотива. Тем не менее, к публичности и «материальной истине» правосудия больше тяготеет континентальная правовая семья, тогда как англо-саксонский юридический мир, следуя либеральной политической традиции, удовлетворяется более прагматическим, консенсуальным способом решения дел, сохраняя (по крайней мере, на уровне доктринальных представлений) частно-исковую модель. Под ее влиянием континентальная публичность смягчилась, перейдя от инквизиционных моделей к смешанным и даже кое-где чисто состязательным, сохраняющим, однако – как историческое наследие розыскного процесса – официальное публичное начало в его преобразованном, «снятом», если воспользоваться философским диалектическим термином, виде.

Такая состязательная публичность не отказывается от материальной, или объективной истины, полагая, что только она может служить основой “по истине” справедливого судебного решения. Она – при условии сохранения строго разделения процессуальных функций –

не требует от суда излишней здесь пассивности, допуская его инициативу в исследовании обстоятельств дела, если в этом не преуспели стороны. И, наконец, такая публичность исключает связанность суда лишь теми доказательствами, которые представили стороны, равно как и их позицией по делу; единственное, что суд принимает во внимание – это совокупность исследованных доказательств (неважно кем и по чьему почину они получены), единственное чем он руководствуется – это закон. То есть признание обвиняемым своей виновности в такой, публично-состязательной модели не приводит к автоматическому обвинительному приговору, а изменение прокурором обвинения в судебном заседании или даже полный его отказ от обвинения – к немедленному и обязательному для суда прекращению дела, если такое изменение позиции прокурора явно приходит в противоречие с исследованными доказательствами, внутренним убеждением суда и уголовным законом. Состязательность при этом означает то, что стороны обвинения и защиты в процессе юридически полностью *равны*, т. е. обладают достаточными правами и возможностями по отстаиванию своих законных интересов, а суд *объективен и беспристрастен*, не принимая на себя выполнения задач ни обвинения, ни защиты.

В публичном состязательном процессе государственное обвинение, или уголовное преследование тоже публично, т. е. оно руководствуется не узкой задачей добиться осуждения виновного во что бы то ни стало, когда, по меткому выражению А. И. Герцена, «прокурор, как ловкий тореадор, унижен и оскорблен, если травимый зверь уцелел» [1, с. 119], а равно заинтересовано в установлении как изобличающих, так и оправдывающих обвиняемого фактов и доказательств.

Не только государственное обвинение, но защита является здесь, по словам И. Я. Фойницкого, «...общественным служением, подобным служению обвинительному, и сам защитник, призывается к участию в уголовном процессе не как представитель частной воли подсудимого, ограничивающийся изложением и разъяснением ее перед судом, а как представитель общей воли закона, доросшего до сознания необходимости защитника в интересах правосудия» [2, с. 224]. Из этого вытекают особенности позиции защитника, которая может, в частности, даже расходиться с позицией подзащитного, если, конечно, точка зрения адвоката объективно способствует защите подлинных интересов обвиняемого.

Или взять вопрос о правомерности сохранения адвокатом в отдельных, экстраординарных случаях профессиональной тайны. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 года

№ 33-П, где этот вопрос был подробно рассмотрен, сформулирована исходная правовая позиция о том, что право подозреваемого, обвиняемого на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, хотя ограничения этого права, сопряженные с отступлениями от конфиденциальности, допустимы лишь при условии их соразмерности и адекватности. В частности, не подлежит охране адвокатская тайна, если речь идет о совершении в ходе оказания юридической помощи подзащитным либо самим адвокатом преступлений против правосудия.²

Вместе с тем, публичность есть не только официальность процесса, но и его гражданственность, прозрачность и подконтрольность гражданскому обществу. Отсюда – необходимость максимального расширения права на суд присяжных, транспарентность правосудия, расширение общественного участия при формировании судейского корпуса и т. д.

Одним из главных постулатов Санкт-Петербургской школы уголовного процесса является признание необходимости распространения состязательности на стадию предварительного расследования. Так, еще И. Я. Фойницкий признавал основным недостатком французского уголовного процесса то, что он строился в то время (а частично остается таковым и поныне) на двух противоположных началах: розыском – в стадии предварительного расследования и состязательном – в суде. Во многом этот дефект унаследован и современным российским уголовным процессом, где судебное участие на предварительном расследовании носит в основном характер пассивный и ретроспективный. Представляется, что одним из выходов из этого противоречия могло бы стать учреждение в российском уголовном процессе института следственных судей, но не как судебных следователей, а как судей «над следствием».

Список использованных источников

1. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. II. М., 1932.
2. Фойницкий И. Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. Изд. 1885 г.

---

² В этой связи можно также упомянуть, например, статью 226-14 Уголовного кодекса Франции, обязывающую лиц, которым вверяется секрет в силу их профессии, в т.ч. врачам и адвокатам, заявлять обо всех ставших им известными случаях насилия над несовершеннолетними.

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РФ

В статье обоснована необходимость внедрения в уголовное судопроизводство России специальной восстановительной процедуры медиации, проводимой независимым третьим лицом. Автор полагает, что применение медиации в уголовном судопроизводстве является своевременным, социально и экономически обоснованным, позволяющим перейти от понимания наказания как лишения к наказанию как процессу компенсации ущерба человеку или обществу. Применение медиации на досудебной и судебной стадиях позволит сократить сроки расследования и рассмотрения уголовных дел, удешевить уголовное судопроизводство, приближая его к международным стандартам юстиции. В статье сформулированы предложения по восстановлению института освобождения от уголовной ответственности путем отказа в возбуждении уголовного дела, а также применению медиации при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, экономия уголовной репрессии, медиация, компромисс.

MEDIATION IS A METHOD OF OPTIMIZATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Summary: Proposals for the use of mediation in the preliminary investigation formulated in the article. Mediation will replace the long pre-trial proceedings. Execution of a mediation agreement conditions will be a major challenge for law enforcement. The author presents a normative model for introducing mediation into the criminal process in Russia. It is proposed to restore the institution of exemption from criminal liability in a new form by refusing to open a criminal case. The article shows that the idea of implementing the mediation procedure in the preliminary investigation of criminal cases will allow to correct the application in practice of the provisions of Art. 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation - the institution of termination of criminal proceedings in connection with the reconciliation of the parties.

Keywords: criminal justice, international standards of justice, pre-trial proceedings, conciliation of parties, saving of criminal repression, mediation, compromise.

В настоящее время в РФ тенденция к дифференциации уголовного процесса реализуется в форме его упрощения: путем появления новых упрощенных производств, расширения сферы применения уже существующих, а также путем ограничения сферы применения производств с более сложными процессуальными формами. Так, за последние годы появились: производство по делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и производство по делам, по которым производится сокращенное дознание; была существенно изменена процессуальная форма производства по уголовным делам об экономических преступлениях [1, с. 131-139]. Представляется, что такого рода изменения уголовно-процессуальной формы являются результатом движения законодателя в сторону развития компромиссных способов производства и расширения состязательных начал российского уголовного процесса. Учитывая тенденции к дифференциации уголовно-процессуальной формы, к ускорению уголовного судопроизводства и экономии уголовной репрессии, при дальнейшем реформировании стадии предварительного расследования в Российской Федерации следует отдать предпочтение процедуре медиации. Медиация представляет собой востребованную у зарубежных законодателей и практи-

ков восстановительную (альтернативную) процедуру, проводимую независимым третьим лицом - посредником (медиатором) и имеющую целью примирение сторон и нахождение взаимоприемлемого решения по вопросам возмещения вреда. Медиация может заменить собой длительную процедуру досудебного производства, при заключении примирительного (медиационного) соглашения основным вопросом, который будет в центре дальнейшего производства по делу, становится вопрос о выполнении условий такого соглашения, а не об обстоятельствах дела и доказанности вины.

Сформулируем предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства в целях применения медиации на стадии предварительного расследования. С 2011 года действует ФЗ от 27.07.2010 N 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». По мнению законодателя, чтобы медиация могла применяться по другим категориям правовых споров, кроме гражданско-правовых (в широком смысле), необходимо специальное указание на это в законе. Таким образом, законодатель избрал не дозвольтельный (дозволено все, кроме прямо запрещенного в законе), а разрешительный тип правового регулирования медиации (запрещено все, кроме прямо разрешенного), который свойственен для отраслей права, связанных с государственным управлением (административное право). Данный подход не соответствует самой природе медиации, основанной на инициативности, активности и самостоятельности спорящих сторон в урегулировании спора. Подобный подход будет означать, что законодателю все время потребуется учитывать тенденции развития практики медиации и включать в законодательные акты положения, допускающие применение медиации и по другим, не оговоренным в законе категориям правовых споров. В целях исключения подобных сложностей видится целесообразным в статью 1 Закона о медиации включить положения, основанные на общедозвольтельном типе правового регулирования, которые потребуют внесения изменения в действующее законодательство только норм, запрещающих проведение процедуры медиации в определенных случаях [2]. В этой связи считаем необходимым распространить действие ФЗ от 27.07.2010 N 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» на уголовное судопроизводство, закрепить в статье 5 УПК РФ объяснение понятий «медиатор», «процедура медиации» и «медиативное соглашение». Статью 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» дополнить частью 5: «Согласие подозреваемого или обвиняемого участвовать в

процедуре медиации, а также совершение им действий, направленных на заглаживание причиненного вреда, не свидетельствуют о признании им своей вины и не является доказательством его виновности в совершении преступления».

При внедрении медиации в российский уголовный процесс в первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о возможности отказа от возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица в связи с достижением медиативного соглашения по итогам процедуры медиации, проведенной до возбуждения уголовного дела. При условии выявления в рамках доследственной проверки обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления небольшой или средней тяжести впервые, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора должны иметь право выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с примирением сторон. В этой связи часть 3 статьи 144 УПК РФ необходимо дополнить предложением о продлении до 30 суток проверки сообщения о преступлении по ходатайству лиц, участвующих в производстве процессуальных действий в случае принятия ими решения о проведении процедуры медиации. Таким образом, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа от 3 до 10 дней проводят проверку о любом совершенном или готовящемся преступлении как это предусмотрено действующей редакцией ст. 144 УПК РФ и при выявлении повода и оснований для возбуждения уголовного дела небольшой или средней тяжести, при условии, если потенциальный потерпевший и несовершеннолетний подозреваемый установлены, преступление совершено впервые, правонарушитель готов возместить вред, а потенциальный потерпевший готов встретиться с правонарушителем для переговоров, то уполномоченным должностным лицам должно быть предоставлено право предложить сторонам обратиться к медиатору, продлив в установленном законом порядке срок для проверки оснований для возбуждения уголовного дела до 30 дней. При положительном результате, проведенной медиации стороны заключают медиативное соглашение. Следователь/дознаватель, получив медиативное соглашение, проверяет его на соответствие УПК РФ. Если нарушений закона не выявлено следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При недостижении примирения в результате процедуры медиации, следователь/дознаватель возбуждают уголовное дело и далее проводят расследование в установленной законом порядке.

Для реализации этой модели предлагаем дополнить: 1) ч. 1 ст. 24 УПК РФ пунктом 7, содержащим новое основание отказа в возбуждении уголовного дела о преступлении небольшой и средней тяжести, совершенном впервые при условии примирения с потерпевшим и возмещения вреда, в том числе, и на основе медиативного соглашения; 2) часть 3 статьи 144 УПК РФ - указанием на продление до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении при наличии ходатайства о проведении процедуры медиации.

Модель применения медиации после возбуждения уголовного дела видится следующей. Для проведения процедуры медиации и выполнения условий заключенного медиативного соглашения устанавливается определенный срок, на который производство по уголовному делу приостанавливается. По истечении установленного срока производство по уголовному делу возобновляется, а затем в зависимости от результатов медиации и выполнения условий медиативного соглашения принимается решение либо о прекращении уголовного дела, либо о продолжении производства по уголовному делу в общем порядке. Производство по делу по основаниям, указанным в ст. 208 УПК РФ приостанавливается для устранения возникших препятствий, чтобы затем можно было продолжить и завершить процесс в установленном законом порядке. В случае незаключения медиативного соглашения или отказа подозреваемого или обвиняемого или потерпевшего от соответствующей процедуры - производство по делу должно немедленно возобновляться. Аналогичное решение должно приниматься и тогда, когда подозреваемый или обвиняемый уклоняется от выполнения восстановительных мер при условии отказа от уголовного преследования.

Вместе с тем медиация должна применяться и в дополнении к ст. 25, 28, 427 УПК РФ. Для этого в статье 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» слова «если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред» необходимо дополнить словами: «а также при заключении медиативного соглашения». Реализация этого предложения также потребует: дополнения ст. 421 УПК пунктом о необходимости выяснении наличия возможности для проведения медиативных процедур, статьи 427 - обязанностью следователя разъяснить несовершеннолетнему право ходатайствовать о применении процедуры медиации и принять решение о результатах рассмотрения такого ходатайства.

Список использованных источников

1. Загайнова С. К. Основные проблемы развития практики медиации в юридической деятельности и пути их решения. Доклад на научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития института медиации в России». 29 января 2016 г. <http://www.iaaj.net/node/1966>.
2. Трубникова Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131-139.

В. Ф. Щепельков

доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Н. Г. Стойко

доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ДОКАЗЫВАНИЕ СОВМЕСТНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ И ВИНЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Статья касается уголовно-правовых признаков и доказывания преступного сопричинения вреда в случаях совместного оказания медицинской помощи. Авторы используют доктринально-правовой подход. Выводы: 1) квалификация совместного оказания медицинской помощи как преступного сопричинения вреда по неосторожности возможна только при наличии причинной связи между действиями каждого из участников оказания медицинской помощи и общественно опасными последствиями; 2) причинение вреда здоровью по неосторожности может быть инкриминировано обвиняемому, если идентифицирован вид неосторожности и если обоснованы признаки легкомыслия или небрежности.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, сопричинение вреда здоровью, неосторожная вина, доказывание, мотивировка, доказательства.

PROOF OF COMBINED MALICIOUS DAMAGE TO HEALTH AND GUILT IN CRIMINAL CASES ON HEALTH CARE

Summary: The article regards the legal features and proof of the criminal co-operation and co-participation in cases of the combined giving of the medical help. The authors use doctrinal law approach. Conclusions: 1) criminal damage to health in co-operation is not possible without co-operation; maybe combined giving of the medical help does not mean the combined criminal damage to health; 2) malicious damage to health related with gross negligence maybe incriminated to offender if it was understandable for him that concrete breach of the rule may provoke the damage to health; 3) understanding of the possibility of criminal damage to health must be motivated with help evidence.

Key words: medical help, damage to health, criminal co-operation and co-participation, criminal gross negligence, sentence, motivation.

Уголовные дела о ненадлежащем оказании медицинской помощи (дела о ятрогенных преступлениях) иногда связаны с причинением вреда жизни или здоровью потерпевшего в результате совместного оказания помощи несколькими медицинскими работниками. Доказывание по таким делам обладает рядом специфических черт.

Особенность установления фактических обстоятельств дела в рассматриваемой ситуации состоит в том, что совместное оказание медицинской помощи само по себе еще не означает совместности в причинении вреда здоровью потерпевшего.

При вменении преступления в виде сопричинения вреда по неосторожности помимо прочего необходимо доказать: (1) существование причинной связи между действиями каждого из сопричинителей и наступлением общественно опасных последствий; (2) наличие вины в виде небрежности или легкомыслия у каждого из причинителей вреда.

Наибольшие сложности на практике вызывает доказывание первого факта [1]. Пленум Верховного Суда РФ не разъясняет в своих постановлениях все особенности установления причинной связи при сопричинении вреда по неосторожности. По делам о ятрогенных преступлениях иногда приходится сталкиваться с ситуацией, когда неблагоприятный исход наступает в результате неслаженных действий медицинских работников, и при этом имеется лицо, которое возглавляет этот врачебный коллектив. Возникает вопрос о том, когда этот руково-

датель должен отвечать за ненадлежащие действия подчиненных, а когда уголовной ответственности подлежит только исполнитель. С подобного рода явлениями мы иногда сталкиваемся по делам об автотранспортных преступлениях. Одной из показательных ситуаций является управление автомобилем сразу двумя лицами: курсантом и инструктором. Если ДТП произошло во время обучения вождению транспортного средства, то, как правило, к ответственности привлекается не ученик, а инструктор [5, с. 530]. Однако, согласно сложившейся практике, если курсант пренебрег указаниями инструктора и грубо нарушил правила дорожного движения, он подлежит ответственности. Инструктор в такой ситуации уголовной ответственности за действия курсанта не несет.

По делам о совместном оказании медицинской помощи полностью схожая ситуация – сопричинитель вреда должен отвечать только за те последствия, которые находятся в причинной связи с его собственными действиями. Если, например, акушерка не выполнила указания акушера-гинеколога при родовспоможении, и именно это обстоятельство привело к общественно опасным последствиям, то за эти последствия должна нести ответственность акушерка, акушер-гинеколог отвечать не будет.

Нередко возникают трудности и при определении формы и вида вины сопричинителей вреда по неосторожности при совместном оказании медицинской помощи. Иногда правоприменители пренебрегают идентификацией вида вины.

В статье 26 УК РФ предусмотрено два вида неосторожной вины: легкомыслие и небрежность. Согласно данной статье преступление признается совершенным по:

легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий;

небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Формальное отсутствие определения вида неосторожности в процессуальном документе является нарушением правил квалификации преступления, поскольку именно признаки неосторожной вины входят в предмет доказывания. При отсутствии конкретизации вида неосторожности и установления признаков легкомыслия или небреж-

ности квалификация содеянного как преступления не может быть признана основанной на законе.

Несомненно, сказанное выше имеет не только уголовно-правовое, но и уголовно-процессуальное значение, поскольку приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, то есть соответствовать не только формальным предписаниям уголовно-процессуального закона, но и основываться на правильном применении уголовного закона (ст. 297 УПК РФ).

Приговор является основанным на правильном применении уголовного закона, если преступление, в котором обвиняется подсудимый, правильно квалифицировано (с указанием на конкретный пункт, часть и статью УК РФ), установлена его вина в совершении этого преступления, а также определена его роль и степень участия в совершенном деянии (п. 3, 4 ч. 1, ч.3 ст. 299 УПК РФ). Причем решение любого из перечисленных в ст. 299 УПК РФ вопросов должно быть обосновано судом в описательно-мотивировочной части приговора, в том числе относительно формы вины, мотивов, целей и последствий признанного доказанным преступного деяния (п.1 ст. 307 УПК РФ), а также роли и участия в нем подсудимого (как следует из п. 5 ст. 307 УПК РФ).

Смысл этих норм состоит в предоставлении обвиняемому возможности защищаться от выдвинутого против него уголовного обвинения на протяжении всего уголовного процесса.

С одной стороны, содержание анализируемых норм заключается в реализации права обвиняемого знать, в чем он обвиняется путем информирования его об инкриминируемом ему деянии (фактических обстоятельствах и юридических признаках) и обосновывающих его совершение доказательствах. С другой стороны, эти нормы свидетельствуют о необходимости приведения доводов и аргументов, лежащих в основании уголовного обвинения (мотивировке обвинительных решений и, в особенности, судебных решений) и подтверждающих его справедливость.

Иначе говоря, информация, излагаемая в обвинительном приговоре должна быть точной, подробной и понятной настолько, чтобы гарантировать обвиняемого от необоснованного обвинения и судебского произвола. Ведь, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), практика хорошего осуществления правосудия (справедливого судебного разбирательства) означает, что «судебные решения должны указывать достаточным образом мотивы, на которых они основываются» (§ 26 постановления ЕСПЧ по делу *García Ruiz*) [5, с. 421-422].

Толкование требований, предъявляемых к уголовному обвинению вообще и обвинительному приговору, в частности, в российской судебной практике является единообразным и в обобщенном виде сводится к следующему.

Уголовное обвинение должно быть:

- персонифицированным, то есть указывать на конкретное лицо или лица, привлекаемые к ответственности (осуждаемые) (п. 2 ч. 1, ч. 3 ст. 299 УПК РФ);
- индивидуализированным, то есть давать описание каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, и каждого признака преступления, вменяемого обвиняемому (п. 1-4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ);
- конкретизированным, то есть характеризовать (в максимально сжатой форме) каждое конкретное действие (эпизод), совершенное обвиняемым (п. 1 ч. 1, ч. 2, 3 ст. 299, п. 1, 2 ст. 307 УПК РФ).

Иначе говоря, применение ст. 299 УПК РФ всегда означает конкретное обвинение конкретного лица в конкретных действиях по конкретному составу преступления. Следовательно, обвинение одного лица должно отличаться от обвинения другого лица, быть индивидуально неповторимым и в этом смысле указывать на конкретные действия, совершенные данным лицом, его роль и степень участия в преступлении.

Таким образом, применительно к рассматриваемой нами ситуации совместного оказания медицинской помощи можно прийти к выводу, что отсутствие в приговоре обоснования всех признаков неосторожной вины и отсутствие в нем конкретизации вида неосторожности как формы вины является прямым игнорированием конкретных предписаний ст. 299 и 307 УПК РФ и свидетельствует о влияющем на исход уголовного дела неправильном применении или несоблюдении требований уголовного и уголовно-процессуального закона:

- без установления признаков соучастия нельзя решить вопрос о виновном сопричинении вреда здоровью;
- без конкретизации вида неосторожности – легкомыслие или небрежность – нельзя решить вопрос об индивидуализации наказания;
- без мотивированности приговора – нельзя гарантировать обвиняемого от судейского произвола и необоснованного обвинения.

Список использованных источников

1. Щепельков В. Ф., Стойко Н. Г. Доказывание причинной связи и вины по делам об ятрогенных преступлениях: комментарий к одному случаю // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. Выпуск 14, 2015. С. 84-93.

2. Домьен Г., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Московский независимый институт международного права, 1998. 600 с.
3. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1072 с..
4. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. Ростовн/Д.: Феникс, 2015. 445 с.
5. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, В. В. Лукьянова, В. Ф. Щепелькова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. 765 с.

Раздел 2

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Е. В. Баркалова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Санкт-Петербургский юридический Институт (филиал)
Университета Генеральной прокуратуры РФ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Залогом успешного расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является правильное документирование оперативно-розыскных мероприятий, проведенных до возбуждения уголовного дела, а также производство следственных действий в определенной последовательности, позволяющих получить признательные показания задержанных и установить других участников рассматриваемых преступлений.

В настоящей статье на основе анализа материалов судебно-следственной практики приводятся типичные следственные ситуации, возникающие при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, тактические особенности проведения процессуальных и следственных действий при осуществлении проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ, а также типичные ошибки, допускаемые при их проведении.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF INITIATION OF CRIMINAL CASE ON CRIMES IN THE SPHERE OF ILLICIT TRAFFIC OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Summary: The key to a successful investigation of crimes in the sphere of illicit traffic of drugs and psychotropic substances is the correct documentation of operational-search activities carried out before the initiation of a criminal case, as well as investigative actions in a certain sequence, allowing to obtain confessions of detainees and identify other participants of the crimes.

In this article, based on the analysis of the materials of the judicial-investigative practice, are given the typical investigative situations arising from the detection of crimes in the sphere of illicit traffic of drugs and psychotropic substances, tactical features of carrying out of procedural and investigative actions during the verification in the order of art. 144, 145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as typical mistakes made during their conduct.

Keywords: methodic of crimes investigation, illicit drugs and psychotropic substances traffic.

Несмотря на разработку учеными значительного количества криминалистических алгоритмов первоначальных следственных и иных действий при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 257 – 266; 2], практика возбуждения уголовных дел существенно отличается в субъектах РФ. У сотрудников следственных и оперативных подразделений возникает ряд вопросов относительно правильного изъятия, фиксации и удостоверения наркотических средств и психотропных веществ, следов преступления и других объектов, являющихся потенциальными вещественными доказательствами по уголовному делу. Проанализируем некоторые типичные следственные ситуации, возникающие при возбуждении уголовных дел указанной категории.

Поскольку наиболее распространенным поводом для возбуждения уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ является сообщение органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, по форме, утвержденной ведомственными нормативными правовыми актами, то рассматриваемые преступления выявляются, как правило, при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее четкий алгоритм действий опера-

тивных и следственных подразделений выработан при ситуации (1.1.), когда в процессе проверочной закупки задержан сбытчик с веществом, предположительно являющимся наркотическим средством [1, с. 131 – 141]. Однако, если в отношении заподозренного проводится наблюдение и по оперативной информации от лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, у заподозренного может быть при себе наркотическое средство с определенной степенью вероятности, оперативные сотрудники предпочитают задерживать такое лицо в связи с совершением (зачастую мнимым) административного правонарушения, например, по ст.ст. 6.9 и 20.1 КоАП РФ (1.2.).

Поскольку для установления основания для возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств необходимо иметь достоверную информацию о том, что изъятое вещество входит в перечень запрещенных в обороте наркотических средств (психотропных веществ), в обоих случаях назначается предварительное исследование. По его результатам оперативные материалы или материалы дела об административном правонарушении передаются следователю, как правило, по рапорту для проведения проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ. Дело об административном правонарушении прекращается. В некоторых субъектах РФ оформляется изъятие материалов и наркотического средства у оперативных сотрудников в рамках выемки. Не смотря на то, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ в числе полномочий лиц, проводящих доследственную проверку, указано не только право проводить следственные действия и проверочные мероприятия, а также право истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, тем не менее, производство выемки или обыска не допустимо до возбуждения уголовного дела.

1.3. Сбытчик в процессе проверочной закупки сбрасывает при бегстве наркотическое средство. В данном случае проводится либо ОРМ обследование участков местности, строений, зданий и сооружений, либо осмотр места происшествия. Следственное действие в данном случае в некоторых регионах проводят следователи, но гораздо чаще, оперативные сотрудники. При этом необходимо обращать внимание на необходимость наличия полномочий у лиц, проводящих осмотр места происшествия. Оперативные сотрудники, проводящие осмотр места происшествия, либо назначены на должность и.о. дознавателя, либо проводят данное следственное действие по поручению следователя при наличии материала, зарегистрированного в КУСП.

1.4. Ситуация, при которой сбытчик скрывается в квартире или другом жилом помещении, для проникновения в которое требуется

разрешение собственника. Если сбытчик сбрасывает с балкона на улицу запрещенные в обороте вещества и иные объекты, то его действия можно зафиксировать протоколом осмотра места происшествия с использованием дополнительных средств фиксации (видеозапись). Если же он пытается уничтожить запрещенные предметы и вещества в квартире, смывая их в канализационную трубу, сжигая, иным способом, проникновение оперативных сотрудников в жилое помещение, где находится сбытчик, при отсутствии соответствующего разрешения и оформление его протоколом осмотра места происшествия является недопустимым. Такое доказательство будет в дальнейшем исключено судом, т. к. фактически оперативные сотрудники проводят обыск, организуя действия поискового характера. В данном случае имеет место подмена одного следственного действия другим [3, с. 68 – 70].

Таким образом, наиболее распространенными действиями, проводимыми до возбуждения уголовного дела о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, являются: оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление, изъятие, упаковку и удостоверение предметов преступной деятельности: проверочная закупка и обследование участков местности, строений, зданий и сооружений; установление местонахождения заподозренных лиц: контроль и запись телефонных переговоров, наблюдение, наведение справок, идентификацию изъятых веществ и предметов: предварительное исследование; закрепление иных доказательств по делу: опрос, а также следственное действие – осмотр места происшествия.

Дискуссионным является вопрос о замене предварительного исследования наркотического средства или психотропного вещества экспертизой, поскольку возможность ее проведения была предоставлена следователю во время проведения проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ. С одной стороны, судебная экспертиза имеет более веское значение по сравнению с результатами предварительного исследования. Однако в связи со значительными сроками ее проведения, особенно по сравнению с исследованием веществ и объектов, процессуальными сроками, в частности, сроком задержания заподозренного лица и необходимостью решения вопроса об избрании меры пресечения в виде его заключения под стражу, нецелесообразно отказываться от возможности проведения предварительного исследования по делам рассматриваемой категории.

Типичными ошибками, допускаемыми следователем и оперативными сотрудниками в процессе проведения проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ, являются следующие распространенные нарушения:

1) подмена одного следственного действия (оперативно-розыскного мероприятия) другими;

В негативной практике правоохранительных органов наиболее распространены случаи проведения оперативно-розыскных или следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, в частности, право на неприкосновенность жилища.

2) несоблюдение законодательных требований по правильному удостоверению изъятых объектов: изъятие неуполномоченным лицом, отсутствие понятых, привлечение штатных понятых, которым не предъявлялись изъятые объекты, указание в качестве понятых лиц, которые не присутствовали при проведении следственного действия;

По делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ распространена также проблема привлечения к участию в следственных действиях понятых, которые смогут при рассмотрении дела в суде дать достоверные показания, и как сообщенная ими информация, так и их кандидатуры не вызовут сомнений в достоверности у суда.

3) несоблюдение законодательных требований по правильной фиксации изъятых объектов: неуказание в описательной части протокола осмотра места происшествия точных координат местонахождения, а только в описи изъятых объектов, неправильное указание наименования изъятого объекта (разночтения с протоколами других следственных действий, в том числе заключениями экспертиз), неправильное указание цвета, объема, размера изъятых объектов;

По делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ следователь и иные лица, проводящие следственные действия, при описании цвета веществ, объектов предпочитают использовать в протоколах формулировки не с конкретными цветами и их оттенками, а группой цветов, например светлого или темного цвета, что позволяет в дальнейшем избежать в суде проблемы с дезавуированием доказательств по уголовному делу. Целесообразно использовать также классификатор определителя цветов, однако на практике он применяется не столь часто.

Если речь идет о необходимости указания размеров объекта, то в обязательном порядке должны быть указаны приборы, с использованием которых производились соответствующие измерения. В противном случае могут возникнуть в дальнейшем разногласия также и относительно места обнаружения изъятых объектов.

4) несоблюдение законодательных требований по правильной упаковке изъятых объектов: разночтения с протоколами и заключением эксперта.

Данное нарушение также допускается по делам рассматриваемой категории в случае указания одного вида упаковки изъятого вещества в протоколе осмотра места происшествия, например, полиэтиленового пакета, и другого в заключении экспертизы, например, конверта. Стороной защиты в суде в обязательном порядке будет заявлено ходатайство об исключении из числа доказательств по делу объектов, по упаковке которых возникли подобные неточности в процессуальных документах, с обоснованием сомнений в идентичности изъятого вещества и того, по которому проводилось предварительное исследование и (или) экспертиза. Если сторона защиты не ознакомилась с заключением экспертизы после его получения следователем, то при выявлении такого разночтения, оно устраняется, как правило, в рабочем порядке, если обвиняемый уже успел ознакомиться, то путем допроса эксперта.

В заключение необходимо отметить, что выработка единообразной практики проведения оперативных и следственных действий при наличии типичных следственных ситуаций в процессе выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ по всей РФ позволит избежать дезавуирования доказательств в суде и будет способствовать вынесению законных и обоснованных приговоров и постановлений суда.

Список использованных источников

1. Возбуждение уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: учебное пособие / [Е. В. Валласк, М. А. Григорьева, Н. А. Данилова, Е. В. Елагина, А. А. Ларинков, Е. П. Осипова, Е. Б. Серова, В. А. Шиплюк; отв. ред. Н. А. Данилова, В. А. Шиплюк]. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. С. 257 – 266. – 276 с.
2. Выявление и пресечение незаконного оборота наркотиков: справочник сотрудника органов наркоконтроля / С. Д. Демчук, И. С. Поликарпов, С. Г. Терещенко, В. А. Фадеев; Под общ.ред. С. Г. Терещенко. – СПб.: Специальная Литература, 2006. – 432с.
3. Шадрин В. С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы прокуроров и следователей. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2009. – 128с.

Дяблова Ю. Л.

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой правосудия
и правоохранительной деятельности,
Тульский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ИЗУЧЕНИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Проанализировано понятие «личность» в его общефилософском, а также в криминалистическом понимании. Приведены понятия криминалистики от момента её возникновения до современных трактовок, подтверждающих, что личность всегда входила в предмет изучения данной науки в тех или иных аспектах. Изложены основы системного построения структуры личности. Предложена авторская трактовка понятия личности в криминалистике.

Ключевые слова: личность, изучение личности в криминалистике, структура личности

Yuliya L. Dyablova

PhD in Law,
Head of the Department of Justice and Law Enforcement,
Tula State University

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF PERSONALITY AND ITS STUDY IN CRIMINALISTICS

It analyzed the concept of "personality" in his general philosophical, as well as in forensic sense. Presents the concept of forensics from the moment of its inception to modern interpretations, confirming that the person has always been an object of study of this science in different ways. The foundations of the system of construction of the structure of personality. The author's interpretation of the concept of personality in criminology.

Keywords: personality, personality studies in criminology, personality structure

Изучением личности наука занимается со времени своего возникновения, первоначально в рамках философии (от древнегреческих и древнеримских философов до современных ученых), потом медицины, психологии, психиатрии, социологии, а также в рамках юридических наук. Процесс исследования личности обладает многосторонним, многоплановым характером.

Происхождение слова «личность» в русском языке связано со словом «личина» - маска, которую надевали те или иные персонажи театрального представления. В английском языке слово «личность»

производно от слова «персона» (лат. *persona*), и его возникновение связано с древней Грецией и древним Римом. Таким образом, первоначально термином «личность» обозначалось внешнее выражение социальной функции, «роль» человека, играемая им в обществе.

Современное общепсихологическое и междисциплинарное понятие личности, считаем, соотносится с происхождением слова. Так, Большой Энциклопедический словарь следующим образом определяет личность: 1) «человек как субъект отношений и сознательной деятельности; 2) устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности». То есть, в принципе, речь идет о тех же выполняемых социальных функциях. Хотя тут же добавляется, что «личность определяется данной системой общественных отношений, культурой и обусловлена также биологическими особенностями» [3].

В современном значении слово «личность» определяется как «человек, ... носитель каких-нибудь свойств, составляющих его индивидуальность» [13, с. 330]. В общепсихологическом понимании под личностью понимается конкретный человеческий индивид, выступающий субъектом социальных отношений в целом и сознательной созидательной деятельности, при этом личность рассматривается также в качестве устойчивой системы социальных черт, характеризующих индивида как члена общества. Одновременно личность может быть представлена и как интегральное социальное качество человека, формируемое у него в процессе его участия во всей совокупности общественных отношений [4, с. 150].

Проблема личности имеет общезначимый характер, непосредственно касается всего общества, она изучается многими науками, но каждой наукой – с позиции своего предмета. В каждой науке существует множество определений понятия «личность» [7, с. 100-105], мы не будем на них подробно останавливаться, т. к. сейчас это не является предметом нашего исследования.

Личность можно назвать центральным элементом криминалистического познания и реализации теоретических научных положений в практической деятельности в сфере борьбы с преступностью.

Изучение личности в криминалистике имеет давние традиции. Криминалистика изначально сформировалась как специфическая область знания, изучавшая характер и формы деятельности *преступников* (здесь и далее курсив наш – Ю.Д.), и применявшая научные методы исследования в раскрытии преступлений [16].

Ганс Гросс в 1897г. в «Швейцарском журнале уголовного права» опубликовал статью с обоснованием выделения в комплексе уголовно-правовых наук специальной науки «о реальностях уголовного права, к

которым следует причислить на первом плане самого человека (*преступника, свидетеля, эксперта и судью*)), раскрывающей «сущность преступных деяний, их начало, их составные части, их дальнейшее течение и их цели» [6].

Необходимость изучения личности подчеркивал и стоявший у истоков отечественной криминалистики И. Н. Якимов: «Криминалистика как наука имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и *изучению физической и моральной личности преступника*, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле» [20].

Т. Д. Телегина, исследуя развитие представлений о предмете криминалистики [18, с. 53], отмечает, что от определения в качестве науки «о приемах и методах обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, *обнаружения и познания преступника*» [5, с. 3] криминалистика проделала полувековой путь до ее трактовки как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении, *его участниках*, собирания, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [2, с. 59].

Можно отметить, что во всех приведенных определениях предмета криминалистики фигурирует личность в том или ином аспекте. Но говорить о непрерывности криминалистического изучения личности невозможно в силу выделения определенного этапа (1930-1960 гг.), на протяжении которого по идеологическим причинам работы в данном направлении практически не велись. Анализ юридической (криминалистической, криминологической), а также психологической литературы позволяет сделать общий вывод, что в нашей стране в указанный период времени личность человека фактически не изучалась.

Однако современные представления о предмете криминалистики отражают значимость изучения личности, ее свойств и признаков, а также проявлений её деятельности. Это можно видеть на примере следующих определений:

«Криминалистика рассматривает деятельность по раскрытию и расследованию преступлений в своем специфическом аспекте: как работу с информацией о преступлении и его участниках - придание ей статуса судебных доказательств, собирание этих доказательств, их исследование, оценка и использование в целях доказывания истины

«Криминалистика - основанная на нормах уголовного, уголовно-процессуального права и ведомственных нормативных актов правоохранительных органов, специальная юридическая уголовно-правовая наука *об информационно-познавательных закономерностях отражения и познания преступления и его субъектов*, а также основанная на указанных закономерностях общей теории, технике, тактике, методике собирания, исследования и использования доказательств в процессе расследования преступлений в целях установления судебной истины [15, с.66].

В криминалистике понятие «личность» употребляется в общем, широком значении этого слова, охватывая и понятие «человек» как представитель биологического рода, и «индивид» как обладающий специфическими, индивидуальными особенностями конкретный его представитель, и субъект криминалистической деятельности, и объект криминалистического познания.

При этом нам представляется несколько дискуссионным употребление словосочетания «личность человека», поскольку подразумевается, что личностными качествами наделяется именно человек, а не какой-либо еще элемент биосистемы, и в силу этого же не совсем корректно звучит также словосочетание «личность человека как преступника» [17].

В отличие от психологии и ряда других наук, в которых преобладает мнение, что личность не рождается, а становится в процессе социализации, криминалистическое понимание личности охватывает изучение и биологических, и социальных свойств личности. К изучению непосредственно структуры личности обратимся позже, но, анализируя понятие личности в криминалистике, мы видим, что почти все определения сводятся к перечислению отдельных элементов её структуры.

Хотя, опять же, не все криминалисты однозначно включают в понятие «личность» его биологическую составляющую. Например, П. П. Цветков разграничивал понятия «человек» и «личность» (понимая последний термин в его узком, психологическом смысле). Но при этом учитывал уже ставшую традиционной терминологическую практику, и, говоря о структуре личности обвиняемого, определял её как «целостное образование и организацию ее отдельных компонентов (признаков, свойств, состояний), относящихся к разным уровням и сторонам развития и находящихся во взаимосвязи между собой» [19, с. 18].

А. М. Зинин указывает, что современное представление о личности базируется на том, что личность включает в себя совокупность находящихся в интегральном единстве, относительно постоянных социаль-

ных, биологических, психологических свойств человека [9, с. 23]. Почти вторит ему Г. И. Поврезнюк, лишь расширив перечень элементов, определяя личность как «совокупность находящихся в единстве относительно постоянных социальных, психических, психологических, соматических, сопутствующих свойств и признаков человека» [14, с.44].

Несколько отличается определение, предложенное М. Н. Зубцовой, которая полагает, что личность – это самопроявление (самовыражение) конкретного индивида в виде совокупности социального и психологического, заключённого в биологической (материальной) оболочке человека (теле) [10, с. 28]. В этом определении прослеживается неравнозначность составляющих элементов, их отнесение к форме (тело) и содержанию (социальное и психологическое в человеке).

Такое разделение мы видим и у Н. Т. Ведерникова, по мнению которого «социальные свойства, определяющие конкретную личность, могут быть «нанизаны» лишь на человеческую, телесную субстанцию ... субъекта» [4, с. 149]. В связи с этим процитированным подходом мы видим далее сформулированное определение: «личность как конкретный индивид представляет собой субъект, у которого социальные свойства выражаются в индивидуально своеобразной форме, равно как и по-разному проявляются вовне» [4, с. 149].

Отметим, что в криминалистике есть и определения, не содержащие перечисления всех групп свойств человека. Например, в самом общем виде определяет личность М. А. Лушечкина – «как совокупность специфических свойств человека» [11] [12]. Удивительно, что в диссертационном исследовании, посвященном криминалистическому изучению личности, не дается более подробного определения. Хотя далее, формулируя само понятие криминалистического изучения личности, перечисляются и свойства личности: анатомические, биологические, психологические и социальные [12, с. 70].

На основании приведенных мнений можно прийти к выводу, что структура личности рассматривается в криминалистике во взаимодействии биологических, социальных и психических свойств. Однако в науке есть и более развернутые классификации свойств личности. Проанализировав их, мы находим, что существующие классификации свойств личности невозможно положить в основу при определении личности в криминалистике.

Известно, что в понятии «человек» воплощено неразрывное единство разных сторон его существа: социальной и биологической. Человек – продукт двойной детерминации, поскольку его природа биосоциальна, т. е. интегральна. Следует заметить, что личность не сво-

дится ни к её телесным, антропологическим особенностям, ни к её многообразным социальным функциям. Поэтому хотя бы без одной из указанных составляющих человек не есть личность.

Таким образом, мы полагаем, что *первоначально все свойства личности должны делиться на биологические* (природные, естественные) и *социальные* (приобретенные в процессе жизни в обществе). При этом целесообразно именовать их *сферами личности* (соответственно, *биологическая* и *социальная сферы личности*), под которыми мы понимаем *систему взаимосвязанных классов свойств личности, объединенных по признаку их происхождения*.

Что касается психологических свойств, которые обычно выделяются в качестве третьей составляющей личности человека, то считаем, что они также обусловлены биологическими или социальными свойствами, и в силу этого не представляют самостоятельной сферы. В биологическую сферу личности будет входить *биолого-психологические свойства* (тип нервной системы, темперамент, особенности памяти, эмоциональные свойства и др. В. К. Звирбуль, В. В. Клочков, Н. Ф. Кузнецова отмечают, что эмоциональные свойства личности – это сила, уравновешенность и подвижность нервных процессов (темперамент); динамичность чувств, степень возбудимости; сила и темп реакции на различные раздражители и ситуации; постоянство или изменчивость переживаний. [8, с. 116]), а в социальную сферу – *социально-психологические свойства* (мировоззрение, убеждения, нравственные ориентации).

Нам представляется, что все без исключения свойства личности человека нельзя однозначно отнести к числу биологических или социальных в силу именно их интегральности. Например, письменная речь, являясь одним из элементов социализации личности, тем не менее, отражает не только социальные свойства личности (место проживания, образовательный и культурный уровень, профессию и т. д.), но и биологические (пол, возраст, психические заболевания и др.). Вследствие этого необходимо выделить *комплексную биосоциальную сферу личности*.

Таким образом, предлагаем определять *личность в криминалистике как систему находящихся в единстве, относительно постоянных свойств, относящихся к биологической, социальной, либо комплексной биосоциальной сферам личности, реализующихся (проявляющихся) в совокупности признаков, имеющих значение как в теоретическом изучении личности, так и в практическом познании конкретного человека в расследовании преступлений*.

Список использованных источников

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. – М., 2007.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. - М., 1987.
3. Большой Энциклопедический словарь / под. ред. А. М. Прохорова. – М., 2002. 1456 с.
4. Ведерников Н. Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384.
5. Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. - М., 1940.
6. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд пере- печ. с изд. 1908 г. - М., 2002. - С. IX.
7. Дяблова Ю. Л. Основные подходы к изучению личности в криминалистике и в других науках // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып.2. Ч. II – Тула: Изд-во ТулГУ, 2011.
8. Звирбуль В. К., Клочков В. В., Кузнецова Н. Ф. Криминология. - М.: Юристъ, 1980.
9. Зинин А. М. Проблемные вопросы криминалистической идентификации человека // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сб. научн. трудов (в двух частях). Часть вторая – М.: Академия управления МВД России, 2005.
10. Зубцова М. Н. Научные и практические основы экспертного прогнозирования личности неизвестного преступника. Дисс... канд. юрид. наук – Тула, 2006.
11. Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности как часть теории криминалистики: проблемы становления и перспективы развития // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной науч.-практич. конф. ... Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М. А. Лушечкина.- М., 2015. С.79-84
12. Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования. Дис.... канд. юрид. наук. - М., 2002.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999.
14. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности. Дис. ... докт. юрид. наук – М., 2005.
15. Подшибякин А. С. О сущности и природе криминалистики и основных направлениях её разрушения // Криминалистика в системе правоприменения: матер. конф. – М., 2008.
16. Рейсс Р. А. Научная техника расследования преступлений / Под ред. проф. С. Н. Трегубова. - СПб, 1912.
17. Соколова О. А. Актуальные направления комплексного подхода к изучению личности человека в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2013. N 3. С. 9 - 11.

18. Телегина Т. Д. Развитие представлений о предмете криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 4 (36). - М.: Спарк, 2010.
19. Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и в суде первой инстанции). – Л., 1973.
20. Якимов И. Н. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. - М., 2003.

Е. В. Иванова

доктор юридических наук, профессор кафедры
криминалистики и уголовного процесса,
Государственный социально-гуманитарный университет
Московской области

КРИМИНАЛИСТИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье поднимаются проблемные вопросы учебной дисциплины криминалистики в условиях компетентностного подхода многоуровневой системы высшего профессионального образования. Рассмотрено влияние тенденций развития криминалистики на особенности ее преподавания. Обоснована целесообразность повышения уровня теоретической подготовки студентов. Показаны возможные пути повышения эффективности учебного процесса.

Ключевые слова: криминалистика, обучение, юридическое образование, компетенции, тенденции.

Elena V. Ivanova,

Doctor of Law, Docent, professor of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure of the State University of Humanities and Social Studies, Moscow Region

THE CRIMINALISTICS IN THE MODERN EDUCATION

Summary: The problem questions of criminalistics are discussed in the article from the point of view of competence-based approach and multilevel system of higher education. The influence of forensic development trends on the features of its teaching is considered. The article states the necessity to improve the level of theoretical training of students. It shows possible ways to increase the educational process efficiency.

Keywords: criminalistics, training, legal education, competencies, trends.

В настоящее время система юридического образования в Российской Федерации переживает непростое время. ФЗ от 29.12. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установил бакалавриат, специалитет и магистратуру в качестве уровней высшего профессионального образования. Приказом Минобрнауки России от 12.09.2013г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» [1] по направлению 40.00.00 Юриспруденция предусмотрена подготовка юридических кадров со степенью бакалавр (40.03.01), магистр (40.04.01), специалист в области правового обеспечения национальной безопасности (40.05.01),

правоохранительной деятельности (40.05.02), судебной экспертизы (40.05.03).

Переход образования на многоуровневую систему и связанные с этим изменения в учебном процессе (срок освоения образовательной программы бакалавриата, компетентностный подход) привели к возникновению целого ряда проблем, решение которых представляется необходимым для нивелирования негативных тенденций переходного периода. В целом такими тенденциями считаются снижение эффективности образования, ослабление теоретической подготовки выпускников [2, 3, 4].

В системе юридического образования криминалистика занимает одно из ключевых мест. При этом эффективность деятельности по организации овладения знаниями в области криминалистики в условиях сокращения длительности образовательного процесса в целом и теоретической подготовки в частности, производна от четкого определения целей освоения дисциплины, направленной на формирование соответствующих компетенций обучающихся, а также ее места в структуре основной образовательной программы и соотношения с другими преподаваемыми дисциплинами.

Традиционно криминалистика относится к наукам уголовно-правового цикла. Это объясняется определением криминалистики как науки о закономерностях механизма преступления и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, и основанных познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [5, с.9; 6, с.112], которое было сформулировано Р. С. Белкиным и поддержано большинством авторов.

В то же время, некоторые авторы совершенно справедливо указывают на целесообразность использования положений криминалистики для целей не только уголовного, но и гражданского, арбитражного, административного судопроизводства. Так, возможность применения в гражданском судопроизводстве разработанных криминалистикой средств и приемов и методов была изложена В. Г. Тихиня [7, с. 159] в 1983 году. Эту идею поддержали Л. А. Зашляпин [8, с. 124-126], О. Н. Коршунова [9, с.99-106], М. В. Жижина [10, с. 1070-1078] и другие ученые. Изучаются вопросы использования положений криминалистики в арбитражном [11, с.40-48] и административном [12, с.106-113] процессах, в нотариальной [13] и таможенной [14, с.27] практике.

В связи с этим, Е. Р. Россинской неоднократно отмечалась необходимость изучения криминалистики студентами гражданско-правовой

и государственно-правовой специализации [15, с.9-13; 16, с. 12-17]. ФГОС ВПО по направлению подготовки (030900) юриспруденция поставил точку в этом вопросе и отнес криминалистику к базовой (обязательной) части профессионального цикла.

Оценивая современное состояние криминалистики, как учебной дисциплины, Е. П. Ищенко и В. А. Образцов отмечают трудности и недостатки традиционного подхода к обучению студентов криминалистике, указывая, что их необходимо учить не системе криминалистики как науки, а практическому следоведению, технологиям и средствам достижения его целей, тому как рациональнее и продуктивнее работать с помощью новейших криминалистических достижений и возможностей, прививать им криминалистические алгоритмы этой деятельности [17, с.25].

С данной точкой зрения сложно согласиться, поскольку, как верно отмечают авторы, криминалистика включает в себя огромное количество направлений, отраслей и подотраслей. С каждым годом криминалистика все больше обогащается новыми теориями, тактическими решениями и методиками расследования преступлений. Это обусловлено появлением новых предметов преступного посягательства, изменением обстановки совершения преступлений, и, соответственно, разработкой новых средств, методов и методик, используемых в раскрытии и расследовании преступлений. Такая тенденция абсолютного расширения несколько отличается от эволюции других юридических наук, которые, основываясь на изменении законодательства, совершенствуются качественно, а не количественно.

Именно в связи с тенденцией к постоянному расширению, невозможностью в сжатые сроки овладеть технологиями работы со всеми возможными следами и криминалистическими алгоритмами действий, незаменимыми становятся обобщающие теории, которые позволяют экстраполировать знания на практическую деятельность.

Акцент на теоретической части преподавания криминалистики на первый взгляд не вполне согласуется с курсом на формирование практикоориентированных компетенций. Однако, в конечном итоге, он позволит сократить время теоретической подготовки за счет концентрации внимания обучающихся на выявленных существенных чертах и взаимосвязях в обобщенных и укрупненных структурных элементах криминалистики.

Таким образом, представляется, что одним из направлений оптимизации преподавания криминалистики должно стать усиление теоретической и методологической составляющей криминалистики – обобщающих теорий и методических алгоритмов.

Еще одной тенденцией в развитии юридического образования стала его дифференциация, появление новых юридических специальностей (Правовое обеспечение национальной безопасности, Правоохранительная деятельность, Судебная экспертиза). Собственно, образование последовало за практикой, где специализация в юридической деятельности стала нормой. Давно прошло время, когда один следователь расследовал как преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, так и дорожно-транспортные происшествия. Адвокаты также предпочитают представлять интересы в определенных категориях дел.

Дифференциация в направлениях подготовки привела к появлению значительного количества близких к криминалистике по содержанию дисциплин, формирующих профессиональные компетенции обучающихся. Так, ФГОС ВПО по специальности 031003 «Судебная экспертиза» отнес к базовой части профессионального цикла наряду с криминалистикой такие дисциплины как «Судебная фотография и видеозапись», «Участие специалиста в процессуальных действиях», «Трасология и трасологическая экспертиза», «Технико-криминалистическая экспертиза документов». Некоторыми учеными предлагаются к изучению в образовательном процессе такие дисциплины, как «Военно-полевая криминалистика» [18, с. 300-303], гендерная и ювенальная криминалистика [19, с. 349-353].

Эта тенденция потребовала более четко сформулировать цели, задачи и содержание преподаваемых курсов в зависимости от особенностей специальностей, направлений подготовки и, соответственно, формируемых компетенций.

Отмечая близость содержания криминалистики с другими смежными науками, авторы предлагают в ходе изучения некоторых разделов криминалистики организовывать проведение учебных занятий одновременно, например, преподавателем криминалистики и преподавателем судебной медицины в целях освещения наиболее значимых вопросов, касающихся механизма образования следов, их исследования и другое [20, с.32-34]. Такой подход к освоению учебных дисциплин, безусловно, имеет право на существование. Однако представляется, что решение проблемы дифференциации смежных наук состоит все же в разграничении их предметной области.

Предмет криминалистики долгое время не перестает быть в центре острых дискуссий. При этом авторы включают в него *закономерно*

сти³, подчеркивая тем самым объективный характер изучаемых явлений. Наиболее часто в предмет криминалистики включают:

– закономерности механизма преступления (Р. С. Белкин [6], А. А. Эксархопуло [21, с.20], Е. Р. Россинская [22, с. 17]);

– закономерности возникновения, собирания, исследования и использования доказательственной информации (Р. С. Белкин [6], А. А. Топорков [23], О. Я. Баев [24]);

– закономерности собирания, проверки и реализации субъектами уголовного преследования доказательственной и иной уголовно-релевантной информации (В. А. Образцов [25, с. 10–12], Е. П. Ищенко [26]);

– закономерности преступного поведения (А. Ю. Головин [27], Е. П. Ищенко [26]);

– закономерности криминальной деятельности (Н. П. Яблоков [28], Е. Р. Россинская [22], А. Ю. Головин [27], О. Я. Баев [24]);

– закономерности возникновения и течения связанных с преступлением явлений посткриминального порядка, имеющих значение для следственной, судебной и экспертной практики (В. А. Образцов [29, с.21], Р. С. Белкин [30]);

– закономерности отражения криминальной деятельности в источниках информации (Гаврилин Ю. В., Головин А. Ю., Тишутина И. В. [27, с.8], А. А. Топорков [23], Н. П. Яблоков [28, с.27]).

Следует констатировать, что наука криминалистика действительно имеет дело с разными закономерностями. Как верно отмечает А. В. Руденко, в ней используются биологические, медицинские, химические, физические, математические, экономические, технические знания, знания других наук. Криминалистическая идентификация, трасология, частично баллистика основываются на философской теории отражения, законе тождества. Целый ряд положений криминалистической тактики использует закономерности разработанные психологией. Учение о криминалистических версиях основывается на логике [31, с. 171-173]. В связи с этим, следует поддержать в рассуждениях М. В. Стояновского, отметившего, что из предлагаемых теоретических конструкций не ясно: криминалистика изучает или учитывает те или иные закономерности [32, с.420-429].

Представляется, что определив криминалистику как науку о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для

---

³ Под закономерностью понимаем объективно существующую, повторяющуюся, существенную связь явлений.

выявления, изъятия и фиксации информации, в целях выявления, расследования и предупреждения противоправных действий [6, с.78] [33, с. 11] ученые выделили суть содержания закономерностей, изучаемых криминалистикой. В соответствии с этим, наукообразующие закономерности, изучаемые криминалистикой и необходимые для освоения студентами, можно определить как:

- закономерности связи между совокупностью следов и событиями преступлений;
- закономерности связи между условиями применения тактических приемов и получением информации;
- закономерности связи между существенными элементами механизмов противоправных деяний;
- закономерности связи между последовательностью и совокупностью следственных действий и достижением результатов расследования.

Определение основных закономерностей, необходимых для изучения в курсе криминалистики, позволяет структурировать осваиваемую информацию, на обязательную и факультативную. При этом факультативная информация может варьироваться по объему и содержанию в зависимости от включенных в учебный план дисциплин.

Таким образом, еще одно направление оптимизации преподавания криминалистики видится в оптимизации содержания курса криминалистики таким образом, при котором знания об основных закономерностях, изучаемых криминалистикой, являются обязательными. Знания же закономерностей, на которые криминалистика опирается, могут быть получены в ходе самостоятельной работы студента или в процессе изучения других дисциплин.

Список использованных источников

1. Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 N 1061 (ред. От 01.10.2015) «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2013 N 30163) / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=187851>
2. Быковская Е. А. К вопросу о формировании модели образования юриста в современных условиях / Вестник Сиб. Гос. Ун-та путей сообщения. 2015. № 2 (32), с. С. 76-80.
3. Лебедев Г. В. Некоторые проблемы высшего образования и опыт преподавания специальных дисциплин на геологическом факультете / Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 612;
4. Андреев Г. В. Образовательные стандарты в контексте подготовки судей и прокуроров / Законность. 2015. № 5 (967). С. 31-36.

5. Белкин Р. С. Криминалистика. Учебник для юридических вузов. – М., 1968.
6. Белкин Р.С Курс криминалистики: В 3-х томах. Т.1: Общая теория криминалистики. – М., 1997.
7. Тихия В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск, изд-во «Вышэйшая школа», 1983. 159 С.
8. Зашляпин Л. А. Проблемы прикладного знания о профессиональном представительстве в гражданском судопроизводстве / Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 124-126.
9. Коршунова О. Н. Криминалистика в гражданском процессе / Юридическая мысль. 2015. –№ 1 (87). – С. 99-106.
10. Жижина М. В. Доказывание в гражданском (арбитражном) судопроизводстве и криминалистическая деятельность / Lex Russica. – 2014. – Т. ХСVI.– № 9, С. 1070-1078.
11. Никитина О. П. Осмотр документа как этап проверки достоверности заявления о фальсификации в арбитражном процессе / Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2013.–№ 1. – С. 40-48.
12. Волчецкая Т. С., Хорьков В. Н. Возможности и перспективы использования криминалистики в административном процессе / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003.– № 3 (248). – С. 106-113.
13. Антюшина В. И. Криминалистические средства и методы в нотариальной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Удмуртский государственный университет. Ижевск, 2004.
14. Берзинь О. А. Использование криминалистических средств в таможенной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Нижний Новгород, 2002.
15. Россинская Е.Р.О необходимости курса криминалистики для системы высшего юридического образования, гражданского и арбитражного процесса / Цивилист. 2008. № 3. С. 9-13.
16. Россинская Е. Р. о необходимости изучения криминалистики студентами гражданско-правовой и государственно-правовой специализаций / Вестник криминалистики. 2008. –№ 4 (28). – С. 12-17.
17. Ищенко Е. П., Образцов В. А. Криминалистика: учебник. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.
18. Пахомов С. В. Концепция преподавания криминалистики с учетом специализации обучающихся в вузах системы МВД России / Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности. – материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. – Краснодарский университет МВД России. – 2013. С. 300-303.
19. Волчецкая Т.С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины / Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 349-353.

20. Грушихина В. А. К вопросу об организации преподавания смежных дисциплин на кафедре криминалистики / Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцатой всероссийской научно-методической конференции. 2015. С. 32-34.
21. Эксархопуло А. А. О предмете криминалистики и его определении. Вестник криминалистики. М.: 2003. Выпуск 4(8).
22. Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник. – Норма. – 2012.
23. Топорков А. А. Криминалистика. Учебник. – М., 2012.
24. Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов / Вестник Воронеж. Гос. Ун-та. Сер. Право. 2007. № 1(2). С. 267–268.
25. Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М., 2004.
26. Криминалистика. Учебник для вузов / под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппов. – М.: Высшее образование. – 2006.
27. Гаврилин Ю. В., Головин А. Ю., Тишутина И. В. Криминалистика в понятиях и терминах. Учебное пособие. М., 2006.
28. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков – 3-е изд., перераб. и доп. – Юристъ, 2005.
29. Образцов В. А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике/ Актуальные проблемы криминалистики. М., 1979.
30. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. 1987.
31. Руденко А. В. Проблема определения понятия, предмета и объекта криминалистики / Теория и практика общественного развития. 2014. – № 6. –С. 171-173.
32. Стояновский М. В. К дискуссии о преступной деятельности в структуре объектно-предметной области криминалистики / Вестник ВГУ. Серия: Право, 2012. № 2, с. 420-429.
33. Криминалистика / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976.

И. М. Комаров

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики,
МГУ имени М. В. Ломоносова

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И. Ф. КРЫЛОВА

В настоящей публикации приведены отдельные сведения о научной деятельности профессора И. Ф. Крылова, связанные с обоснованием, формированием и развитием криминалистического учения о следах.

Ключевые слова: И. Ф. Крылов, криминалистическое учение о следах.

Igor M. Komarov

Dr. Sci. in Law, Prof.,
Department of the Criminalistics,
Moscow State University

I.F. KRYLOV'S SCIENTIFIC LEGACY

Summary: Some information about the scientific work of Professor shown in this publication I. F. Krylov related study, the formation and development of the doctrine of forensic traces.

Keywords: I. F. Krylov, forensic doctrine of the tracks.

Весь жизненный путь известного криминалиста Ивана Филипповича Крылова до последних дней был тесно связан с его служением советской юстиции и отечественной юридической науке. Начиная с 1930 года после окончания факультета советского права Ленинградского университета он не продолжительное время работал в правлении Ленинградского союза потребительских обществ, а затем занимал должность председателя президиума Ленинградской коллегии адвокатов. Во время Великой Отечественной войны Иван Филиппович военный прокурор штаба формирования гвардейских минометных частей, заместитель военного прокурора фронта, а 1950 года – старший преподаватель, доцент, а затем профессор Ленинградского государственного университета.

Профессора Ивана Филипповича Крылова по праву можно считать отечественным основоположником криминалистического учения о следах. Его перу принадлежит множество фундаментальных исследований, в которых обоснованы базовые положения криминалистической трасологии и судебной экспертизы. Работы, И. Ф. Крылова, связанные с этим предметом, всегда отличались научной глубиной и проработанностью вопросов, круга проблем, определенного им для теоретического исследования.

В этой связи достаточно вспомнить такие труды как «Из истории криминалистической экспертизы в России» (1960 г.), «Следы на месте преступления» (1961 г.), «Судебная экспертиза в уголовном процессе» (1963 г.), «Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы» (1975 г.), «Розыск, дознание, следствие» (1884 г.), «Были и легенды криминалистики» (1987 г.), «В мире криминалистики» (1980, 1989 г.).

Однако наибольший научно-практический интерес, до настоящего времени, представляет исследование под названием «Криминалистическое учение о следах», подготовленное и изданное в Ленинградском государственном университете в 1976 году. В нем, как отмечает сам автор, продолжено исследование проблем, затронутых еще в 1961 году в монографии «Следы на месте происшествия». Эта публикация была дополнена современными научно-практическими данными, новыми идеями, требующими практической проверки и данными авторских лекций по криминалистике, которые И. Ф. Крылов читал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета. Автор отмечал, что в отличие от предыдущей монографии он включил в новую работу исследование всех видов следов. В ней были рассмотрены вопросы исторического развития учения о следах, понятие и классификация следов, механизм их образования, технические средства и тактические приемы их обнаружения, сохранения, фиксации и исследования. Работа была адресована студентам, аспирантам и преподавателям юридических и специальных учебных заведений. С уверенностью можно сказать, что этим научно-практическим исследованием пользовались и правоприменители – сотрудники правоохранительных органов и экспертных подразделений.

Ознакомление с содержанием исследования, которое было названо – криминалистическое учение о следах свидетельствует о глубокой авторской проработке проблемы. Достаточно обратить внимание на первые параграфы работы, где представлены исторические аспекты возникновения и развития криминалистического учения о следах, это и генезис указанного криминалистического учения, развитие учения об отдельных видах следов, и вопросы использования следов в процессуальной, криминалистической и судебно-медицинской литературе XIX – начала XX века, и проблемы регламентации следов в советском процессуальном законодательстве.

Специалистам в криминалистической и судебно-экспертной областях деятельности понятно, что практическая реализация любого предметного знания в первую очередь основывается на соответствующем понятийном, терминологическом и классификационном аппарате.

Исследуя понятие следов в криминалистике, для того периода времени, И. Ф. Крылов пришел к важному выводу о том, что можно увеличивать или уменьшать перечень следов в широком их понимании, но нельзя исключать их из криминалистического учения о следах. Этому тезису соответствовало замечание, в соответствии с которым нельзя считать аргументом, что следами не трасологического происхождения должны заниматься другие науки, а не криминалистика. Он отмечал – следами крови, слюны, других человеческих выделений, конечно же «могут заниматься» естественные науки, каждая в своем аспекте, но они не решают этим криминалистических задач.

Данное обстоятельство было серьезным основанием для того, чтобы склонить отечественных криминалистов к мыслям о неправомерности ограничения криминалистического учения о следах – следами отображениями внешнего строения. По справедливому мнению, И. Ф. Крылова учение о следах должно состоять из двухэлементной структуры: 1) учение о следах-отображениях (отпечатках, оттисках); 2) учение о следах остаточных явлений. Ученый полагал, что общим для того и другого вида следов является их материальная основа. Любой след составляет то или иное материальное измерение, причинно связанное с событием преступления, а в зависимости от характера изменения следы и несут определенную информацию об исследуемом событии.

Классификации следов важный научно-практический элемент любого криминалистического знания. В соответствии с вышеприведенной двухэлементной структурой криминалистического учения о следах И. Ф. Крылов в своих исследованиях пришел к важному выводу о том, что все известные криминалистические классификации, относимые к следам в трасологическом их значении (следы отображающие внешнюю форму и детали строения следообразующих объектов) следует трактовать только в узком смысле этого слова. Все остальные следы – остаточные явления, которые не обладают трасологическими качествами, это следы в широком их понимании и классифицировать их как трасологические следы вряд ли возможно, по причине слишком большого их многообразия. Также было отмечено, что нельзя с исчерпывающей полнотой перечислить и объекты, на которых возможно образование следов, носителями их могут быть различные объекты, включая и человека.

Исследования, проведенные И. Ф. Крыловым в рамках криминалистического учения о следах, позволили сделать ему важный научно-практический вывод о том, что возникновение следов как в узком, так

и в широком их понимании имеет свои закономерности. Познание этих закономерностей обеспечивает быстрое и правильное использование следов в целях установления обстоятельств, имеющих значение для расследуемого или рассматриваемого судом дела. Закономерности образования следов основаны на свойствах отражения, которое, являясь всеобщим свойством материи, «обусловлено универсальным взаимодействием предметов и процессов движения материи, ее пространственно-временной формой бытия и структурностью».

Профессор И. Ф. Крылов справедливо подмечал, что чем полнее познаны закономерности образования различных следов, тем скорее они могут быть обнаружены. Однако еще Г. Гросс писал, что эффективность работы со следами заключается не только в том, чтобы их обнаружить, но и в том, чтобы уметь сделать на основании их достоверные выводы и воспользоваться ими в целях раскрытия и расследования преступлений. Осуществляя поиск следов нельзя пренебрегать ни одним следом, а отыскав какой-либо след следует спросить себя – как он возник, какие действия должен был совершить человек, оставивший его. Никогда нельзя знать наперед, какое значение может иметь тот или иной след в связи с другими следами. Поэтому обязательно сразу же следует попытаться найти связь обнаруженного следа с другими возможными (а для конкретного случая с необходимыми) следами. Это вовсе не означает, что отдельный след не несет информацию, важно подчеркнуть, что она удваивается и утраивается при взаимосвязи следов.

На основе данных исследования И. Ф. Крылов пришел к важному выводу о том, что обстановку преступления следует рассматривать как систему, совокупность различных следов, объединенных между собой теми или иными формами связи. Чем полнее удастся изучить систему следов и установить формы существующих между ними связей, тем правильнее можно объяснить не только результат события преступления, но и обстановку, в которой оно протекало.

В соответствии с данными выводами И. Ф. Крылов детально рассмотрел в своих исследованиях следы человека, животных, транспортных средств и орудий взлома, а кроме того, и в тот период времени это было весьма важно и значимо для практики расследования преступлений – вещественные следы биологического происхождения (кровь, слюна, сперма, прочие выделения человеческого организма), микроследы, следы наложений, микрочастицы как микро вещественные доказательства.

Своими трудами профессор Иван Филиппович Крылов, фактически обосновал криминалистическое учение о следах чем заложил фун-

даментальные основы для дальнейшего его развития этого учения. Отметим его научно-практическую направленность, положения криминалистического учения о следах содержат как теоретические, так и практические, прикладные основы, что позволяет им не утрачивать свою актуальность для ученых криминалистов и криминалистов практиков и по ныне.

В. Д. Корма

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О МАШИНАХ И СООРУЖЕНИЯХ

В работе даны определения понятий: криминалистического учения о машинах и сооружениях как составной части учения о техногенных источниках повышенной опасности и его методологическое значение; преступлений, связанных с машинами и сооружениями; криминалистической характеристики рассматриваемой группы преступлений; криминалистической характеристики расследования преступлений, связанных с данными техногенными объектами.

Ключевые слова: криминалистическое учение о машинах и сооружениях; преступления, связанные с машинами и сооружениями; криминалистическая характеристика преступлений, связанных с машинами и сооружениями; криминалистическая характеристика расследования преступлений, связанных с машинами и сооружениями.

Vasilii D. Korma

Dr. Sci. in Law, Prof.,
Department of the Criminalistics,
Moscow State Law University

BASIC CONCEPTS OF FORENSIC TEACHINGS ABOUT MACHINES AND STRUCTURES

This paper gives definitions: forensic doctrine of machines and facilities part of the doctrine of man-made sources of increased danger and its methodological significance; crimes related to machines and facilities; criminological characteristics of this group of crimes; criminological characteristics of crime investigation related to these man-made objects.

Keywords: forensic doctrine of machines and facilities; crimes related to machines and facilities; criminological characteristics of crimes related to the machines and facilities; criminological characteristics of the investigation of crimes related to machines and facilities

1. Формирующееся криминалистическое учение о машинах и сооружениях (составная часть учения о техногенных источниках повышенной опасности [2, с. 18-22] [5, с. 6-57] определяется как система теоретического и прикладного знания об особенностях данных техногенных объектов и закономерностях выявления и расследования свя-

занных с ними преступлений. В свое содержание оно включает знание о криминалистически значимых особенностях машин и сооружений, связанных с ними преступлений, механизмах их подготовки, совершения, сокрытия и отражения, а также знания из области технико-криминалистического, тактико-криминалистического и медико-криминалистического обеспечения процесса выявления и расследования указанных преступных деяний.

Система рассматриваемого учения складывается из двух частей: 1) базовых положений, одинаково важных для всех случаев выявления и расследования рассматриваемой группы преступлений; 2) положений, отражающих своеобразие отдельных категорий этих преступлений, и практики борьбы с ними средствами и методами криминалистики.

Методологическое значение криминалистического учения о машинах и сооружениях заключается в том, что оно:

– ориентирует на необходимость комплексного подхода к изучению всей совокупности рассматриваемых техногенных объектов и связанных с ними преступлений как взаимосвязанных частей одного целого;

– создает предпосылки для построения оптимальной системы общих и частных классификаций машин и сооружений и связанных с ними преступлений, а также выявления на базе сравнительного анализа их сходства и различия частей как одного целого;

– служит логической основой разработки и систематизации общих и частных рекомендаций, средств, приемов, методов обнаружения, фиксации, исследования машин и сооружений и связанных с ними преступлений, анализа, оценки и использования полученной информации в уголовном процессе.

2. В теории машин и механизмов (раздел науки), машина – это «техническое устройство, выполняющее преобразование энергии, материалов и информации с целью облегчения физического и умственного труда человека, повышения его качества и производительности» [7, с. 6].

С точки зрения выполняемых функций, машины разделяют на следующие виды:

А) энергетические машины:

- двигатели (например, электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, дизели, гидро- и пневмодвигатели);
- генераторы (например, электрогенератор, преобразующий механическую энергию паровой или гидравлической турбины или двигателя внутреннего сгорания в электрическую энергию).

Б) рабочие машины:

- транспортные: подвижной состав железнодорожного, водного, воздушного и автомобильного транспорта; конвейеры, транспортеры, лифты, подъемники; подъемные краны, строительные и дорожные машины;
- технологические: например, металлорежущие и деревообрабатывающие станки; кузнечно-прессовое оборудование; прокатные станы, литейное оборудование; машины для легкой и пищевой промышленности; полиграфические машины.

В) информационные машины: математические и контрольно-управляющие.

Г) кибернетические машины [7, с. 6-7] [8, с. 16-20].

Механизм в технической литературе определяется как система твердых тел (звеньев), подвижно связанных путем соприкосновения и движущихся определенным, требуемым образом относительно одного из них, принятого за неподвижное. За неподвижное звено (стойку) обычно принимается корпус или рама машины, а также все жестко связанные с ними детали. Преобладающее большинство используемых в механизмах звенья являются абсолютно твердыми. К упругим звеньям относят пружины, мембраны и другие элементы, упругая деформация которых вносит существенные изменения в работу механизма. К гибким звеньям – ремни, цепи, канаты. К жидким и газообразным звеньям – масло, воду, газ, воздух и тому подобные вещества [9, с. 8] [10, с. 20-21].

Нельзя отождествлять понятия «машина» и «механизм». Во-первых, кроме механизмов в машине всегда имеются дополнительные устройства, связанные с управлением механизмами. Во-вторых, имеются машины, в которых нет механизмов (например, в последние годы созданы технологические машины, в которых исполнительный орган приводится в движение от индивидуального электро- или гидродвигателя). В-третьих, механизм не предназначен для совершения полезной работы, и тем более, для приобретения энергии, в то время как машина именно эти функции и выполняет.

Под сооружением в механике понимают строительную конструкцию, которая в идеальном случае должна представлять собой неизменяемую систему (ферму, раму и т. д.) [1, с. 4]. К сооружениям обычно относят здания, мосты, башни, тоннели, бункера, убежища и многие другие.

Машину и механизм отличает от сооружения основной признак: при выполнении своего назначения элементы сооружения находятся в

статическом состоянии, в то время как в механизме и машине отдельные части обязательно должны находиться в движении.

Указанные в теории механизмов и машин, в механике определения рассматриваемых понятий и их классификации заслуживают внимания при рассмотрении их в криминалистическом плане.

В познавательном-конструктивном смысле машины и сооружения – это актуальные объекты криминалистического исследования, которые требуют всестороннего анализа и использования его результатов, как в криминалистической теории, так и в практике расследования преступлений.

3. Рассматриваемую группу преступлений можно охарактеризовать как уголовно наказуемые деяния, необходимым элементом механизма подготовки, совершения, сокрытия и отражения которого являются машина или сооружение, выступающие в роли объекта управления или места преступной активности виновного, предмета, орудия, средства преступления.

Сходство механизмов подготовки, совершения и сокрытия исследуемой группы преступлений предопределяет сходство механизмов отражения содеянного и обусловленных ими материальных общественно опасных последствий, что, в свою очередь, предопределяет сходство главных обстоятельств, подлежащих установлению, задач, версий, основных направлений, средств и методов выявления и расследования преступлений данной категории.

4. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с машинами и сооружениями, представляет собой типовой, научно обоснованный информационный продукт, позволяющий составить представление о сущности, содержании и сходных признаках данного класса преступлений, имеющих значение для определения на практике круга обстоятельств, подлежащих установлению, основных направлений, версий, задач, средств и методов поисково-познавательной деятельности следователя при расследовании этих преступлений, ориентируясь на которые и данные, отражаемые в криминалистических характеристиках отдельных видов и разновидностей преступлений этой группы, упомянутый субъект мог эффективно реализовать функции распознавания, доказывания, уголовного преследования, и предупреждения преступлений, которые им расследуются.

По нашему мнению, в криминалистическую характеристику этой группы преступлений должны включаться данные о типичном преступнике (преступниках), предметах, целях, мотивах, средствах и способах преступной деятельности; допущенных при этом нарушениях

специальных правил; об уголовно-релевантной информации, о ее типичных носителях и источниках; механизме подготовки, совершения, сокрытия и отражения преступлений; об отраслевой, видовой специфике профессиональной деятельности, ее нормативном регулировании; об обстановке, в которой она осуществляется, а также сведения о пространственно-временных и причинно-следственных связях и отношениях внутреннего и внешнего порядка, характерных для данной преступной деятельности и связанных с ними преступлений.

5. Криминалистическая характеристика расследования преступлений (по мнению авторов трехтомного курса криминалистики, изданного в Санкт-Петербурге в 2004 году, криминалистическая характеристика расследования представляет собой «систематизированное описание реальной системы расследования, ее элементов, связей и закономерностей» [6, с. 124]), связанных с машинами и сооружениями, представляет собой типовую информационную систему, содержащую обобщенное знание о задачах, средствах и методах их решения, ориентирующей следователя в отношении того, что им необходимо устанавливать и каким образом это делается в стадиях возбуждения уголовных дел данной категории и их предварительного расследования.

Система обстоятельств, подлежащих установлению по делам о преступлениях, связанных с машинами и сооружениями, представляет собой типовой информационный продукт научного творчества, состоящий из комплекса обстоятельств, установление которых характерно для отдельных видов и подвидов указанных преступлений. Данная система строится с учетом результатов криминалистической интерпретации обстоятельств, включенных в уголовно-процессуальный предмет доказывания, диспозиции соответствующих норм УК РФ, под которые подпадают исследуемые деяния, и обстоятельств, отражаемых в их криминалистических характеристиках.

Большое значение в расследовании преступлений, связанных с машинами и сооружениями, имеет отражение общих положений теории криминалистического распознавания, рассмотренные в увязке их с проблемами, задачами, средствами и методами обнаружения и раскрытия исследуемых преступных деяний. Криминалистическое распознавание определяется, как реализуемая в досудебном уголовном производстве путем собирания, проверки, оценки, сравнительного анализа и сопоставления фактической и модельной информации специфическая форма (система методов и технологий) получения и использования опосредствованного знания о невоспринимаемых органами чувств субъектов распознавания познавательного и юридически значимых при-

знаках наблюдаемых и ненаблюдаемых ими уголовно-релевантных объектов [3, с. 64-124] [4, с. 158-168].

Расследование преступлений, связанных с машинами и сооружениями, обычно осуществляется по следующей схеме: вначале устанавливается характеристика происшествия (как общественно опасного последствия какой либо вызвавшей его причины), затем непосредственная (ближайшая) причина и лишь после этого основная, с правовой точки зрения, причина, обусловившая возможность действия непосредственной причины и наступление общественно опасных последствия (происшествия). Это основное направление расследования определяет характер, круг и порядок решения распознавательных задач. Делается это поэтапно, начиная с распознавания обстоятельств происшествия, его характера, времени, места, вида, размера причиненного вреда и т. д., переходя к распознаванию непосредственной (технической) причины, а от нее к основной причине происшествия – действиям либо бездействию виновных лиц.

Важной задачей последующего этапа расследования является распознавание причинной связи происшествия с действиями (бездействием) сотрудников предприятия, организации, учреждения либо факта отсутствия такой связи. Не менее сложной является и другая задача – распознавание среди тех, кто осуществлял исследуемую по делу деятельность, управлял ею, контролировал ее, круга нарушителей соответствующих правил. Делается это на базе сравнительного анализа нормативной и фактической моделей деятельности конкретных работников предприятия (иной структуры), т. е. получения ответа на вопрос, все ли и так ли, как это предписано нормативами, сделано каждым проверяемым лицом в период, предшествовавший происшествию, не упущены ли возможности по его предотвращению.

Установление причинно-следственных связей по делам о преступлениях рассматриваемой категории, идущие по линии от происшествия (следствия) к вызвавшим его причинам, входит в круг задач, обязательных для всех дел. Оно вытекает из уголовно-правового учения об объективной стороне преступления, элементами которого являются деяние, последствие деяния, причинная связь деяния и последствий. В силу этого все эти элементы включаются в систему предмета доказывания по уголовным делам, т. е. обстоятельств, которые должны быть установлены во всех аналогичных случаях. Однако даже при самых благоприятных условиях решение указанной задачи на базе только усилий следователя невозможно. Без помощи специалистов и экспертов ему не обойтись, поскольку расследованию может противостоять

активность правонарушителей, также обладающими специальными знаниями в сфере своей деятельности: производства, использования специфических орудий труда, средств производства, технологий и т. д.

В первую очередь это касается специалистов технического профиля и исследований, объектами которых служат документы, отражающие профессиональную деятельность правонарушителей, и регулирующие ее документы нормативно-правового характера. Результаты данного рода исследований способствуют: 1) установлению пространственно-временных факторов, причинно-следственных связей объектов, участвующих в процессе взаимодействия и отражения при совершении и сокрытии указанных преступлений; 2) изобличению виновных лиц, решению других задач.

Безусловно, рассмотренные аспекты, как и многие другие вопросы криминалистического учения о машинах и сооружениях нуждаются в дальнейшем научном осмыслении, адекватном отражении в научной и методической литературе, а также апробации в практической деятельности субъектов поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе.

Список использованных источников

1. Гурин В. В. Механика: лекции. Томск, изд-во ТПУ, 2011.
2. Корма В. Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2006.
3. Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
4. Корма В. Д., Образцов В. А. Проблемы и пути совершенствования парадигмы криминалистического распознавания // Актуальные проблемы российского права. № 7. 2015. С. 158-168.
5. Корма В. Д. Основы расследования происшествий, связанных с техногенными источниками повышенной опасности. М.: Юрлитинформ, 2007.
6. Курс криминалистики /под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. В 3 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
7. Марченко С. И., Марченко Е. П., Логинова Н. В. Теория механизмов и машин. Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
8. Потапов В. М. Курс лекций по теории машин и механизмов: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: НГПУ, 2009. Ч. 1.
9. Теория механизмов и машин /под ред. К. В. Фролова. М.: Высшая школа, 1998.
10. Тимофеев Г. А. Теория механизмов и машин: курс лекций. М.: Юрайт, 2010.

Ф. ГАЛЬТОН И НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ДАКТИЛОСКОПИИ

Развитие современной криминалистики невозможно без обращения к ее истории, без анализа научных основ криминалистических теорий. В статье раскрывается роль английского ученого-энциклопедиста XIX века Фрэнсиса Гальтона в становлении научных основ дактилоскопии и возможности ее применения в раскрытии и расследовании преступлений. Предложенная им классификация папиллярных узоров, выявленные частные признаки папиллярных линий, разработанная методика дактилоскопической идентификации человека используется в криминалистической практической деятельности и в настоящее время.

Ключевые слова: Ф. Гальтон, история криминалистики, дактилоскопия, идентификация личности по следам пальцев рук, криминалистические учеты

Nikolay A. Kornienko

PhD in law, Associate Professor

F. GALTON AND SCIENTIFIC BASIS OF FINGERPRINTING

The development of modern criminalistics is impossible without reference to its history, the analysis of the scientific foundations of forensic theories. This article reveals the role of the English scientist-encyclopedist of the XIX century Francis Galton in the formation of scientific bases of fingerprinting and the possibility of its application in the detection and investigation of crimes. The classification of papillary patterns, the revealed private signs of papillary lines, the developed method of fingerprint identification of the person is used in forensic practical activity nowadays.

Keywords: F. Galton, history of criminalistics, fingerprinting, identification of the person by the traces of fingers, forensic accounting.

Гальтон Фрэнсис (GaltonF rencis 16.02.1822 - 11.01.1911) - английский ученый, которого К. А. Тимирязев характеризовал как одного из «оригинальнейших исследователей и мыслителей современной Англии, последний энциклопедист нового времени» [1, 5]. Криминалистам он известен как основоположник дактилоскопии. Э. Локар считал его «самым знаменитым исследователем по дактилоскопии, который более всех сделал для изучения папиллярных линий» [2, 27].

В мировой науке о Ф. Гальтоне говорят как об антропологе, генетике, одном из основоположников дифференциальной психологии, ассоциативного мышления, способностей к визуализации представлений. Он разрабатывал основы тестирования, исследовал вопросы гени-

альности человека и наследственности таланта. Предками ученого были Карл Великий, Ярослав Мудрый, Вильгельм Завоеватель, несколько английских королей. Ученый основательно занимался дактилоскопией, евгеникой, предложив этот термин; практиковал изготовление композиционных портретов, что позволило криминалистам спустя более полувека использовать эту методику для воссоздания фотографической внешности преступника. Занятия синоптикой позволили ему стать одним из ведущих специалистов в этой области. Он дал объяснение антициклона и ввел этот термин в научную терминологию, предложил новые методы математической статистики.

Ф. Гальтон прожил активную творческую жизнь, когда Великобритания становилась мировым лидером. Его научная деятельность совпала со знаковыми общественно-политическими событиями: восстания во Франции, Крымская война, объединение Италии и Германии в централизованные государства, наконец, Англо-бурская война. Этот период ознаменовал и крупнейшими научно-техническими открытиями Г. Гельмгольца, Г. Герца, П. Кюри, Д. Менделеева, Г. Менделя, Л. Пастера, Рентгена и многих других. Ф. Гальтон был современником расцвета национальной литературы, представленной именами Ч. Диккенса, Р. Киплинга, В. Скота, Теккерея, О. Уайльда, Б. Шоу.

В 1840 г. Ф. Гальтон поступает в Кембриджский университет (Trinitycollage), где ранее учились И. Ньютон и Д. Байрон, изучая математику и естественные науки. Он был хорошо обеспечен материально и никогда не работал ради заработка. Занимался различными науками, часто печатался: доклады, статьи, книги (к концу жизни им было опубликовано более 200 работ).

Интерес к папиллярным линиям возник как один из факторов возможного проявления наследственности у людей.

Работая над проблемами дактилоскопии, Ф. Гальтон исследовал отпечатки, полученные у 500 человек, всего 5 тыс. образцов. Достоверность результатов обосновывалась после обработки по законам математической статистики. Ф. Гальтон ознакомился и с публикацией Я. Е. Пуркинье (J. E. Purkinje 1783-1869), чешского биолога, почетного члена многих зарубежных академий и научных обществ, одного из основателей клеточной теории, названного Э. Локарром «отцом дактилоскопии». В 1893 г. он описал морфологию кожного покрова и классифицировал папиллярные узоры на 9 типов узоров, просуществовавшую в мировой науке без изменений до 1883 г.

Внимание Ф. Гальтона привлекла также статья Г. Фулдса (Fuldshenry 1843-1932/30), опубликованная 28.09.1880 г. в журнале «При-

рода» («Nature»), в которой излагались основные положения дактилоскопии. Английский врач, работая в Японии, в 1878 г. занимался изучением папиллярных линий. Он предложил классификацию узоров, констатировал их индивидуальность сочетанием общих и частных признаков. Выделив три типа узоров, дуговой, петлевой и завитковый, смог использовать их в качестве средства для отождествления преступника. В другом случае - оправдать невиновное лицо. Г. Фулдс полагал возможным использовать результаты сравнения следов и отпечатков пальцев рук для изобличения преступников. Их сравнение предлагалось осуществлять путём наложения пластинки с изображением следа на пластинку с отпечатком, окрасив их в различные цвета и демонстрировать итоги совпадения на экран.

Через три недели после публикации Г. Фулдса в следующем номере журнала 22.11.1880 печатается заметка В. Гершеля (Herschell William James 1833-1917) о своей многолетней практике отождествления личности папиллярных линий. Занимая должность администратора в Колониальной Индии, обладая аналитическими способностями и наблюдательностью, он индивидуализировал людей, связанных с ним деловыми отношениями. Для отождествления этих лиц В. Гершель использовал восточную практику - ставить оттиск пальца на документах. В своём специальном журнале, названном «Знаки руки», помещались контрольные отпечатки. Первый результат положительной идентификации лица отмечен 20.10.1858, последняя дата, когда оставлен оттиск 1877. В. Гершель специально не занимался научной деятельностью, а потребность использования возникла в силу утилитарной необходимости. Об этом свидетельствует и тот факт, что в библиографии его имя приводится только дважды. Первый раз в 1880 г. и второй - незадолго до его смерти - в 1916.

Как и его предшественники, Ф. Гальтон классифицировал отпечатки на дуговые (Arch), петлевые (Loop) и завитковые (World). Иллюстрируя их типы, ученый даёт их схематическое изображение во фронтальном и профильном виде, выделяя дельты у петлевых и завитковых, позволяя тем самым определить дополнительно разновидности узоров.

Термин «дельта», предложенный Ф. Гальтоном, впоследствии нашел употребление в криминалистике, дерматоглифике и медицине. Зона максимального сближения базисных, внешних и внутренних потоков папиллярных линий сходна с начертанием греческой буквы Δ «дельта» (delta), что и привело к наименованию.

В настоящее время дельта служит разграничителем трех потоков папиллярных линий и является критерием для классификации узоров.

Кроме того Ф. Гальтон ввёл понятие «гребневого счета», тесно связанного с наличием дельты. Данное понятие и связанный с ним термин заключается в количестве папиллярных линий, пересекаемых прямой, идущей от центра узора до дельты. Позже эту линию назовут «линией Гальтона» (lineGalton). В настоящее время показатель гребневого счета востребован как при эксплуатации автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы (ADFS - automatedfingerprintidentificationsystem) - АДИС, так и в дерматоглифике. В АДИС дельта является одним из основных ориентиров при вводе отпечатка или следа в систему. При ее функционировании феномен гребневого счета позволяет осуществлять поиск сравнительных следов или отпечатков с «самой высокой точностью» при обработке большого массива дактилоскопического материала [3, 238]. Указанное обстоятельство подтверждено мировой и отечественной практикой ведения дактилоскопического учета.

В современной дерматоглифике активно используется и феномен дельтового индекса. Его сущность заключается в том, что отсутствие дельты в дуговых узорах и ее наличие в петлевых и завитковых дает возможность устанавливать дельтовый индекс. На ногтевой фаланге, не имеющей дельты, его показатель принимается за «0», в петлевых - «1», завитковых - «2». Сумма чисел у 10 пальцев и определяет данный индекс.

Его практическая реализация представляет возможность констатировать интеллектуальные способности личности. К примеру, низкий показатель свидетельствует об одностороннем подходе человека к решению проблемы. В спортивной антропологии низкий дельтовый индекс характерен для лиц, специализирующихся там, где оказались востребованными высокие скоростные и силовые возможности. Средний характерен для лиц, занимающихся такими видами спорта, для которых необходима выносливость. Высокий дельтовый индекс - это наличие способностей к сложной координации движений (прыжки в высоту с шестом) [4, 280].

Ф. Гальтону удалось обнаружить проявление симметрии дуговых узоров на больших пальцах левой и правой руки. Российские специалисты по дерматоглифике и дактилоскопии, анализируя дактилоскопические учеты отобранной группы лиц, совершивших серийные убийства (п. «а» ч.2 ст. 105 УКРФ) констатировали, что 94,1 % из них имеют симметрию гребневого счета на руках. В контрольной же группе данный показатель составляет 22,95 % [5, 61-65]. Подробные сведения дают возможность располагать дополнительной информацией при расследовании особо тяжких преступлений.

Детальное изучение папиллярных линий позволило выявить специфику их строения, тем самым Ф. Гальтону удалось сделать то, мимо чего проходили его предшественники. Данные особенности он назвал минуциями (*minutiae* - деталь, мелочь), в отечественной криминалистике именуемые частными признаками. Они и обеспечивают дактилоскопическую идентификацию. Некоторым минуциям Ф. Гальтон дал наименования и воспроизвел их схематическое изображение. К примеру, папиллярная линия (*ridge* - гребень, борозда)⁴; обрывок, фрагмент (*rod*); окончание, конец линии (*end*); крючок, скоба (*staple*) и др. Им же даны наименования некоторым общим признакам, к примеру, шатровая дуга (*tendentarch*); составной узор, содержащий элементы петлевых, завитковых и дуговых и проч. [2, 77-79].

Проводя сравнение папиллярных узоров, Ф. Гальтон создал методику дактилоскопической идентификации, основы которой действуют и в наше время. Он предлагал фотографировать отпечатки и следы и, после увеличения снимков, производить сопоставление взаимно расположенных минуций, отмечая совпадение одноименными цифрами.

Одним из аргументов неизменности папиллярных линий Ф. Гальтон обосновывал наличие шрама на изучаемом отпечатке пальца юноши. Первый отпечаток был получен у молодого человека в 14 лет, второй - спустя три года. Было установлено, что форма, размер и расположение деталей от шрама остались прежними.

Ф. Гальтон неоднократно пытался создать эффективную классификацию папиллярных узоров, позволяющую организовать систему дактилоскопических учетов, но результаты всегда оказывались неудачными. Э. Генри (1851-1930) удалось усовершенствовать систему Ф. Гальтона, который его консультировал. Это дало возможность в 1897 г. ввести новую структуру дактилоскопического учета в колониальной Индии, где работал Э. Генри. Специалисты называли эту структуру системой «Гальтона-Генри». Однако следует помнить, что приоритет в создании дактилоскопического учета, позволившего установить личность преступницы в 1892 г., был аргентинец, югослав по происхождению Ж. Вучетич (Вучечич) (1858-1925).

Система Гальтона-Генри широко распространена во всем мире, иногда она несколько модифицирована. Отмечая ее роль в современной криминалистике, международное Дактилоскопическое общество (*Fingerprintsociety* - FPS), существующее с 1974 г., членами которого являются специалисты из 30 государств, в том числе и из России, учре-

---

⁴ В некоторых государствах дактилоскопию именуют риджеологией.

дило ежегодную награду в виде медали имени Э. Генри (TheHenrymedal).

За всю историю криминалистики ни одна новация не распространялась с такой стремительностью и энтузиазмом, как дактилоскопия. В России до 1917 г. юридическая общественность была оперативно информирована о возможностях дактилоскопии как системы криминалистического учета и источника доказательств в виде дактилоскопической экспертизы, устанавливающей лицо. В рубрике «Законодательная хроника» «Юридической газеты» от 08.07.1892 № 53 была помещена заметка об отпечатках пальцев рук, условиях их следообразования, о работах Ф. Гальтона по классификации узоров. В газете «Правительственный вестник» № 75 от 07.04.1895 в статье «Папиллярные линии ладони, как средство удостоверения личности преступника» сообщалось о возможностях использования дактилоскопии в деятельности полиции.

Юридическая периодика последующих лет публиковала более развернутый материал о теоретических основах дактилоскопии, практике ее использования за рубежом и в России. Нормативные акты Минюста и МВД по вопросам нового средства по борьбе с преступностью по ориентировочным подсчетам до 1917 г. насчитывали не менее 285 источников). В системе Главного тюремного управления Минюста дактилоскопический учет был введен 16.12.1906и сосредоточен в Центральном дактилоскопическом бюро (ЦДБ). В МВД учет существовал в сыскных отделениях с 22.07.1907, а в центре - Справочном регистрационном бюро (СРБ) 8 делопроизводства Департамента полиции. Как свидетельствуют документы, до начала функционирования центральных учетов по линии Минюста и МВД он действовал как инициативный в сыскных отделениях. В частности в сыском отделении Москвы уже в 1902 году в качестве дополнительного к антропометрическому, словесному портрету и опознавательным фотоснимкам.

В завершение следует отметить участие двух российских делегатов на I международном конгрессе уголовной полиции, проходившем 14-20.04.1914 в Монако, прообразе современного Интерпола. Конгресс собрал 300 делегатов из 25 государств. Российский делегат от Минюста Н. Ф. Лучинский был избран вице-президентом конгресса, на котором также был заслушан его доклад о работе ЦДБ. Одним из центральных вопросов конгресса была необходимость введения дактилоскопии как универсального средства криминалистического учета.

В настоящее время в России дактилоскопическая экспертиза является самой распространенной среди судебных экспертиз, а использо-

вание дактилоскопических учетов - одним из эффективных средств установления личности не только преступника, но и потерпевшего, а также жертв катастроф, стихийных бедствий, терактов. Большая роль в этой деятельности принадлежит учетам Интерпола, Европола, национальным службам государств всего мира.

Список использованных источников

1. Китаев И. И. Фрэнсис Гальтон. Л., 1972.
2. Локар Э. Руководство по криминалистике. М., 1941.
3. Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности / Под ред. Эджубова Л. Г., Богданова Н. Н. М., 2002.
4. Статистическая дактилоскопия. Методологические проблемы/ Под ред. Эджубова Л. Г. М., 1999.
5. Богданов Н. Н., Самищенко С. С., Хвыля-Олинтер А. И. Дерматоглифика серийных убийств// «Вопросы психологии». 1998, № 4.

Корсаков К. А.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-западный филиал «Российского государственного
университета правосудия»

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНО- ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы сущности деятельности, осуществляемой в уголовном судопроизводстве как совокупность познания и доказывания, принципы ее осуществления, новые целеуказания развития криминалистики.

Ключевые слова: доказывание, познание, криминалистическая деятельность.

Konstantin A. Korsakov,

Ph.D., Associate Professor of criminal procedural law of the Northwest branch of
"Russian State University of Justice "

THE CONCEPT OF COGNITIVE-EVIDENTIARY ACTIVITY

Summary: The article examines the nature of the activities carried out in the criminal proceedings as a set of knowledge and proving, the principles of its implementation, new instructions for the criminology evolution.

Keywords: proving, knowledge, criminalistic activities.

В последнее время активно продвигаются идеи алгоритмизации, программирования следственной деятельности, но, по нашему мнению, прежде чем говорить о программировании, алгоритмизации, необходимо определить какую деятельность мы собираемся упорядочивать, в чем ее сущность.

Уголовное судопроизводство представляет собой деятельность множества субъектов, осуществляемую в различных условиях. При этом каждый из субъектов имеет собственные цели и задачи. В процессе этой сложной многосистемной, комплексной, синтетической деятельности достигаются основные цели судопроизводства: установление обстоятельств происшедшего, оценка деятельности по установлению обстоятельств происшедшего и, как итог, принятие адекватного, законного решения.

Указанные цели существуют независимо от этапа или стадии на которой субъект осуществляет свою деятельность. Это может быть этап принятия решения о начале проверки сведений о событии с признаками преступления, стадия расследования или судебного следствия,

или слушания дела в целом. В любом случае необходимо с достаточной степенью достоверности представлять себе, что произошло и достигнуты ли эти знания надлежащим, законным путем. Только на основании этих знаний возможно принятие верного решения.

Успешное решение указанных задач зависит, исключая элементы случайности, от целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. К ним, помимо строгого соблюдения законодательства, регламентирующего деятельность при осуществлении уголовного судопроизводства, относятся в первую очередь высокая организация деятельности, обеспечивающая своевременное и правильное использование криминалистической информации.

Особенности указанной деятельности определяются особенностями области, в которой она осуществляется, в уголовном судопроизводстве, и ее субъектов.

В первую очередь эти особенности заключаются в том, что один из основных объектов познания – события преступного посягательства, недоступен для непосредственного исследования.

Во-первых, потому что он единичен, а его воспроизведение (повторение) для непосредственного исследования, будет являться совершением нового преступления. Во-вторых, события произошли в прошлом, а посещение прошлого на настоящем этапе научно-технического прогресса недоступно. В-третьих, они индивидуальны и такую сложную систему как преступное посягательство, включающую в себя и такой сложный элемент как психическую деятельность участников события, повторить с достаточной полнотой и достоверностью невозможно. Например, сознание виновного, при совершении преступления, охватывает только основную часть его психической и физической деятельности, при этом не в состоянии полно и всесторонне воспринять все аспекты иных элементов исследуемого события, например, психической и физической деятельности пострадавшего, фактов-последствий, в том числе собственной физической деятельности, и т. д.

При таких условиях изучение события преступного посягательства возможно исключительно посредством его модели.

Из этого следует, что основой деятельности является модель.

Начиная с решения задачи о проверке версии о возможности наличия в сообщении о каком-либо событии информации о признаках совершенного, совершаемого или подготавливаемого преступления, его вида и принятии решения о начале проверки данного сообщения. Заканчивая задачами проверки в порядке апелляции или кассации ранее принятых решений и принятием решения о вступлении приговора

(иного решения) в законную силу. Применяются они и на исключительных стадиях процесса: рассмотрении дела в порядке надзора или возобновления производства в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами.

Каждый этап и стадия уголовного судопроизводства характеризуется построением ряда промежуточных моделей с целью проверки определенных версий и заканчивается построением итоговой модели, которая подвергается последующей проверке, но уже в иных условиях.

Схематично это выглядит следующим образом.

После поступления сообщения о событии, которое возможно является противоправным, исходя из результатов исследования имеющейся информации, принимается решение о начале проверки. На этой стадии – возбуждения уголовного дела, в соответствии с имеющейся ограниченной информацией строится предварительная модель события и, в зависимости от того, имеет ли она признаки преступления, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о его возбуждении.

На стадии предварительного расследования на основании всесторонней, полной и достоверной информации строится итоговая модель преступного посягательства. Она является результатом познания субъекта расследования, которая проверяется в судебных стадиях.

Эта модель отражается в описательной части итогового документа - постановления, обвинительного заключения или обвинительного акта, протокола: следственная или обвинительная модель в тех случаях, когда используется для обвинения кого-либо в совершении преступления.

В судебных стадиях – результат проверки следственной модели, отражается в описательной части приговора или определения суда первой или апелляционной инстанции. Она может быть изменена определением или постановлением вышестоящей инстанции: судебная модель. При проверке следственной модели суд может признать ее, следственную модель, достоверной, не в полной мере правильно отражающей происшедшие события и изменить ее, построив собственную модель, или прийти к выводу что она полностью не соответствует событиям либо счесть, что не доказана ее достоверность.

Иначе говоря, результатом познания является достоверная, то есть действительно отображающая, по утверждению субъекта познавательной деятельности, модель события реальной действительности. Именно 2по утверждению2 субъекта, поскольку ему еще предстоит передать эти знания о событии и доказать истинность своего утверждения.

Таков познавательный аспект познавательно-доказательственной деятельности (ПДД). Другим аспектом является доказательственный. Сущность его заключается в том, что истина может достигаться только истинным, т. е. правильным способом, путем. В нашем случае – при обосновании выводов о достоверности итогов познания - модели события, могут использоваться только сведения, содержащиеся в доказательствах, указанных в законе и полученных методами, способами и приемами, не противоречащими закону и в соответствии с определенной законом процедурой.

Таким образом, субъект ПДД одновременно с познанием и представлением сделанных им выводов, их обоснованности, осуществляет доказывание того, что путь познания, который он прошел, является законным и правильным. Знание - не только результат познания, но и сам процесс познания.

Доказывание этого происходит как в процессе познания, самим процессом познания и его фиксацией, так и в последствии, когда процесс познания проверяется иными субъектами ПДД с точки зрения его допустимости, относимости и достоверности, как отдельных его элементов - доказательств, принятых решений, так и в их совокупности.

Так же, как данная деятельность осуществляется в отношении единичного, индивидуального события реальной действительности - конкретного преступного посягательства, точно так же в этом своем проявлении она, познавательно-доказательственная деятельность, является индивидуальной и единичной, единственной в своем роде, хотя поддается обобщению и типизации, программированию.

На различных этапах и стадиях познавательно-доказательственной деятельности осуществляет и лицо принимающее решение о возбуждении уголовного дела и осуществляющее расследование, и утверждающее обвинительное заключение (обвинительный акт, протокол), поддерживающее обвинение, осуществляющее защиту и правосудие, иные участники процесса с той лишь разницей, что некоторые осуществляют это на профессиональной основе, а другие – в силу сложившихся обстоятельств, например, представители средств массовой информации. От этого зависят цели, приемы и методы, объем ПДД.

Так сторона защиты представляет доказательства, которые должны быть получены, также как и стороной обвинения, законными путем и способами, в обоснование представляемой ею модели события, личности виновного и т. п. (защитная модель). Суд (судья) - обеспечивает законность судебного процесса, и сам обязанный соблюдать установленные законом правила и положения, обосновывает свои выводы о достоверности собственной модели события (судебная модель) и т. д.

Данную деятельность также возможно познать последующим субъектам ПДД только на основе ее модели, поскольку она происходила в прошлом и, как указывалось выше, является единичной и индивидуальной.

Пути, которые проходят участники судопроизводства, отражаются и фиксируются в материалах уголовного дела, которое следует рассматривать в качестве совокупной модели судопроизводства по конкретному делу (свойство репрезентативности модели). В нем отражается путь, пройденный следствием (модель следствия), обвинителем (модель обвинения) защитой (модель защиты), судом (модель суда), других участников судопроизводства. В том числе отражаются применение, как самого метода моделирования, так и иных методов, приемов, инструментов.

Изучая по уголовному делу этапы и стадии судопроизводства, субъекты ПДД делают выводы не только о правильности сделанных выводов об обстоятельствах изучаемого события, но и правильность, законность деятельности, предшествовавшей и приведшей к именно таким выводам. При этом, в свою очередь, они фиксируют свою деятельность, приведшую их к определенным выводам, с тем, чтобы последующие субъекты могли ее проверить.

Как известно, критерием истины является практика, но, изучение событий преступного посягательства и деятельности по его познанию и установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела являются индивидуальными и единичными фактами действительности и их нельзя повторить. Поэтому критерием практики, в отличие от познания в большинстве отраслей науки и практики, когда критерием истины является повторяемость события при повторяемости условий, в судопроизводстве, и криминалистике в частности, является повторяемость выводов при изучении одних и тех же исходных данных, но в разных условиях, различными субъектами. Иначе говоря, критерием истины является не повторяемость результатов опытов при одинаковых исходных данных и при соблюдении одинаковых условий и совершении одних и тех же действий у одного и того же исследователя, субъекта познания, а повторяемость результатов при одинаковых исходных данных, но при совершении разных процессуальных и иных действий, но с использованием одинаковых методов познания и доказывания, в разных условиях у разных исследователей, последовательным чередованием условий и субъектов познания.

Таким образом, в ходе практической проверки полученных результатов, но, необходимо подчеркнуть – не в ходе их получения, про-

исходит не повторение действий, опытов одним и тем же субъектом, а происходит смена субъектов, которые проверяют деятельность предшествующего субъекта, приведшую к получению данных результатов, выводов. Если не находится ошибок в деятельности предшествующих субъектов и на основе имеющихся данных последующий субъект приходит к тому же результату, выводу, следует, что результат верен и он достигнут надлежащим способом, путем. Представляются же выводы и деятельность, в результате которой они сделаны, последующему субъекту познания в виде моделей результатов и деятельности.

Стадиями, на которых создаются первая итоговая модель, является досудебное производство. На этих стадиях происходит соби- рание и исследование информации и формирование доказательств с целью построения первичной итоговой модели и подтверждения истинности построенной модели и законности совершенной с этой целью познавательной деятельности.

В суде первой, последующих инстанций также происходит соби- рание и исследование доказательств, но в целях проверки предшеству- ющей моделей – последовательно: следственной, судебной и других, а также исследование деятельности сторон обвинения, защиты, суда - модели следствия, стороны обвинения, защиты, суда, всей совокупности предшествовавшей деятельности.

Исходя из сказанного следует вывод о единстве криминалисти- ческой деятельности в уголовном судопроизводстве и необходимости формулирования дополнительных целеуказаний, в частности, в зави- симости от особенностей субъектов деятельности, разработке рекомен- даций, приемов, инструментов и методов передачи полученных знаний о происшедшем; обоснования, доказывания правильности, достоверно- сти полученных знаний; доказывания правильности, законности дея- тельности связанной с получением знаний о происшедшем; убедитель- ности фиксации осуществляемой деятельности; доказывания, основа- ния принимаемых решений. И в частности, уточнения целей и предме- та криминалистики.

Отдельные аспекты данной проблематики плодотворно рассмат- риваются большим количеством авторов, имена которых не позволяют назвать ограниченные объемы данной статьи.

С. П. Кушниренко

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

В. Д. Пристансков

кандидат юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

СОБЫТИЕ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Событие коррупционного преступления как интегративное системное образование продолжает свою ретроспективную жизнь во внутренних и внешних следах как материально фиксированное отображение или как мысленный образ, а затем как информационная модель в материалах уголовного дела.

Оптимальное познание обстоятельств события коррупционного преступления обеспечивается специальными криминалистическими методами, в том числе структурно-криминалистическими методами, разработанными на основе системного подхода к изучению структуры события и системного анализа ее отдельных системных элементов (обстоятельств). В качестве криминалистического инструментария оптимального установления и исследования обстоятельств события коррупционного преступления применяется структурно-аналитическая формула, позволяющая выдвинуть обоснованные следственные версии, построить вероятностную и достоверную модель события преступления, выбрать стратегию и тактику предварительного расследования.

Ключевые слова: событие коррупционного преступления как объект криминалистического исследования; специальные структурно-криминалистические методы познания события коррупционного преступления; структурно-аналитическая формула системного исследования обстоятельств события коррупционного преступления.

Svetlana P. Kushnirenko

PhD in Law, Associate Professor, Department of the Criminal Procedure and
Criminalistics of St. Petersburg State University

Vladimir D. Pristanskov

PhD in Law, Professor, Department of the Criminal Procedure and Criminalistics
of St. Petersburg State University

CORRUPTION CRIME EVENT AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Summary: The event of corruption crime as an integrative system continues its retrospective life in internal and external traces as a materially fixed display or as a mental image, and then as an information model in the materials of the criminal case.

Optimal knowledge of the circumstances of the event of corruption crimes is provided by special forensic methods, including structural methods developed on the basis of a systematic approach to the study of the structure of the event and the system analysis of its individual system elements (circumstances). As a forensic tool for optimal identification and investigation of the circumstances of the event of corruption crimes it is necessary to use structural and analytical formula that allows to put forward a reasonable investigative version, to build a probabilistic and reliable model of the crime, to choose the strategy and tactics of the preliminary investigation.

Keywords: the event of corruption crime as an object of forensic research; special structural and forensic methods of cognition of the event of corruption crime; structural and analytical formula of the system study of the circumstances of the event of corruption crime.

Несмотря на официально декларируемое ежегодное снижение уровня коррупционных преступлений⁵, материальный ущерб от них продолжает расти и становится сопоставимым с расходами государственного бюджета на национальную экономику. Так, по данным Счетной Палаты в 2017 году выявлено 3980 коррупционных финансо-

---

⁵ По данным Генеральной прокуратуры РФ, с 2015 года идет ежегодное снижение количества выявленных коррупционных преступлений. В частности, с 2015 года наблюдается снижение получения взяток (ст. 290 УК РФ) с 6495 до 5344 преступлений в 2016 году (-17,7%) и до 3188 в 2017 году (- 40,3%). Удельный вес преступлений коррупционной направленности в общем числе преступлений составлял в 2017 году 1,4 %, что на 10% ниже, чем в 2016 году. См.: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1339196/>

вых нарушений на сумму 1 триллион 556 миллиардов, а Национальный Антикоррупционный Совет РФ оценивает общую сумму полученных в 2017 году в России взяток в 6,7 млрд. рублей [8].

Попытки оценить уровень коррупционной преступности и выявить реальные масштабы коррупции в стране до сих пор не дали результатов ввиду отсутствия соответствующих методик прямого исследования, поскольку уровень латентности этих преступлений столь велик, что уголовная статистика отражает лишь незначительную верхушку айсберга. Сложность исследования, а соответственно, выявления, раскрытия и доказывания коррупционных преступлений вытекает из самой их природы. Коррупционные деяния, прежде всего взяточничество⁶, относятся к преступлениям двусторонним, т. е. таким, в которых нет потерпевшего, нет стороны, заинтересованной в установлении истины по делу, в выявлении преступления, в наказании виновных. Напротив, обе стороны стремятся скрыть преступление не только от правоохранительных органов, но и от окружающих. Именно этим объясняется столь высокая латентность коррупции. Отрицательную роль играют и другие обстоятельства, например, наличие у целого ряда должностных лиц иммунитетов уголовного и уголовно-процессуального характера, использование преступниками завуалированных способов приема-передачи предметов взятки, отступление от прямых монетарных форм коррупции, на смену которым пришли конфликт интересов, незаконный лоббизм, использование иностранных финансовых инструментов, отмывания денежных средств.

Самой опасной для общества и наиболее трудно выявляемой является связь между взяткодателями (корруппаторами), взяткополучателями (коррупционерками) и посредниками, которая планируется и выстраивается заранее. Назначение некоторых должностных лиц иногда инициируется различными полукриминальными и криминальными структурами. Это дает последним основание беззастенчиво пользоваться услугами своих ставленников и открывает дорогу к политической власти. Должностные лица, в свою очередь, действуют в интересах коррумпированной их структуры даже в тех вопросах, которые заранее не обуславливались подкупом. Таким образом, происходит сближение тех, кто располагает крупными денежными средствами, добытыми преступным путем, и руководящих работников представительных и исполнительных органов власти. Подкуп должностных лиц

---

⁶ Под взяточничеством в данной статье авторы понимают получение взятки (ст. 290 УК РФ), дачу взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст.291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

осуществляется с целью безнаказанного нарушения уголовного, анти-монопольного, налогового, лицензионного и иного законодательства, получения служебной информации налоговых и таможенных служб, правоохранительных органов. Отсюда следует, что коррупция существует не сама по себе, а выступает как важнейшее средство обеспечения преступной деятельности, и в первую очередь в сфере экономики.

Чтобы противодействовать столь серьезной угрозе, необходимы новые концептуальные подходы к исследованию коррупционного события как объекта криминалистического познания, позволяющие расширить возможности выявления и доказывания факта коррупционного деяния и лиц, причастных к его совершению. Для решения криминалистических задач, направленных на оптимизацию процесса доказывания путем создания более совершенного криминалистического инструментария, следует исследовать событие коррупционного преступления как целостный содержательный образ структурированного знания, который может быть представлен понятием, формулой, схемой. Такой подход, являясь универсальной формой познания, дает возможность более глубокого понимания закономерностей развития события преступления и его отражения на объектах окружающей среды, способствуя тем самым своевременному выявлению криминалистически значимой информации и формированию наиболее полной базы доказательств по уголовным делам.

Для научного обеспечения создания эффективного криминалистического инструментария необходима разработка научных положений, в системе которых важное место будут занимать учения, объясняющие сущность и содержание типичных признаков системных элементов структуры события коррупционного преступления. Это относится, прежде всего, к определению сущности и содержания системных элементов структуры события коррупционного преступления и к установлению характера и механизма взаимодействия между ними, выступающих в качестве факторов, обуславливающих достижение преступного результата. Исследование причинных связей между ними (взаимодействия, взаимообусловленности, взаимозависимости, соподчиненности) должно осуществляться на всех уровнях, как правило, сложной и многофакторной системы преступной деятельности коррупционеров, корруппаторов и посредников.

Событие коррупционного преступления как реальный факт действительности – это динамичная система, состоящая из элементов, закономерным образом взаимосвязанных и взаимодействующих между собой и с объектами окружающей среды (обстановкой), объективно отразившихся в ней в виде материальных и идеальных следов.

Коррупционную деятельность можно определить как специфическую криминальную деятельность отдельного физического лица или группы лиц, совершивших посягательство на законные права и интересы физического или юридического лица, на государственные или общественные интересы, которая включает в себя конкретное общественно опасное, противоправное, осознанное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, и закономерно связанные с ним деяния, которые предшествуют, сопутствуют ему и следуют за ним.

При криминалистическом исследовании события коррупционного преступления необходимо ориентироваться на научные положения о системе и системном подходе, которые позволяют выделить оптимальный состав элементов, характерных для системы посягательства, и определить структуру элементов-факторов, детерминирующих процесс наступления общественно опасного результата. В качестве базового следует использовать определение системы как такого множества элементов, находящихся в отношениях и связях, которое образует определенную целостность, единство. Оптимальным является тот состав элементов, который обеспечивает динамику криминального события.

Криминалисты-ученые в своих работах, как правило, не выделяют элементы конкретно системы события преступления, а перечисляют элементы системы или структуры преступления, ориентируясь на состав преступления и произвольно в той или иной авторской редакции пытаются его расширить, сузить или придать оригинальность описанию. На наш взгляд, отсутствие в криминалистической науке общего подхода к выделению в качестве объекта криминалистического познания события преступления, а не преступления или системы преступления тормозит такой важный познавательный процесс, как программирование предварительного расследования преступлений и создание на его основе автоматизированных рабочих мест (АРМ) следователя (дознателя), а также надзирающего прокурора и государственного обвинителя.

Будучи реальным явлением, событие имеет определенные закономерности своего возникновения, развития (существования) и завершения (прекращения). Как отмечает В. А. Образцов, обязательность познания объекта в развитии, самодвижении, изменении требует от исследователя выяснить весь процесс совершения преступления от начала до конца [3, с. 87].

В элементы «криминальной (реальной) системы преступления» Г. А. Густов включает вовлеченных в процесс преступной деятельности людей, предметы, процессы, явления и т. д. Также он отмечает, что «в отличие от уголовно-правовых элементов состава преступления

(объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), являющихся юридическими понятиями, элементы реальной системы преступления существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам материального мира» [2, с. 52].

Основные выработанные термины, которыми оперируют ученые, близки по смыслу. Разнообразие элементов, включаемых в избранные ими образы (модели), на наш взгляд, объясняется неопределенностью объекта криминалистического исследования. По нашему мнению, главным ориентиром в определении объекта криминалистического познания, должен быть предмет доказывания, установление и исследование содержания которого позволяет решить основные задачи судопроизводства – имело ли место событие преступления и кто причастен к его совершению. Выбор в качестве объекта криминалистического познания уже произошедшего в реальности события преступления позволяет на основании системного подхода сформировать упорядоченный перечень системных элементов структуры события преступления как реального факта действительности и разработать методологически выверенную концепцию его исследования и в науке, и на практике путем применения всей совокупности методов познания материального мира.

Преступления отдельного вида или определенной группы обычно сходны по большому количеству типичных признаков. Отдельные выявленные признаки действий преступников могут возникнуть независимо от других, но для большинства из них характерно наличие определенной доминантности, что обусловлено физической и психической деятельностью субъектов, нацеленной на достижение определенного общественно опасного результата. Признаки, позволяющие выявить факторы, детерминировавшие процесс преступного посягательства, принято определять как криминалистические. Они не дают цельного представления о событии преступления в целом или о его отдельных системных обстоятельствах, а только содержат сведения об изменениях, которые могли возникнуть в результате криминальной деятельности. Например, выявленный факт получения должностным лицом денежной суммы от гражданина может свидетельствовать как о взятке, так и о злоупотреблении должностными полномочиями, мошенничестве, равно как и о возврате долга или иных личных отношениях. Криминалистические признаки как сведения об обстоятельствах события происшествия, установленные опосредованно, через следы, формируют содержание системных элементов структуры события преступления. Совокупность криминалистических признаков определяет объем криминалистически значимой информации, позволяющий обос-

новать и целенаправленно проверить предварительные версии о преступлении. Причем актуальность такого исследования не ослабевает на протяжении всего последующего процесса предварительного расследования, когда выдвигаются различные следственные версии и осуществляется их проверка.

В исследовании события преступления как реальной системы действительности необходимо выделять те элементы, которые, находясь между собой в определенных отношениях и связях, образуют ее целостность. Такой системный подход позволяет целенаправленно получить информацию о кримпризнаках и определить содержание факторов, обусловивших последовательность развития и характер причинно-следственной связи между деянием преступника и наступившими последствиями, а также выявить другие факторы, которые могли объективно повлиять на ее структурированное содержание. Такой углубленный системный анализ криминальной деятельности позволяет разработать криминалистический инструментарий, необходимый для целенаправленной организации деятельности следователя и тем самым оптимизировать процесс предварительного расследования.

Основная итоговая интеллектуальная задача криминалистической деятельности – создание с использованием ретроспективного анализа информационной модели события преступления на основе систематизации и анализа данных, получаемых в результате изучения выявленной следовой картины криминальной деятельности, и установление причастных к ней лиц.

Оптимальное познание события преступления обеспечивается специальными криминалистическими методами, разработанными на основе системного подхода к изучению структуры события и системного анализа ее отдельных системных элементов (обстоятельств). К ним следует отнести адаптированные для решения криминалистических задач такие методы, как программно-целевой метод (ПЦМ), криминалистическое моделирование, комплексный подход, криминалистический факторный анализ.

Рассматривая криминальное событие как систему сложную и многоуровневую, следует оптимально детализировать содержание элементов его структуры, а отталкиваясь от них – механизм преступного явления в целом (макросистема) и механизм непосредственного посягательства в частности (микросистема). Например, событие «взятка» включает в себя деяния: 1) предшествующие даче-получению предмета взятки (например, взяткодатель устанавливает контакт с должностным лицом, обговаривает условия взятки, подыскивает предмет взятки или

средства для его приобретения, взяткополучатель определяет потенциального взяткодателя, требует или вымогает взятку, обсуждает условия взятки, выполняет служебное действие в интересах взяткодателя, посредник ведет переговоры об условиях взятки, организует способ передачи предмета взятки и т. д.); 2) передача-прием предмета взятки (например, взяткодатель лично или через посредника передает предмет взятки, взяткополучатель принимает предмет взятки); 3) последующие действия (например, взяткодатель получает обусловленное «благо» от должностного лица, взяткополучатель выполняет служебное действие (бездействие) за взятку, распоряжается (использует) предметом взятки, посредник получает вознаграждение и т. д.). В качестве механизма события выступает посягательство на интересы государственной или муниципальной службы – комплекс действий по подкупу должностного лица и осуществлению им должностных полномочий за незаконное вознаграждение. В качестве механизма непосредственного посягательства выступает комплекс действий взяткодателя, взяткополучателя, посредника, детерминировавших наступление вредных последствий – нарушение регламентированной законом нормальной деятельности органов государственной (муниципальной) власти и управления. Далее устанавливается причинно-следственная связь между указанными факторами: предложение, требование, вымогательство взятки → дача взятки → получение взятки → выполнение служебного действия (бездействия, поведения), обусловленного взяткой. Каждое из перечисленных действий оставляет материальные и идеальные следы в окружающей обстановке (документы, аудио- и видеозаписи, абонентские соединения, показания свидетелей, вещественные доказательства), по которым следователь может восстановить деяние в полном объеме.

Механизм совершения события преступления обеспечивается динамикой взаимодействия всех элементов его структуры, обусловленной всей совокупностью корреляционных связей структурных элементов, выступающих в процессе совершения преступного деяния в качестве его самостоятельных факторов.

Исследование механизма функционирования системы события посягательства, особенно совершенного в условиях неочевидности, повышенной сложности (к которым в большинстве своем и относятся коррупционные преступления) должно вестись по двум направлениям:

1) в сторону «углубления» анализа внутрисистемных факторов (признак: свойства → отношения). Признаки элементов проявляются через их свойства и отношения. Совокупность признаков – это характеристика объекта (явления), указывающая на наличие или отсутствие

у него определенных свойств, обеспечивающих связь с другими объектами (явлениями);

2) в сторону учета влияния факторов среды: социальной обстановки, экономических, политических и других условий. Технология такого изучения обстоятельств преступного события представляет собой многофакторное исследование; оно позволяет объективно и детально установить внутренние и внешние связи как отдельных элементов системы, так и самой системы преступления в целом. Основными методами многофакторного криминалистического исследования криминального события являются моделирование, комплексный подход, программно-целевой метод, поэлементно-факторный анализ [5, с. 82-84] и др.

Указанные методы в комплексном их применении позволяют осуществить три уровня многофакторного исследования преступного события: системы криминальной деятельности, иерархической структуры преступного деяния и характера и механизма причинно-следственных отношений между системными элементами события. Такой системный подход к исследованию обстоятельств события дает возможность наполнить криминалистическим содержанием процесс доказывания: получения, изучения и оценки доказательств.

Иерархическая структура преступного события включает в себя элементы, которые находятся в корреляционной зависимости между собой и обеспечивают развитие процесса посягательства, определяют специфику его механизма. Значение иерархической структуры системы события заключается в последовательном и логически оправданном исследовании ее каждого элемента как отдельной микросистемы. Такое направление исследования позволяет уставить не только характер, но и содержание причинно-следственных отношений между факторами, детерминировавшими наступление общественно опасного последствия, и максимально исключить необоснованные выводы об отсутствии или, наоборот, о наличии причинно-следственной связи между деянием и его последствием. Достичь такого углубленного системного исследования позволяет поэлементно-факторный анализ, представляющий метод организации расследования и изыскания новых данных путем логического анализа факторов, детерминирующих криминальный процесс и его результаты.

Анализ факторов по уровням иерархической структуры осуществляется путем применения структурно-аналитической формулы как инструмента познания системных элементов события преступления (по Г. А. Густову).

Применительно к коррупционному преступлению структурно-аналитическая формулы его события будет выглядеть следующим образом:

Сбт Вз → [Сб · ФзД · Мст · Вр · Пр · ПсхД · Пр] ↔ Обст, где:

Сбт Вз – событие взяточничества;

Сб – субъекты – коррупционер, коррумпатор, посредник;

ФзД – физическая деятельность;

Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности каждого субъекта взяточничества;

Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Пр – предмет взятки;

ПсхД – психическая деятельность (мотив, цель);

Обст – обстановка – причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось.

Субъект преступления в коррупционных деяниях, в частности взяточничестве, – основной элемент криминалистической структуры, и его определение и доказывание носит решающий характер для принятия процессуальных решений уже на стадиях проверки заявления о совершенном или готовящемся преступлении и возбуждения уголовного дела. Поскольку в понятие взяточничества включаются четыре состава, то в качестве субъектов выступают взяткодатель, взяткополучатель, посредник, а также их соучастники.

Основной фигурой является взяткополучатель: от его поведения, намерений, умысла и целей зависит квалификация действий (бездействия) не только его самого, но и его соучастников, взяткодателя, посредника и их соучастников. По деятельности и умыслу взяткополучателя определяется окончательность состава преступления взяткодателя, посредника и соучастников. **Взяткополучатель** – это обязательно должностное лицо, правовой статус которого должен быть установлен в процессе расследования и подтвержден материалами уголовного дела. Должностным лицом признается представитель власти или лицо, выполняющее организационно-распорядительные либо административно - хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Законодатель, определяя понятие должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ, исходил одновременно из двух критериев: из характера выполняемых функций и вида органа, в котором лицо несет государственную, муниципальную или военную службу. Являясь краеугольным в криминалистической структуре, этот субъект требует установления (подтверждения фактами) уже на стадии доследственной проверки, поскольку к моменту возбуждения уголовного дела должны быть достоверно установлены его правовой статус, круг его компетенций и конкретные полномочия, за использование которых передается вознаграждение. В противном случае исключается возможность правильной уголовно-правовой квалификации преступления, а значит, возникает риск нарушения принципа законности при принятии процессуального решения следователем или иным уполномоченным лицом.

Взяткодатель – это любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Его должностное положение и профессия для квалификации преступления значения не имеют, но с криминалистической позиции личность корруппатора следует подробно исследовать, поскольку полученные сведения могут дать информацию, необходимую для выдвижения версий относительно способа взяточничества, предмета взятки, целей и мотивов дачи взятки, места и времени совершения преступления и др.

Посредник - любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которое по поручению взяткодателя или взяткополучателя непосредственно передает предмет взятки от взяткодателя или другого посредника взяткополучателю или другому посреднику для передачи взяткополучателю. Он может способствовать субъектам взяточничества и иными способами с целью достижения соглашения между ними о даче-получении взятки или реализации такого соглашения.

Исследование физической деятельности субъектов взяточничества позволяет уяснить суть ретроспективного события в целом и его отдельных обстоятельств, определить круг лиц, среди которых следует искать виновного, добиться быстрого и полного раскрытия преступления на основе выявления взаимосвязанной совокупности следов преступления, соответствующей составу и характеру действий, входящих в способ его совершения. Для достижения преступной цели субъекты взяточничества выполняют комплекс действий, взаимосвязанных, объединенных единым умыслом и направленных на достижение преступного результата. Вся их деятельность при совершении коррупционного преступления протекает не спонтанно, а предопределена рядом условий и обстоятельств. Способ преступного поведения зависит от

многих объективных и субъективных причин. К объективным следует отнести обстановку в самом широком смысле. Применительно к коррупционным преступлениям это состояние экономики в данном регионе, уровень законодательного регулирования определенных общественных отношений, наличие пробелов в законодательстве, позволяющих решить вопрос по усмотрению должностного лица, преступные традиции в государственном органе или учреждении и другие обстоятельства. Окружающая обстановка обуславливает действия лица, необходимые для достижения преступного результата. Вместе с тем, осуществляя преступную деятельность в одинаковых экономических и социальных условиях одного и того же региона и преследуя одинаковые цели, преступники все же действуют не идентично. Это означает, что одна и та же, по существу, схема способа действий преступников имеет индивидуальные черты в зависимости от личности субъекта преступления или иного участника преступной группы: преступной квалификации, уровня образования и интеллекта, иных личностных особенностей. Физическая деятельность включает три этапа: действия до совершения посягательства; система действий как способ преступного деяния; действия после совершения преступления каждого из субъектов. Способ дачи-получения взятки может быть простым (открытым), т. е. из рук в руки, и сложным (завуалированным), когда деятельность по передаче-получению взятки маскируется иными взаимоотношениями между субъектами.

Место и время совершения взяточничества – обязательные элементы системы события и имеют для нее существенное значение, определяя ее пространственно-временные характеристики. Поскольку во взяточничестве принимают участие сразу несколько субъектов, важно соотношение деятельности каждого из них в пространстве и времени. Это обстоятельство заставляет выделять данные категории в самостоятельные элементы системы взяточничества как преступного посягательства. Место и время связывают между собой и в значительной мере обуславливают остальные элементы системы взяточничества. Это означает, что, зная о месте и времени приема-передачи взятки и выполнения служебных действий в интересах определенного лица или организации, можно выдвинуть версии о субъектах преступления, предмете взятки, способе взяточничества. Под исследованием места и времени совершения взяточничества подразумевается установление пространственных и временных характеристик совершения всех тех действий, которые образуют способ совершения взяточничества каждым субъектом преступления.

Предмет взятки – это любые материальные ценности и услуги материального характера, переданные (оказанные) должностному лицу за совершение служебных действий (бездействия) в интересах дающего. Предметом взятки наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом могут быть услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате, и имущественные выгоды, которые могут предоставляться (оказываться) не только самому должностному лицу, но и его родным и близким с ведома должностного лица.

Психическая деятельность субъектов взяточничества заключается в мыслительной деятельности субъектов, инициированной определенным побудительным мотивом и направленной на создание модели предстоящего преступного поведения для достижения противоправного результата. Планируя преступное поведение, каждый из субъектов взяточничества сочетает в своем сознании интеллектуальный и волевой акты, поэтому непременно действует с прямым умыслом, т. е. сознает противоправность своего поведения, предвидит наступление преступного результата и желает его наступления. Мотив и цель в этом виде преступления имеют особое криминалистическое значение, и знания о них могут быть эффективно использованы при выдвижении версий.

Мотив рассматривается как осознанное побуждение, обуславливающее действие для удовлетворения какой-либо потребности человека, и является обоснованием и оправданием волевого действия, т. е. объясняет, почему субъект действовал именно таким образом и добивался именно этой цели. Его можно назвать побудительной причиной, поводом к преступному действию. **Цель** есть предмет стремления, предвосхищение в сознании человека результата, на достижение которого направлены действия. Коррупционное преступление всегда корыстно. Это означает, что как бы ни действовало должностное лицо в интересах определенного гражданина, группы или юридического лица, оно обязательно принимает решения, совершает служебные действия или придерживается выгодной для коррумпировавших его субъектов линии поведения, исходя из собственной выгоды, независимо от того, сейчас она будет извлечена либо в ближайшем или отдаленном будущем. Получение взятки всегда предполагает извлечение личной материальной выгоды для себя или своих близких. В связи с этим мотивы взяткополучателя всегда корыстны, а целью является незаконное обогащение. Цели и мотивы взяткодателей на практике оказываются значительно сложнее и многообразнее, поскольку субъекты пытаются удовлетворить различные потребности, прибегая к услугам должностных лиц. Достижение их целей возможно только путем принятия

должностным лицом соответствующего решения. Цели взяткодателя, прежде всего, можно подразделить на законные и незаконные. Эта классификация имеет криминалистическое значение, так как при достижении взяткодателем законных целей за взятку может практически не остаться следов преступления, поскольку взяткополучатель в этом случае за взятку выполняет свои служебные действия в рамках полномочий без каких-либо нарушений или отклонений, которые могли бы быть зафиксированы при исследовании его деятельности. Удовлетворяя незаконные интересы взяткодателя, взяткополучатель вынужден выйти за рамки служебных обязанностей, допустить отклонение от установленной процедуры принятия решения, что обязательно оставляет материальные и идеальные следы. С исследованием цели и мотива взяткодателя напрямую связан вопрос установления в действиях взяткополучателя такого квалифицирующего признака, как вымогательство. Только в случаях, если взяткодатель вынужден дать взятку должностному лицу, преследуя свои законные цели или защищая охраняемые интересы, требование должностного лица передачи взятки может расцениваться как вымогательство. Практическое криминалистическое значение имеет и классификация целей на: личные (если взяткодатель добивается путем взятки получить какие-либо блага для себя лично); удовлетворение интересов третьих лиц, чаще всего родственников, супругов, знакомых, в материальном и психологическом благополучии которых заинтересован взяткодатель; корпоративные (если за взятку пытаются приобрести какие-либо блага для определенной группы лиц или организации в целом). Мотивы посредника, участвующего во взяточничестве, также могут быть различными – корыстными и иными личными. Для квалификации содеянного этот момент значения не имеет, но для криминалистических целей установление мотива посредника крайне важен, поскольку в зависимости от него возникнет возможность получить дополнительные доказательства содеянного, установив факт передачи вознаграждения за посредничество, факт личных доверительных отношений с субъектами взяточничества, оказание ими взаимных услуг, в том числе коррупционного характера.

Анализ установленных целей и мотивов деятельности субъектов и правильная их оценка помогает установить сведения об иных элементах криминалистической характеристики (предмете взятки, его источнике, способе совершения преступления, субъектах, месте, времени совершения преступления).

Все рассмотренные выше элементы структуры преступления как единой системы взаимосвязаны. Между ними закономерно существуют сложные и многообразные связи: пространственно-временные, функ-

циональные, генетические, прямые и обратные, закономерные, вероятные и случайные и т. д. Н. П. Яблоков называет среди них следующие элементы обстановки: «Различные взаимодействующие между собой до и в момент преступления объекты, явления и процессы, характеризующие место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления» [1, 26-34]. Система таких объектов, явлений и процессов определяется как *обстановка совершения преступления*. Ее влияние на структуру преступления таково, что она непосредственно детерминирует всю деятельность субъекта преступления и обуславливает конкретные поведенческие акты. Иными словами, преступная деятельность субъекта определенным образом запрограммирована обстановкой, которая «вынуждает» его действовать или поступать единственно возможным в конкретной ситуации образом.

Субъекты взяточничества сами выбирают время, место, способ совершения преступления, но в то же время они ограничены обстановкой, которая либо создает объективную возможность для совершения преступления, либо затрудняет или даже делает невозможной преступную деятельность.

Таким образом, между действиями виновных и обстановкой существует прямая и обратная связь: преломляясь через сознание виновного, обстановка влияет на его преступное поведение; действия виновного в свою очередь отображаются в обстановке в виде разного рода следов. Только при подробном анализе обстановки, отраженной в материалах уголовного дела, следователь может оценить собранные доказательства по каждому из обстоятельств, подлежащих доказыванию, и спрогнозировать возможные версии защиты и способы их опровержения.

Авторы полагают, что обеспечение таким криминалистическим инструментарием, как структурно-аналитическая формула события преступления [4, с. 258-259], программы исследования элементов иерархической структуры события преступлений отдельных видов и групп и алгоритмы криминалистического исследования [6] механизма совершаемых посягательств, обеспечит научно-обоснованную разработку эффективных методик предварительной проверки и предварительного расследования, а их внедрение – экономию времени, сил и средств, затрачиваемых на осуществление досудебной стадии судопроизводства.

Список использованных источников

1. Криминалистика: Учебник / Под ред. Н. П. Яблокова. М.: Юрайт, 2014.
2. Курс криминалистики: в 3 т. / Под ред. Коршуновой О. Н. 2-е изд. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. СПб: Издательство «Юридический центр», 2016.
3. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997.
4. Пристансков В. Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: монография. СПб: Академия менеджмента и агробизнеса нечерноземной зоны РФ (АМА НЗ РФ), 2007.
5. Пристансков В. Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 82-84.
6. Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы: Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М.: Лига Разум, 2000.
7. <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1339196/>
8. <https://newizv.ru/news/politics/04-07-2018/vopros-dnya-kakova-zhe-realnaya-korrupsiya-v-rossii>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОДАЖ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК)

В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты расследования мошенничества в сфере продажи «функциональных продуктов», одним из которых являются биологически активные добавки к пище (БАД). Реализация такого рода продуктов осуществляется с применением агрессивных форм маркетинга с психологическим воздействием на людей престарелого возраста и другие слои населения, которые нуждаются в дополнительной социальной защите. Выбор данной проблематики обусловлен усилением борьбы правоохранительных органов в этом направлении, однако следственный инструментарий для доказывания вины лиц, осуществляющих мошеннические действия при продаже БАД, должен быть расширен.

Ключевые слова: криминалистика, судебные экспертизы расследования мошенничества в сфере потребительского рынка, криминальная продажа «функциональных продуктов», обман потребителей при продаже биологически активных добавок.

Viacheslav U. Nizamov

PhD in law, associate Professor Department of Criminal Procedure and
Criminalistics of St. Petersburg State University

ABOUT SOME PROBLEMS IN THE CRIME INVESTIGATION (FRAUD IN SALEING NUTRACEUTICALS)

Summary: The article discusses some of the problematic aspects of the investigation of fraud in the sale of "functional products", one of which is biologically active food additives. The implementation of such products is carried out with the use of aggressive forms of marketing with a psychological impact on people of old age and other segments of the population who need additional social protection. The choice of this issue is due to the intensification of the law enforcement struggle in this direction, however, the investigative tools for proving the guilt of those engaged in fraudulent activities in the sale of dietary supplements should be expanded. Key words: forensic science, forensic examinations of the investigation of fraud in the consumer market, criminal sale of "functional products", consumer fraud in the sale of dietary supplements.

Keywords: criminalistics, forensic examinations of the investigation of fraud in the consumer market, criminal sale of "functional products", consumer fraud in the sale of dietary supplements

Потребительский рынок сформирован в России достаточно стихийно. С одной стороны, наверное, это закономерный процесс в условиях жесткой конкуренции, когда освобождаются или находятся новые «ниши» для субъектов малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, слишком длительное отсутствие правил конкурентной борьбы и, в целом, слабость в государственном регулировании предпринимательской деятельности, сформировало весьма странный рынок, где потребитель подчас обречен на то, чтобы стать жертвой обмана.

Причин такому состоянию отечественного рынка достаточно много, и далеко не всегда эти причины вызваны только «корыстным» типом личности субъектов предпринимательской деятельности. Упущения в государственном регулировании системы регистрации и ликвидации юридических лиц позволили многим участникам экономических отношений открывать сотни тысяч фирм, которые представляют собой фантомы, потому что за ними нет ни капитала, ни реальных лиц, ответственно занимающихся предпринимательской деятельностью. Такие юридических лица выступают в роли «ширмы», позволяющей обманным путем завладеть денежными средствами потребителя и укрыться от правосудия.

Актуальность темы борьбы с мошенничеством в сфере потребительского рынка не вызывает сомнений, однако, данная проблематика представляется чрезмерно широкой, поэтому считаем возможным проиллюстрировать проблемы расследования мошенничества в сфере потребительского рынка на примере продаж биологически активных добавок к пище (далее - БАД) под видом лекарственных средств.

На сегодняшний день в России нет нормативной и иной базы, регулирующей оборот БАД. Сами по себе БАД в классификации Всемирной организации здравоохранения относятся к так называемым «функциональным продуктам» («functional foods»), при этом в настоящее время в Европе полезность таких продуктов под вопросом [3].

В продовольственных магазинах в любой точке мира можно найти продукты, рекламируемые как улучшающие самочувствие, активно способствующие правильному пищеварению. Такие тенденции, конечно, не обошли и продовольственный рынок России. Ежедневно в средствах массовой информации звучит реклама «чудодейственных» средств, которые *могут* помочь в сложной ситуации, когда состояние здоровья ухудшилось. По мнению отдельных аналитиков, в результате усиления государственного контроля за рекламой таких товаров произошло некоторое снижение рынка продаж БАД, который превратился в целую отрасль российской экономики [1, с. 28-30]. Однако снижение

продаж представляется весьма сомнительным. Так, по некоторым данным, в России только за 2016 год через аптечные сети и распространителей было продано 335 млн. упаковок БАД, а в 2017 году этот показатель вырос до 341 млн. упаковок [9, с. 195-196]. Несмотря на непрерывающийся поток довольно агрессивной рекламы, и многочисленные жалобы потребителей правоохранительные органы заинтересовались действиями таких предпринимателей лишь несколько лет назад [5][6][7][8].

Проводимое нами исследование позволило определить ряд обстоятельств осложняющих расследование таких уголовных дел.

В такую «предпринимательскую» деятельность нередко вовлечено значительное количество лиц, которые выступают де-юре как работники юридического лица, а де-факто в рамках трудовых отношений выполняют объективную сторону мошенничества.

При всей внешней очевидности вопроса, разграничить законную предпринимательскую деятельность от целенаправленной деятельности по хищению чужих денежных средств довольно трудно. Например, существуют такие стратегии в торговле, которые принято называть «агрессивным «маркетингом», «celebrity» маркетингом (с привлечением известных персон к рекламе), сетевым маркетингом и пр. Но грань между хитростью продавца и целенаправленным уголовно наказуемым обманом бывает весьма тонкой, особенно, если не совсем понятно, что такое БАД, кому и как их можно продавать? Продавцы БАД, действуя, в целом, открыто, через юридическое лицо, активно продвигают на потребительском рынке свой товар путем рекламы на телевидении и в Интернете, а также посредством организации «горячих линий» и телефонных звонков потенциальным клиентам, обещая замечательные результаты применения продаваемых препаратов. Опять же, законодательство не запрещает звонить людям и предлагать различного рода товары и услуги.

Известно, что в качестве обстоятельств, подлежащих установлению, и выступают субъект, предмет (жертва) посягательства, физическая и психическая деятельность преступника и ее последствия, место и время криминальных действий и достижения преступного результата, обстановка совершения преступления [2, с. 425-426].

В методике расследования мошенничества в сфере продажи БАД особую сложность представляет установление и доказывания способа совершения преступления, поскольку продавцы БАД рассчитывают избежать уголовной ответственности, как за мошенничество, так и за организацию преступного сообщества, поэтому принимают превентив-

ные меры. Хотелось бы обратить внимание на то, что продажа БАД по «многократно завышенной стоимости» не может являться способом совершения мошенничества, поскольку определение цены за продаваемый товар - законное право продавца, а уголовная ответственность за спекуляцию давно декриминализована.

Приведем достаточно характерный пример, когда надеясь избежать уголовной ответственности за хищение, работники ООО «И.» в Санкт-Петербурге в период с 2014 по 2016 год предприняли ряд таких превентивных действий. Они осуществляли звонки гражданам и предлагали приобрести БАД [6]. У каждого сотрудника «call-центра» на столе лежала памятка, содержащая следующую информацию:

«Запрещено...

Представляться мед. сотрудниками...

Говорить, что мы лечим, излечим и т. д....

Мы не продаем лекарства, медикаменты и пр. ...

Мы не говорим плохо про медицину в поликлиниках...

Мы не отговариваем от операций и лечения в любых учреждениях...

Не назначаем и не отменяем медицинские препараты - мы не врачи...

Обследование и диагностику мы не проводим...

За все вышеуказанное штраф или увольнение. Все вышеперечисленное является мошенничеством».

По факту, сотрудники указанной фирмы звонили гражданам, представлялись «Дежурными по району». Некоторые граждане, чаще престарелые, соглашались на продолжение разговора и сообщали о плохом самочувствии. Далее в разговоре сотрудник плавно переходил на тему эффективности проводимого гражданину лечения. Затем абоненту поступало предложение попробовать эффективный «препарат» для улучшения состояния здоровья. В случае сомнений у потенциального клиента, сотрудник предлагал ему побеседовать с неким специалистом из Национального медицинского центра имени Алмазова, находившимся в соседнем помещении. Последний сложными формулировками сообщал о химическом составе препарата и высокой эффективности его действия.

Органы предварительного следствия посчитали, что в качестве способа совершения хищения денежных средств «потерпевшие вводились «операторами на телефоне» в заблуждение и были обмануты от-

носителем необходимости приобретения ими БАД и иной подобно, т. е. неустановленной природы и происхождения продукции, позиционируемой клиенту (ему) под видом необходимых лекарственных препаратов, осознавая, что рекламируемые ими препараты не являются таковыми, и что конкретно БАД служит лишь источником витаминов и веществ, способных оказать только общеукрепляющее действие на организм человека. Умысел на обман также подтверждался тем, что субъекты знали, что стоимость указанных веществ многократно завышена относительно их реальной рыночной стоимости» [6].

Операторами, в частности, применялся психологический прием «эффект уха», когда они, общаясь с клиентами, имитировали разговор по второй линии, якобы разговаривая с начальником склада, секретарем, специалистом в области медицины или с кем-нибудь еще, чтобы договориться о продаже клиенту препаратов. Имитируя разговор по второй линии, оператор мог переходить на эмоциональный разговор с воображаемым собеседником, который не хочет продавать необходимые клиенту препараты, и требовал от него это сделать. Так клиент проникался еще большим уважением к оператору, понимая, что этому оператору не безразлично его здоровье. Фактически переговоры, направленные на создание панического настроения у лиц преклонного возраста перед страхом смерти и предложение спастись покупкой «препарата».

Возникает вполне логичный вопрос: являются ли указанные действия способом совершения мошенничества?

Очевидно, что при совершении таких продаж злоумышленники прибегают к особым техникам, в том числе используют элементы нейро-лингвистического программирования, гипноза, поэтому существенное значение в процессе доказывания имеют результаты контроля и записи телефонных переговоров.

По данному делу [6], в качестве доказательств следствием были использованы записи телефонных переговоров сотрудников ООО «И.» с клиентами, однако с недостаточной эффективностью.

К недостаткам проведенного расследования следует отнести отсутствие в деле психолого-лингвистической экспертизы, на разрешение которой следовало бы поставить вопрос о том, создается ли у респондента ложное представление о продаваемом продукте как лекарственном средстве и, если создается, то каким образом. Вместо этого следователь привлек специалиста (психолога – лингвиста), который в присутствии следователя прослушал записи телефонных переговоров и сообщил о сильном психологическом воздействии на клиента со сто-

роны сотрудников фирмы по продажам БАД. Допрос специалиста и его заключение, содержащее разъяснение каких-либо понятий и отдельных обстоятельств, по нашему мнению, не могут заменить экспертного исследования.

Кроме того, сложности расследования рассматриваемого вида мошенничества связаны как с отсутствием четкого государственного регулирования оборота БАД, так и с отсутствием результатов научных исследований относительно пользы или вреда при их использовании.

В настоящее время назрела необходимость проведения научных исследований в целях создания криминалистического инструментария, включая разработку соответствующего понятийного аппарата на основе междисциплинарного подхода с привлечением специалистов в области психологии, лингвистики и медицины.

Список использованных источников

1. Дергачев Д. Регулировать рынок БАД нужно таким образом, чтобы не загубить целую отрасль российской экономики // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. - 2015. - № 9. - С. 28-30.
2. Криминалистика: учебник / коллектив авторов; Под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. М.: ЮСТИЦИЯ 2019. С. 425-426
3. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения <https://www.who.int/bulletin/volumes/87/9/09-020909/en/>
4. Официальный сайт Радио Свобода «Олег Орлов признан невиновным» <https://www.svoboda.org/a/24234738.html>
5. Производство по материалам № 3/1-57/2019, № 3/1-58/2019, № 3/1-59/2019, № 3/1-60/2019 В Куйбышевском районном суде Санкт-Петербурга.
6. Уголовное дело № 1-46/2019 (1-805/2018) в производстве Московского районного суда.
7. Уголовное дело № 1-1/2019 в производстве Ленинского районного суда г. Новосибирска
8. Уголовное дело № 1-7/2017 Архив Октябрьского районного суда г. Саратова
9. Шайхтарова Т. В., Ивакина С. Н. Российский рынок биологически активных добавок: современное состояние и тенденции // Инновационные технологии в фармации Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти доцента Пешковой В.А. - Иркутск: Изд-во Иркутского государственного медицинского ун.-та, 2018. Т.5. С. 194-199.

В. В. Петров

кандидат медицинских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

М. А. Марусенко

доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ДЕЛА БЕРИЯ»

В статье рассматриваются криминалистические аспекты так называемого «дела Берия», представляющего собой совокупность документов, содержащихся в следственном деле о враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия, мемуарных, научных и литературных источниках. На основании противоречий, содержащихся в этих документах, рассматривается гипотеза о том, что Берия не дожидаясь суда в декабре 1953 г., а был убит в день ареста 26 июня 1953 г. Соответственно, так называемые «письма Берия из заточения» не могли быть написаны им самим. В качестве предполагаемого автора этих текстов рассматривается его постоянный спичрайтер Всеволод Николаевич Меркулов, народный комиссар государственной безопасности СССР и первый замнаркома НКВД, т. е. самого Берия. В условиях недоступности оригиналов писем авторы формулируют задачу проведения автороведческого исследования, более надежного, чем почерковедческая экспертиза.

Ключевые слова: криминалистика, дело Берия, письма Берия, автороведческое исследование.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF THE «BERIA CASE»

Summary: The article discusses the forensic aspects of the so-called «Beria case», which is a collection of documents contained in the investigative case on Beria's hostile anti-party and anti-state activities, memoirs, scientific and literary sources. On the basis of the contradictions contained in these documents, the hypothesis is considered that Beria did not live to see the court in December 1953, but was killed on the day of his arrest on June 26, 1953. Accordingly, the so-called «Beria's letters from imprisonment» could not be written by him. As the alleged author of these texts, his constant speech writer Vsevolod Nikolaevich Merkulov, People's Commissar of State Security of the USSR and the First Deputy Commissar of the NKVD, that is, Beria himself, is considered. In the conditions of inaccessibility of the original letters, the authors formulate the task of conducting an author examination, more reliable than handwriting one.

Key words: criminalistics, Beria case, Beria's letters, author examination.

В настоящее время официальная версия об обстоятельствах смерти Лаврентия Павловича Берия подвергается все большему сомнению. Его биография очень интересная. Вплоть до июня 1953 года он считался выдающимся деятелем СССР [1 с, 22-23]. В этой статье жизнь и деятельность Л. П. Берия описаны в сугубо хвалебных выражениях. Но уже в 1953 году подписчикам Большой Советской Энциклопедии было предложено удалить статью про Берия, вклеив взамен несколько страниц с измененным, по сравнению с первоначальным, текстом. Так что к настоящему времени не подвергшихся правке экземпляров пятого тома БСЭ второго издания со статьей о Берия осталось совсем немного. Можно привести и другие книги, в которых деятельность Л. П. Берия оценивается весьма позитивно [5]. Начиная с июля 1953 года и длительное время после этой даты в советской пропаганде Берия преподносился народу как воплощение зла чуть ли не вселенского масштаба и самый главный во всей истории страны антисоветский вредитель.

Стали бодро вкладывать свою посильную лепту в формирование кошмарного образа злодея, обманными путями пробравшегося в верхние эшелоны власти СССР, те, кого А. М. Горький называл «инженерами человеческих душ». Так, например, писатель О. Горчаков совместно с В. Павловым, на основе их бесед с генералом

Т. А. Строкачем, фамилия которого еще будет упомянута далее, создали в 1963 году документальную повесть «Совесть коммуниста» (эта повесть в СССР так и не была напечатана). Ее текст О. Горчаков и В. Павлов вручили главному редактору газеты "Известия" А. Аджубею, а тот, выбрав подходящий момент, передал повесть Хрущеву. Затем, согласно воспоминаниям О. Горчакова, произошло следующее: «Н. С. Хрущев ... сообщил авторам, что повесть наглядно показывает: **Берия представлял большую опасность для народа, партии, государства, чем Гитлер в Сталинграде** [Выделено нами. Вот какие «ужасы Берия» попытался внушить двум писателям Никита Сергеевич Хрущев - авторы], но победы над Берией Хрущев добился с помощью тех людей, которые затем составили антипартийную группу, ставившую задачей сместить его, Хрущева, в 1957 г., и что все мы еще просто не готовы к такому откровению» [7, с168].

Скорее всего, О. Горчаков и В. Павлов, чутко восприняв существующие тенденции и угождая Хрущеву, в своей повести соответствующим образом представили Лаврентия Павловича. А сам Н. С. Хрущев, в свою очередь, уже развил основную тему повести и, не будучи наделен должным вкусом, в гротескном стиле резко преувеличил выдуманную писателями опасность, исходящую от Берия. При любой трактовке, Берия, стараниями Н. С. Хрущева, О. Горчакова, В. Павлова и многих других, в очередной раз олицетворил собой зло, имевшее для СССР поистине безграничные масштабы. Но, исследуя еще в 2000-х годах сведения, содержащиеся в процитированном выше произведении о документах генерала Строкача, один из авторов настоящей работы написал: «... при подробном изучении опубликованных в этой статье документов никаких признаков подготовки со стороны Берия какого-либо заговора не обнаруживается» (Петров 2009, 154).

После 1953 года Лаврентия Павловича в нашей стране старались всячески демонизировать, при этом пользуясь всеми доступными способами, в том числе, используя средства художественного кинематографа. Так, Е. А. Прудникова заметила: «В фильмах о войне для этого человека существует лишь один образ – зловещий персонаж, требующий ареста прославленного военачальника (имя вписывается по выбору сценариста). Как бы ничем иным даже во время войны он не занимался» [18, с. 317].

События 1953 года, связанные с именем Берия, вызвало среди населения страны многочисленные толки: «Сообщение об аресте Берии для многих стало потрясением и ошеломило страну, выдвинутые против него обвинения воспринимались с нескрываемым изумлением. Уму

непостижимо! Если заместитель председателя ГКО (то есть Сталина), руководивший в годы войны внутренними войсками и оборонной промышленностью, – враг народа и «международный шпион», заботившийся об «интересах иностранного капитала», то как же нам удалось выиграть войну?» [6, с. 307 – 308].

Лишь в самом конце 1990-х и начале 2000-х годов в нашей стране начались сперва робкие, а затем гораздо более уверенные попытки восстановить историческую правду и оценить личность Берия с непредвзятых позиций. Но многие сведения о нем до настоящего времени все равно остаются непроясненными. Так, например, Е. Прудникова справедливо отмечает: "Заговор молчания, после 1953 года окутавший фигуру Лаврентия Берии, надолго похоронил под собой почти все сведения об этом человеке" [19, с. 26].

На эти обстоятельства указывает также В. Чертинов: «С подачи Хрущева Лаврентий Берия стал главным монстром сталинской эпохи. Лишь недавно историки стали пересматривать отношение к нему. А 112 дней, прожитых Берией после смерти Сталина, имеют ключевое значение для понимания случившегося с ним и со всей страной» (Чертинов 2018, 20). Особенно много вопросов к настоящему времени появилось по поводу событий, происшедших 26 июня 1953 года и позднее, которые были связаны с изъятием Берии из большой политики СССР.

Согласно официально существующей версии, события развивались так. Л. П. Берия был арестован 26 июня 1953 года в Кремле на заседании то ли Президиума ЦК КПСС, то ли Президиума Совета Министров СССР. Далее его поместили на гауптвахту комендатуры Московского гарнизона, а потом перевели в бункер штаба Московского военного округа. Спустя почти трое полных суток, только 29 июня 1953 г., Президиум ЦК КПСС оформил Постановление П12/П "Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия" с грифом "Строго секретно Особая папка". Оно не было пространным и гласило:

"1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному Прокурору СССР. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача" [12, с. 72].

Слова "через его окружение" показывают, что все перечисленные в этом Постановлении лица, очевидно, по состоянию 29 июня 1953 года в Президиуме ЦК КПСС считались довольно нейтральными. В противном случае, очевидно, должно было бы быть употреблено словосочетание "через его сообщников". Выражение же "приступить ... к выявлению ... фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия" прямо указывает на то, что никаких подобных фактов к моменту принятия этого Постановления у Президиума ЦК КПСС не было. Также необходимо заметить, что упомянутые «факты враждебной антипартийной ... деятельности» вообще не могли расследоваться следственными органами прокуратуры, а должны были выясняться сугубо по партийной линии. Неосторожная формулировка части указания исполнителю в этом Постановлении "к выявлению и расследованию ... через его окружение", довольно наглядно говорит о том, что "через самого преступника Берия" никаких фактов было уже нельзя выявить и расследовать по причине отсутствия последнего в числе живых.

Н. А. Кудряшов в своей книге также воспроизводит упомянутое постановление Президиума ЦК КПСС и далее разбирает некоторые его аспекты: «Что впечатляет в этом постановлении? Приказано «доложить Президиуму о персональном составе следственного аппарата» и «немедленно приступить с учетом данных на заседании Президиума указаний к выявлению фактов враждебной деятельности через его окружение». То есть вообще-то пока ничего не ясно, но Берия уже арестован и надо выявить факты враждебной деятельности привлекая его подчиненных» [11, с. 135-136].

В литературных источниках можно обнаружить довольно много данных о том, что Л. П. Берия был убит 26 июня 1953 г. или несколько позднее и, соответственно, до суда над ним в декабре того же года не дожил.

Так, Б. В. Соколов считает, что Л. П. Берия был убит без всякого судебного разбирательства несколько позднее 26 июня 1953 года: "Наиболее вероятным мне кажется такое предположение о конце Берии. Лаврентия Павловича застрелили в бункере штаба Московского военного округа в конце августа или начале сентября 1953 года без какого-либо приговора суда. Застрелил его генерал Павел Федорович Батицкий" (Соколов 2000, 506 – 507). Писатель Ю. И. Мухин также высказал сходное мнение, но с отличающейся датировкой события, которое он явно относит к 26 июня 1953 г.: "... Берия Л. П. не был арестован на заседании Президиума ЦК. Его, скорее всего, обманым путем сразу после возвращения из Германии [далеко не факт, что Берия

вообще в июне 1953 г. посещал ГДР - авторы] заманили на командный комплекс ПВО Московского округа, где и застрелили без всякого следствия и суда" [3, с. 476].

Ю. И. Мухин следующим образом доказывает то обстоятельство, что Берия был убит прямо в день 26 июня 1953 г.: "... Суханов ... в момент обыска обокрал Берия и его помощников. Поскольку украденное Сухановым подлежало конфискации, т. е. принадлежало уже не Берия, а государству, то в 1955 г., когда воровство Суханова вскрылось, партийцу дали 10 лет, и он вышел на свободу с чистой совестью ... На следствии он признался в краже 8 пар наградных часов, золотого значка и облигаций секретаря Берия Ордынцева, похищенных им из сейфа Берия и сейфов его секретарей, - в том, что ему сумели доказать [так в книге - авторы]. А теперь задумайтесь - посмел бы он обворовать Берия, если бы тот на момент обыска был бы жив? Даже если бы Берия грозила смерть, но после суда? Ведь следователи обязательно расспросили бы Берия о его имуществе, поскольку имущество Берия требовалось конфисковать. Представьте, что Берия рассказал бы следствию о тех ценностях, которые хранились в его служебном сейфе и сейфах его секретарей. ... А их нет. У следствия немедленно бы возник вопрос - кто делал обыск? А обыск делал Суханов. Такое воровство для Суханова было самоубийством, но он на него пошел. Почему? Потому что помощник Маленкова уже знал, что Берия ни на следствии, ни на суде уже ничего не расскажет - ни о своем имуществе, ни о чем другом. А кинется административно-хозяйственная служба Совмина искать хранящиеся в сейфе Берия наградные часы и значок - спрашивайте у Берия, кому он их отдал! То есть такое наглое поведение Суханова имеет только одно объяснение - на момент обыска в кабинете Берия сам Берия был уже мертв, и Суханов это знал" [13, с. 351].

Исследователи отмечают, что существует много гипотез, связанных с арестом и последующей гибелью Берии. Так, например, А. Б. Громов написал следующее: «Есть множество гипотез, связанных с арестом Берии, - в том числе, что он был схвачен в своем особняке после того, как была перебита его личная охрана. Другая версия гласит, что Берия был убит при аресте по тайному приказу Н. Хрущева (или даже им лично) и поэтому на суде его никто не видел, поскольку роль Берии играл другой человек. И даже о том, как происходил арест согласно канонической версии, существует множество рассказов, которые далеко не всегда между собой совпадают» [5, с. 253].

Из текста книги Н. В. Переяслова следует, что Берия был убит генералом К. С. Москаленко 26 июня 1953 года: «... Москаленко - это

действительно тот человек, который мог взять на себя смелость и осуществить физическое устранение Берии прямо во время заседания ЦК, исключив тем самым малейшую угрозу контрдействий не только с его собственной стороны, но и со стороны его возможных соратников. Из-за мертвого, как потом выразился Никита Сергеевич, бунтовать никто не станет... [отточие в книге - авторы]. Я даже думаю, что решение не дожидаться никакого суда, а застрелить Берию на месте Москаленко мог принять и не по приказу недалёковидного и непоследовательного Хрущева, а вполне самостоятельно, опираясь только на свой стратегический опыт и понимание опасности затеваемой ими акции (а точнее сказать - гибельности ее возможного провала для всех, кто в ней участвовал)» [14, с. 322].

По мнению того же Н. В. Переяслова, генерал Москаленко при убийстве Берия руководствовался достаточно простыми и вполне понятными всем окружающим соображениями. «... если возможные ответные действия противника таят в себе (пускай даже и теоретическую!) угрозу реальной гибели, то они должны быть исключены, даже если на это не имеется санкции сверху. Думаю, тут не одному мне понятно, что именно из этой логики исходил К. С. Москаленко, нажимая на курок своего пистолета в зале заседания ЦК КПСС 26 июня 1953 года. И это не было ни мстью Берии за годы тотального страха, ... ни подвигом во имя народа. Он просто снимал этим «угрозу, которая могла возникнуть», если бы Берия оставался живым» [14, с. 323 – 324]. Н. В. Переяслов, очевидно, считает, что описанная им логика поступка могла быть присуща только генералу Москаленко. Но и сам Н. С. Хрущев об этой «угрозе, которая могла возникнуть» скорее всего предполагал, а потому мог отдать указание Москаленко и Батицкому ликвидировать Берия при аресте или даже просто при инсценировке ареста. Либо предложить даже не озадачиваться инсценировкой какого-то там ареста, а попросту улучшить момент, выбрать подходящий предлог, приблизиться к Лаврентию Павловичу и без всяких затей выстрелить в него несколько раз из пистолета прямо в упор.

Е. А. Прудникова в своей книге отталкивается от официальной версии ареста Берии на заседании, как она пишет, «Политбюро», хотя тогда оно называлось Президиумом ЦК КПСС. Автор книги показывает несостоятельность этой версии, а поэтому сомневается в том, что Берия был автором "писем из заточения". А данное обстоятельство как раз и доказывает, что Берия был уже мертвым к моменту написания разбираемого Е. А. Прудниковой письма: «... *Дорогие товарищи. Со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного за-*

ключения, без единого вопроса, умоляю Вас всех, чтобы этого не допустили... Еще раз умоляю всех, особенно товарищей, работавших с Лениным и Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в решении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю незамедлительно вмешаться, и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен, верный Ваш друг, товарищ, верный член Вашей партии...» [курсив в тексте книги - авторы]. [Отточие перед буквой "и" в тексте - авторы] ...и так далее, смесь отчаяния и страха, по образцу тех писем, которые писали перед казнью «оппозиционеры». Неужели кто-то думает, что у нас писем подделывать не умеют? Он был не дурак, его арестовали на заседании Политбюро с согласия все тех же «дорогих товарищей», он прекрасно знал им цену, знал, куда попал и что его ждет. А теперь взгляните на фотографию Берия, взгляните внимательно: станет ли этот человек, даже под угрозой смерти, лизать сапоги своим палачам? Не та ли это лишняя улика, которая ставит под сомнение достоверность всей картины?" (Прудникова 2017, 342).

Можно привести еще одно мнение. Оно принадлежит Н. А. Кудряшову, подробно исследовавшему историю советского атомного проекта: "Оглядываясь назад, невольно возникает наивный вопрос: почему ... Хрущев и другие заговорщики стали выдумывать небылицы о том, что Берия шпион? Почему Хрущев не решился вывести Берия из дальнейшей политики и из власти благородно, по товарищески, сохранив ему жизнь? Почему, победив «антипартийную группу» спустя три года после убийства Берии, Хрущев оставил всех ее членов живыми, а Берия не пощадил? По-видимому, участники заговора боялись оставить Берия живым, поскольку он знал о них слишком много. Боле того, они были уверены, что на каждого из них у Берии накоплен компромат. И, если поступить по закону, то придется судить не только одного Берия, а всех людей из сталинского окружения. У Берии были выдающиеся организаторские способности, и все сталинское окружение уступало ему в умении организовать работу и довести ее до успешного выполнения. Поэтому после смерти Сталина Лаврентий Берия был обречен. Он должен был или возглавить Советский Союз, или погибнуть» [11, с. 134 – 135].

Как видим, Н. А. Кудряшов приводит вполне убедительные мотивы для того, чтобы Хрущеву и другим членам Президиума ЦК КПСС сразу же убить Берия, не доверяя допросы последнего даже самым доверенным лицам. Ведь имелся риск, что в ходе допроса Берия начнут расспрашивать о разных обстоятельствах, прямо не относящих-

ся к его «измене», а ответы будут фиксировать сугубо для себя, «на всякий случай», не отражая их в официальном протоколе. Потом же допрашивающие, спустя некоторое время, возымеют желание передать полученную информацию каким-то заинтересованным лицам.

Н. А. Кудряшов отмечает следующее весьма важное обстоятельство, связанное с особенностями проведения Июльского (1953 года) пленума: «Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии» состоялся со 2-го по 7-е июля 1953 года. Берия на пленуме не присутствовал, его не только не пригласили, но ни у кого из участников пленума даже не возникло такого предложения. Обсуждали заочно, без боязни услышать что-то неприятное в свой адрес» [11, с. 137]. Таким образом, можно оценить написанное Н. А. Кудряшовым как еще одно весьма красноречивое мнение, косвенным образом указывающее на то обстоятельство, что, по крайней мере, наиболее влиятельные участники этого пленума к его началу обладали информацией об уже совершенном убийстве Берия.

Существует довольно интересная книга В. П. Ерашова, в начале которой имеется многозначительное предупреждение, адресованное читателям: «... Основываясь на документах и свидетельствах очевидцев, автор данной книги приводит точную историческую реконструкцию того, что должно было начаться в середине марта 1953 года» (Ерашов, 2010, 5). По его мнению, события 26 июня 1953 года развивались следующим образом: "Берию убили так. Позвонил помощник Хрущева (после смерти Сталина Никита фактически занимал должность Первого секретаря ЦК, хотя официально стал носить этот титул с сентября 1953 года), кратко доложил: в полдень заседание Президиума ЦК. Берия выругался: порядочки завели, без предупреждения, без предварительного согласования. Хрен с вами, вот-вот все пойдет иначе, плевал я на ваши Президиумы да Советы. Не здороваясь, пересек приемную, глянул мельком на стол, куда при мертвом полагалось выкладывать личное оружие, полагалось всем, кроме Берии. Одинаковые вороненые немецкие "вальтеры" чинно, рядком лежали там. Он ощутил в заднем кармане галифе – свой, непохожий, никелированный, по спецзаказу. Властно распахнул дубовую дверь, она открывалась внутрь кабинета. Успел удивиться: похоже, за длинным столом восседали уже все до единого. И тотчас тяжелое, жаркое навалилось, заломило руки Берии за спину, знакомо щелкнули замки наручников. Усердным пинком вышибло почти на середину комнаты. «Туда его, туда, засранца!» – перекошенным ртом заорал Хрущев; тот, кто заламывал руки, ухватил, как мальчишку, за шиворот маршальского мундира, поволок в

боковушку, где прежде Сталин отдыхал накоротке или беседовал с особо приближенными. Теперь Берия видел: тот, кто схватил его, — генерал Москаленко. Выскочка, тля, шавка, подумал Берия» (Там же, 14 – 15). Далее в книге приводится довольно подробное описание того, как Хрущев, очень быстро после этих событий, лично расстрелял Берия из армейского автомата, который ему услужливо передал генерал Москаленко (Там же, 15 – 16). Согласно приводимому в книге описанию событий 26 июня, никакой «большой критики» в адрес Берии никто не успел высказать ввиду неимения времени для этого. Отсюда следует, что ссылка в «письме Берии из заточения» на ту «большую критику», которую якобы высказывали соратники на заседании Президиума, с позиций, приводимых в книге В. П. Ерашова, выглядит совершенно неправдоподобной. То есть, в этом письме описывается те события, которые, согласно приведенным выше цитатам из работы В. П. Ерашова, в действительности не могли происходить.

Но отстранение Берии от власти, равно как и его гибель, сразу же должна была поставить перед Маленковым и Хрущевым серьезнейший вопрос. А как объяснить народу, куда подевался один из главных руководителей СССР? И ответ был придуман практически сразу. Представить Берия преступником, да не простым, а величайшим в истории государства. С большой долей уверенности можно предполагать, что некоторые события со второй половины дня 26 июня и на протяжении следующих трех дней развивались следующим образом. Хрущев, возможно, что в присутствии Маленкова, срочно вызвал генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова и совершенно неожиданно для последнего сказал ему о необходимости возбудить уголовное дело в отношении Лаврентия Павловича Берия. Сафонов, не зная всей скрытой от его глаз партийной кухни, и что Л. П. Берия к этому времени, вероятнее всего, уже не было в живых, ужаснулся от такого предложения. Поэтому и стал что-то лепетать относительно поводов и оснований для возбуждения уголовного дела в отношении столь важного лица, которых нет и он, Сафонов, не видит, откуда им, то есть, поводам и основаниям, взяться. Тогда Генеральному прокурору СССР, очевидно, было сказано нечто вроде: «Ну, что ж, тогда извиняй!» И поборника социалистической законности без дальнейших объяснений стремительно выкинули с его высокой должности. А далее стремительно же заменили на этом посту откровенной креатурой Хрущева, прокурором Украинской ССР Р. А. Руденко, сговорчивым и, в данном случае, правильно понимающим не столько юриспруденцию, сколько политические потребности Никиты Сергеевича.

В литературе можно обнаружить существенные противоречия при описании внешности Берии. Так, например, опубликованы воспоминания майора М. Г. Хижняка, который, по его утверждению, находился с арестованным Берия в качестве охранника и «обслуги» вплоть до конца декабря 1953 года: «Первое впечатление о своем «подшефном» майор изложил так: *«Он сидел на кровати, упитанный такой мужчина, холеный, в пенсне. Почти нет морщин, взгляд жесткий и сердитый. Рост примерно 160 - 170 см. Одет в костюм серого цвета, поношенный...»* [курсив и многоточие в книге - авторы] В этот день Берия, отказавшись от еды, потребовал бумагу и карандаш [3, 482]. Здесь важно, что Берия имел «взгляд жесткий и сердитый», был в поношенном костюме и в пенсне.

Но можно привести фрагмент письма, которое Берия якобы написал 1 июля 1953 г. Г. М. Маленкову: «... прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)" (Политбюро и дело Берия... 2012, 22). Как видим, в этом фрагменте прямо и недвусмысленно говорится об отсутствии у Берии и пенсне и очков. Кроме того, сам психологический стиль этого письма, если брать его в целом (Там же, 16-22), очень плохо соотносится с описанием Берии «взгляд жесткий и сердитый» по свидетельству майора Хижняка.

Приведем еще одно описание Лаврентия Павловича на совещании, которое он провел в 1953 году, буквально за несколько дней до смерти И. В. Сталина. «Берия буквально возник на «сцене» ... будто пройдя сквозь стену ... Я обратил внимание и на его кавказский акцент, и на великолепный, с иголки костюм из мягкой темной ткани, на белоснежную рубашку с изысканно повязанным галстуком в вырезе однобортного пиджака ...» [10, с. 21]. Неужели Берия вдруг кардинально изменил свои привычки и 26 июня 1953 года надел в Кремль поношенный костюм? Либо же один из дорогих костюмов Берии, которые он всегда надевал, после 26 июня всего за 1-2 дня по неизвестным причинам резко износился?

При написании настоящей статьи мы принимали во внимание данные о том, что все тексты, автором которых по официальным утверждениям того времени являлся Л. П. Берии, в действительности были написаны многими его подчиненными и знакомыми. К настоящему времени известно довольно много таких людей. Назовем только некоторых из них: Павел Сакварлидзе (Лаврентий Берия ...1999, 340), Шария, Людвигов, Ордынцев, В. Н. Меркулов, Поспелов (Политбюро и дело Берия 2012, 68, 69, 150). В одном из источников имеются сведе-

ния и о других лицах, которые были фактическими авторами текстов, до 1953 г. приписываемых Берии; причем эти лица упоминаются там без указаний их имен и фамилий (Там же, 136).

Исследователям недоступны подлинники рукописных документов, заведомо выполненных лично Л. П. Берия и содержащих свободные образцы его почерка. Отсюда является необходимым использовать доступный авторам метод исследования. Данный метод представляет собой лингвистическое изучение интеллектуального авторского стиля «писем Берии».

Вызывает серьезные вопросы содержание так называемых «покаянных писем Берии из заточения». Никто из исследователей, которые изучают тему Берии и, в частности, события 26 июня 1953 года, не обратил внимания на следующее обстоятельство. Если принять за данность, что Берию арестовали 26 июня сразу после обсуждения на заседании каких-то «нейтральных» вопросов, то тогда одно из приписываемых ему «покаянных писем» выглядит достаточно странно. Это письмо от 28 июня 1953 года, адресованное Маленкову (Там же, 16). Если Берию сразу арестовали на заседании то ли Президиума ЦК КПСС, то ли Президиума Совмина СССР (в данном случае, это не так и важно), то получается любопытная картина. В своем письме Берия описывает имеющиеся на указанном заседании многочисленные упреки в его адрес. Но времени, чтобы высказать такое количество упреков в его адрес у участников заседания явно не имелось. Ведь, по ряду данных, Берию арестовали практически сразу же, как только на этом заседании закончили обсуждение каких-то второстепенных, не связанных непосредственно с личностью Лаврентия Павловича, вопросов. Выходит, что в одном из своих «покаянных писем», датированном 28 июня 1953 года, Л. П. Берия ссылается на те многочисленные претензии, которые участники заседания попросту не могли предъявить ему до его ареста, так как не имели для этого времени! Это любопытное обстоятельство, которое прошло мимо внимания исследователей.

Второй интересный момент. Допустим, что днем 26 июня 1953 года в особняке Лаврентия Павловича, как об этом сообщал Серго Берия, была перестрелка, вызвавшая по крайней мере одну жертву (Берия 2002, 340). Неужели, когда его сын, Серго Берия, приехал к этому особняку, вокруг не было ни единого зеваки? Согласно календарю, это была пятница. Пусть все днем работали. Но ведь в Москве было много пенсионеров, детей, неработающих инвалидов и вообще празднующихся элементов. Неужели никто из них, услышав днем в тихом переулке центра Москвы звуки стрельбы, не прибежал посмотреть, что

там происходит? Как-то не очень верится. Хотя жена Л. П. Берии и мать Серго Берии в одном из своих писем (обращений к высшим должностным лицам СССР) как раз пишет о том, что ее сын Серго Берия был арестован именно вечером 26 июня 1953 года. В своем письме на имя Н. С. Хрущева Н. Т. Берия пишет следующее: «Двадцать шестого числа этого месяца [июня 1953 года - авторы], около 12 часов ночи, забрали моего сына с семьей ...» [16, с. 25]. Следовательно, Серго Берия вполне мог побывать у дома своего отца, Л. П. Берия, днем 26 июня. Но тогда он должен был бы отметить не только какой-то «непорядок», а и присутствие большого количества зевак около особняка. А об этом он не пишет. Но зеваки должно были быть. И никакая милиция не смогла бы их быстро разогнать. Вспомним хотя бы зевак в гораздо более опасной ситуации 4 октября 1993 года в Москве недалеко от «Белого дома». Они любовались обстрелом Верховного Совета РСФСР из танковых орудий и пулеметов, невзирая на опасность попасть под шальной снаряд или пулю. Так почему же Серго Берия в своей книге ни словом не обмолвился о наличии зевак у дома? Или же о признаках разгона зевак милицией? А там еще должно было быть милицейское оцепление. Ведь местное милицейское начальство явно было в курсе, кто проживает в этом доме. А в этом доме проживал их высший начальник, то есть, министр МВД! И никто из милицейского начальства не обратил внимания на происходящее в доме руководителя МВД СССР? Никто из исследователей также не обратил внимание на данное обстоятельство.

3. Ч. Цквитария сомневается в том, что сам Берия был автором писем, датированных концом июня - началом июля 1953 года: «Вполне может быть, что Берию не арестовали в Кремле, но и не убивали в квартире, а арестовали его там. После этого вполне вероятно, что его перевели в гарнизон МВО [так в книге - авторы]. В поддержку данной версии существуют серьезные доводы, на которые опираются некоторые историки. Самым веским доводом являются три письма, якобы написанные арестантом на имя членов Президиума ЦК. Но даже эти письма порождают уйму вопросов. До того как проанализируем сами письма, отмечу, что ничего уничижающего для Берия в этих письмах нет, кроме того, что в последнем письме применено одно слово «умоляю». Несмотря на это, авторство Берия можно поставить под большой вопрос. Не буду останавливаться на содержании писем, поскольку большого интереса они не представляют. Самым объемным все же является последнее, в котором Берия, или псевдо-Берия, анализирует свою деятельность. Но в конце этого письма автор делает странный

акцент: *Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия перенсе (очков)* [курсив в книге - авторы]. Возможно, не стоит обращать внимания на эту приписку и, возможно, действительно так и было, но зачем нужно было Берии оправдываться за плохую стилистику? Исключено ли, что эта приписка сделана лишь с той целью, чтобы само письмо не вызывало лишних вопросов, если бы выяснилось, что стиль письма и каллиграфия отличались от бериевских. Ответить на вопрос, что было в действительности, очень трудно. Несмотря на это, пока никто не удосужился провести каллиграфическую или любую другую экспертизу. Думаю, оригиналы письма [так в книге - авторы] не многие видели, особенно интересно, что в обнародованных фондом «Демократия» документах эти письма числятся как копии. Если уж данному фонду не дано было ознакомиться с оригиналом, думаю вопрос экспертизы так и останется нерешенной проблемой» [22, с. 330-331].

Можем привести наши комментарии к процитированному отрывку книги. Упомянутые письма должны подтверждать факт того, что их автор был живым, если уж он их написал. Но даже в случае их подлинности, отнюдь не факт, что их автор оставался живым в любой момент после написания последнего из этих писем. Мы не согласны с мнением З. Ч. Цквитари: «Не буду останавливаться на содержании писем, поскольку большого интереса они не представляют» (Там же). Как раз содержание писем, особенно самого объемного из них, датированного 1 июля 1953 г., вызывает многие серьезные размышления. Но подробный фактологический анализ «писем Берия» выходит за пределы задач, которые авторы настоящей статьи ставили перед собой при ее написании. А вот лексико-структурный анализ писем в данном случае может быть гораздо более эффективным.

Писатель А. В. Сухомлинов приводит в своей книге факсимильное воспроизведение текста постановления, вынесенного 30 июня 1953 года новым Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко. Этим постановлением Руденко формально возбудил уголовное дело в отношении Л. П. Берия. Данное постановление имеет довольно короткое содержание: «30 июня 1953 года Генеральный Прокурор Союза ССР РУДЕНКО, рассмотрев материалы о преступной заговорщической деятельности быв. заместителя Председателя Совета Министров СССР и Министра внутренних дел СССР Берия Лаврентия Павловича и принимая во внимание, что он является организатором антисоветской изменнической группы, ставившей своей целью использовать органы МВД в центре и на местах против Партии и Советского государства для захва-

та власти, ликвидации советского строя и реставрации капитализма, и принимая во внимание наличие в действиях БЕРИЯ уголовного преступления [какого именно, в постановлении не указано - авторы], а поэтому руководствуясь ст. ст. 91 - 110 УПК РСФСР, постановил: Возбудить уголовное дело по изложенным фактам и принять дело к своему производству» [21]. Интересно было бы узнать, какие именно "материалы" были уже к 30 июня 1953 г. у Р. А. Руденко о такой многогранной преступной деятельности, которую он описал в своем постановлении. Заметим, что и 30 июня 1953 года пока еще речь идет только о единоличной преступной деятельности Берия без упоминания о наличии у него каких-либо сообщников, хотя он упомянут в качестве "организатора антисоветской изменнической группы". А ведь "изменническая группа" должна состоять, как минимум, хотя бы из двух человек. То есть, Руденко в своем постановлении должен был упомянуть и иных соучастников Берии. Но этого сделано не было.

Само собой разумеется, что назначенный Генеральный прокурор СССР, заняв такой высокий пост, сразу же столкнулся с необходимостью решать многие серьезные проблемы, причем основной из них являлась необходимость расследовать дело Берия в угодном для Хрущева направлении: «Перед новым Генеральным прокурором вставала неимоверно трудная задача – нужно было повернуть деятельность органов прокуратуры в русло законности и правопорядка [из такой формулировки текста можно понять, что, по мнению А. Г. Звягинцева, до этого момента деятельность прокуратуры не находилась в «русле законности и правопорядка» – авторы], но, конечно же, в свете тех требований, которые выдвигались тогда ЦК. Но среди множества дел, которыми ему приходилось заниматься в первые месяцы после своего назначения, главным все же было расследование дела Берии» [9, с. 196 – 197].

Получив 29 июня 1953 г. руководящие указания от Президиума ЦК КПСС, Руденко сразу же приступил к расследованию по делу Берия. Руденко начал свою деятельность с допроса Р. С. Саркисова, который длительное время являлся начальником личной охраны Лаврентия Павловича. Со стороны Руденко это являлось совершенно логичным действием. Ведь начальник личной охраны – это должностное лицо, которое знает почти все про охраняемого им человека. Если начальник личной охраны иногда и не может понять значения каких-то слов или действий своего подопечного, то где был и с кем встречался его подопечный, он практически во всех случаях знает с достоверностью. Судя по опубликованному протоколу от 1 июля 1953 года, допрашивал

Саркисова лично Генеральный прокурор СССР Руденко при участии помощника главного военного прокурора подполковника юстиции Н. А. Базенко. Допрос был начат в 20 часов 30 минут, а окончен в 23 часа 00 минут.

Согласно рекомендациям криминалистики того времени, впрочем, и по современным тоже, при начале расследования уголовного дела необходимо прежде всего выявить и закрепить именно те признаки преступления, в отношении которых есть риск дальнейшей утраты, а также те, которые необходимы для определения направлений дальнейшего расследования. При этом необходимо уделять первоочередное внимание установлению наиболее важных следов преступления. Несложно понять, что такими следами для расследования «антигосударственных преступлений и заговора Берия» являются сведения о том, с кем он встречался за последнее время и о чем при этом беседовал. О подобных обстоятельствах в первую очередь должен был задавать вопросы Саркисову Генеральный прокурор Союза ССР Руденко. Как уже отмечалось выше, представляется, что когда 1 июля 1953 года Р. А. Руденко допрашивал полковника Саркисова, Берия был уже мертв. Но, является совершенно понятным, что, по соображениям криминалистической тактики, Руденко допрашиваемому об этом и не должен был сообщать. Как же Руденко провел это следственное действие? Приведем некоторые фрагменты протокола допроса Саркисова: «Допрос начат в 20.30. На протяжении 18 лет я работаю в охране Берия, вначале в роли прикрепленного и последнее время в должности начальника охраны» [16, с. 34]. Начало многообещающее. Но уже буквально со следующей фразы показания Саркисова резко уходят куда-то в сторону от заговора с целью захвата власти и всяческих действий по измене Родине: «Будучи приближенным Берия, я хорошо знаю его личную жизнь и могу характеризовать его как человека развратного и нечестного. Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами. Мне известно, что через некую гражданку Субботину Берия был знаком с подругой Субботиной, фамилию которой я не помню, работала она в доме моделей ... Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой института иностранных языков - Малышевой Маей. ... Сожительствовал Берия также с 18-20-летней девушкой Лялей Дроздовой ... Находясь в Тбилиси, Берия познакомился и сожительствовал с гражданкой Максимишвили» (Там же, с. 34). И так далее, и тому подобное.

Завершаются показания Саркисова совершенно в том же ключе, как и начинались. Ни о чем другом, кроме как о любовных приключе-

ниях своего шефа, он поведать так и не сумел, хотя, наверное, старался угодить Генеральному прокурору: «Повторяю, что подобных связей у Берия было очень много. По указанию Берия я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал ... Таким образом, я был Берия превращен в сводника. Занимаясь сводничеством, я часто задумывался над поведением Берия и был крайне возмущен, что такой развратный и нечестный человек находится в правительстве ... Об изнасиловании Берия девушки мне неизвестно, однако, зная хорошо Берия, я допускаю, что такой случай мог иметь место ... Допрос окончен в 23.00. Саркисов» (Там же, с. 35).

Итак, судя по протоколу, допрос Саркисова длился целых два с половиной часа. А сведений в нем мало и все они сугубо односторонние. В протоколе совершенно отсутствуют факты «враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия», равно как и освещение "вопросов, связанных со снятием т. Строкача». Все запроколированные данные касаются исключительно многочисленных сексуальных похождений Лаврентия Павловича с дамами разнообразнейших свойств. А ведь Руденко прежде всего должен был выяснять указанные выше «факты» и «вопросы», что ему прямо предписал Президиум ЦК КПСС. Где среди всех приведенных в протоколе сексуальных приключений обнаруживается хотя бы малая толика «антигосударственности»? С позиций высочайшего морализма допустим, что какая-то «антипартийность» имеется в виде, по терминологии того времени, «морально-бытового разложения» Берия. Но это лишь повод для «пропесочивания» его на собрании партийной организации, никак не более того. Ситуацию с итогами допроса Саркисова можно охарактеризовать пословицей «Гора родила мышь». Представляется, что в ходе допроса Генпрокурор Руденко все же задавал Саркисову вопросы, соответствующие полученным от Президиума ЦК КПСС директивам. Но показаний о каких-то явно преступных действиях Берии допрашиваемый Саркисов не дал, так как таких действий и не было. Очевидно, что по данной причине Руденко и не занес в протокол ни свои вопросы о «заговорах» и других преступлениях Берии, ни отрицательные ответы Саркисова на них. Поэтому в протоколе имеются только эпизоды аморального поведения Берии. Многозначителен один фрагмент в конце протокола: «Об изнасиловании Берия девушки мне неизвестно, однако, зная хорошо Берия, я допускаю, что такой случай мог иметь место». Мы ясно видим, что эта фраза звучит явно не как часть свободного рассказа, а как ответ на задаваемые вопросы. Эти вопросы носили примерно следующий характер. Первый: «Известно ли Вам что-либо о

том, что Берия изнасиловал девушку?» И второй, после ответа на первый вопрос: «Если Вам об этом ничего не известно, то, хорошо зная Берию, допускаете ли Вы, что такой случай мог иметь место?» А после два ответа на вопросы были объединены при протоколировании в имеющийся один ответ.

Исходя из такого количества отмеченных выше «нестыковок» появилось предположение, что автором «писем Берии» в действительности являлся другой человек или даже группа людей. При этом, авторы настоящей статьи руководствовались следующими соображениями: способы подделки почерка человека во многом известны. Но способы удовлетворительного подделывания авторского стиля пока еще не разработаны. Отсюда следует, что в далеком 1953 году тем более не могли осуществить подделку авторского стиля Берия. Поэтому, согласно нашему мнению, рациональнее будет проанализировать авторский стиль «писем Берия», чем ставить вопрос об их почерковедческом исследовании.

Анализ всех приведенных выше сведений позволяет нам прийти к следующим выводам. Л. П. Берия не мог быть автором «писем из заточения» по весьма простой причине: вероятнее всего, он был убит еще 26 июня 1953 года. Поэтому с большой долей вероятности можно предполагать, что интеллектуальным автором «писем из заточения» в действительности являлся не Л. П. Берия, а другой человек. Также нельзя исключить, что такой человек действовал в соавторстве еще с одним или двумя лицами, причем последние играли вспомогательную роль, например, редакторскую.

Среди возможных авторов на первое место выходит кандидатура многолетнего сотрудника и помощника Л. П. Берия Всеволода Николаевича Меркулова.

По многочисленным свидетельствам, а также собственным признаниям, основным «спичрайтером» Л. Берия, испытывавшим трудности с русским языком, особенно в письменной форме, был В. Н. Меркулов, потомственный дворянин, окончивший с золотой медалью гимназию в Тифлисе и учившийся на физико-математическом факультете Петербургского университета. Карьера Меркулова с 1930-х гг. проходила в ближайшем круге Л. Берия, вместе с которым он в 1938 г. переехал в Москву, где дослужился до народного комиссара государственной безопасности СССР и первого замнаркома НКВД, т. е. самого Берия.

Всю свою жизнь В. Н. Меркулов, получивший прекрасное по тем временам образование, увлекался литературным творчеством и являлся

автором двух драматических произведений: «Помни, пролетариат!» и «Инженер Сергеев». Первое произведение он издал под своей фамилией, а второе – под псевдонимом Всеволод Рокк.

При проведении автороведческого исследования «писем Берия из заточения» возникают проблемы, связанные со стиле-жанровой дифференциацией текстов, привлекаемых для формирования априорных классов. Необходимо найти тексты, написанные как Берия, так и Меркуловым в эпистолярном жанре, аналогично «письмам Берия из заточения». При их отсутствии для формирования априорных классов придется привлекать максимально широкий спектр текстов. Для класса текстов, принадлежащих Берия, выбор очень ограничен: могут быть использованы тексты его допросов Генеральным прокурором СССР [16] в их ответной части. Для формирования априорного класса текстов, принадлежащих Меркулову, могут быть использованы тексты его допросов [16] (в ответной части), а также тексты упомянутых выше драматических произведений.

Список использованных источников

1. Берия, Лаврентий Павлович. Большая Советская Энциклопедия, 2-ое издание. Том 5. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1950. С. 22 - 23. (Экземпляр в первоначальной редакции, со страницами, впоследствии замененными на другие).
2. Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти / Пер. с фр. Н. М. Стамбулян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.
3. Богданов Ю. Н. Круглов. Два десятилетия в руководстве органов госбезопасности и внутренних дел СССР. Документальная повесть. М.: ООО "ТД Алгоритм", 2015. 624 с.
4. Верный сын Партии Ленина-Сталина. [Тбилиси], 1940. 64 с.
5. Громов А. Б. Нарком Берия. Злодей развития. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. 382 с.
6. Гругман Р. А. Смерть Сталина: все версии. И еще одна. М.: Алгоритм, 2016. 336 с.
7. Документы генерал-лейтенанта Т. А. Строкача о подготовке Берией заговора в 1953 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 166-176.
8. Ерашов В. П. Убийцы в белых халатах, или Как Сталин готовил еврейский погром. М.: Эксмо. Алгоритм, 2010. 256 с.
9. Звягинцев А. Г. Руденко. Главный обвинитель Нюрнбергского трибунала. М.: Эксмо, 2016. 576 с.
10. Кисунько Г. В. Противоракетный щит над Москвой. История создания системы ПРО. Москва: Алгоритм, 2017. 480 с.
11. Кудряшов Н. А. Берия и советские ученые в Атомном проекте. Кн. 2: Судьба Лаврентия Берия. М.: ЛЕНАНД, 2017. 288 с.

12. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
13. Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. Научно-историческое расследование. М.: КРЫМСКИЙ МОСТ-9Д, ФОРУМ, 2002. 731 с.
14. Переяслов Н. В. Тайна двух выстрелов. М.: ГАЛА ПРЕСС, 2002. 416 с.
15. Петров В. Почему убили Л. П. Берия? // Писатель XXI век. Литературно-публицистический журнал. 2009. Выпуск 2. С. 150 - 160.
16. Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под общ. ред. О. Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.
17. Прудникова Е. А. Второе убийство Сталина. М.: Вече, 2017. 368 с.
18. Прудникова Е. А. Стратегия Победы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 432 с.
19. Прудникова Е. А. Поддельная биография // Загадки истории. 2018. № 39. С. 26 - 28.
20. Соколов Б. В. Истребленные маршалы. Смоленск: Русич, 2000. 528 с.
21. Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М.: Детектив-Пресс, 2003. 464 с.
22. Цквитария З. Ч. Берия без лжи. Кто должен каяться? М.: Яуза-пресс, 2015. 416 с.
23. Чертинов В. 112 дней «оттепели». За что убили Берия? // Ваш тайный советник. 2018. Апрель. № 4 (46). С. 20-21.

«ВОР В ЗАКОНЕ», КАК СУБЪЕКТ, ЗАНИМАЮЩИЙ ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлена судебная практика, которая демонстрирует отождествление понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии». Автор приходит к выводу о том, что законодатель должен определиться с непосредственной целью введения состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ и, исходя из цели, выбрать проект изменений в действующее уголовное законодательство для решения выявленных практикой проблем.

Ключевые слова: «воры в законе», лица, занимающие высшую ступень в преступной иерархии, ч. 4 ст. 210 УК РФ, организация преступного сообщества, организация преступной организации, ст. 210 УК РФ

Ekaterina A. Pokrovskaya

Lawyer, 93 Secondary school, Saint-Petersburg

"THIEF IN LAW" AS THE SUBJECT OCCUPYING THE HIGHEST LEVEL IN THE CRIMINAL HIERARCHY: FORENSIC ASPECT OF THE STUDY

This article presents the court practice showing identification of «thief in law» and «high-level person in the criminal hierarchy» concepts. The author concludes that legislator should define the express purpose of establishing the elements of crime, provided for by Part 4, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, and, based on this purpose, select draft amendments to the existing penal legislation in order to solve problems identified by the practice.

Keywords: «thieves in law», high-level persons in the criminal hierarchy, Part 4, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, creation of a criminal community, criminal organization, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation

В 2009 году законодатель дополнил уголовный закон нормой, предусмотренной ч. 4 ст. 210 УК РФ – создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработка планов и со-

здание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, а равно участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [11].

Данная норма по сегодняшний день вызывает проблемы в толковании у правоприменителей, как пример можно привести понимание судьями данной нормы, которая находит отражение в приговорах.

Например, приговор [5], где суд указывает: «для организации и создания преступного сообщества (преступной организации) прибыли неустановленные следствием лица, которые занимали высшее положение в преступной иерархии, так называемые «воры в законе», и представлявшие преступные интересы воровского клана «К.».

Такое же понимание нормы встречается в другом приговоре [7]: для укрепления своего авторитета в преступной среде и облегчения ведения преступной деятельности руководители банды установили тесные личные контакты и взаимодействие как с другими преступными группировками, действующими на территории Российской Федерации, так и с международными криминальными группами, возглавляемыми лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии (так называемыми «ворами в законе»), в том числе ФИО50 («Армен Каневской»), ФИО51 («Гоча») и ФИО52 («Мелия»).

То есть, можно сделать вывод, что зачастую судьи отождествляют понятие «лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии» и понятие «вор в законе».

Для того, чтобы говорить о таком неформальном институте преступного мира, как «воры в законе» нужно разобраться с тем, что он собой представляет.

«Воры в законе» – это специфическое для СССР явление, берущее свое начало в 30х годах XX века, характеризующееся наличием жесткого кодекса криминальных традиций, а также исключительным уровнем закрытости и конспиративности [4]. Опасность данной категории лиц в первую очередь обуславливается не столько связями между собой и преступными сообществами, сколько тем, что «воры в законе» убеждены, что они являются хранителями криминальных традиций. Наиболее социально опасным является даже не то, что криминальные авторитеты создают и чтут свои собственные устои и традиции, а в том, что они не признают те, которые признаны в обществе, категорически их отрицают.

Это понятие не изжило себя и в наши дни. По разным статистическим данным, в Российской Федерации на 2017 год насчитывается от 450 до 500 «воров в законе» [9], которые распределяют между собой и своими преступными сообществами различные сферы влияния.

Соответственно, если данное явление существовало на территории всего Советского союза, то оно продолжило свое существование не только на территории ныне существующей Российской Федерации, но и на территориях других, существующих в настоящее время, суверенных государств, которые в XX веке входили в состав СССР.

В 90е годы XX века организованная преступность достигла апогея: начались «междоусобные войны» за передел власти среди организованных групп, тогда же начался рост числа лиц, обладающих статусом «вор в законе». В то же время началась борьба между двумя кланами «воров в законе» - «славянскими» ворами и «кавказцами». Поскольку огромное число лиц, относящихся к «кавказским вора в законе» являются гражданами Грузии, законодатель Грузии пошел на жесткие меры по борьбе не только с организованной преступностью в целом, но и именно с теми лицами, которые обладали статусом «вор в законе».

Так в уголовном законе Грузии [10] появилась новая норма – ст. 223. 1 – членство в воровском сообществе, «вор в законе». Ч.1 данной нормы предусматривает ответственность за членство в воровском сообществе и наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет, а ч. 2 предусматривает ответственность за пребывание лица в положении «вор в законе» и наказывается лишением свободы на срок от семи до десяти лет.

Введение законодателем Грузии данной нормы и привлечение по ней к уголовной ответственности послужило поводом для жалобы гражданина Грузии в Европейский суд по правам человека [1], но суд не признал нарушения.

В пояснительной записке к проекту внесения изменений в Уголовный кодекс РФ указывалось, что новая диспозиция части четвертой статьи 210 УК РФ, сформулированная с учетом практического опыта борьбы с организованной преступностью, позволит привлекать к уголовной ответственности лидеров преступной среды (так называемых «воров в законе» и других авторитетов преступного мира), осуществляющих руководство противоправной деятельностью, использующих свое влияние на участников организованных групп, но не совершающих лично каких-либо преступлений [3].

То есть еще в пояснительной записке было уточнение о том, что ужесточение уголовной ответственности нормой, предусмотренной ч.

4 ст. 210 УК РФ будет распространяться не только на «воров в законе», но и других авторитетов преступного мира.

Среди «авторитетов преступного мира» можно выделить следующих лиц: 1) «вор в законе», 2) не коронованный, но признанный авторитет, 3) «положенец» (жарг. – лицо, назначаемое «вором в законе», имеющее право исполнять обязанности «вора в законе» на вверенной ему территории), или 4) «смотрящий» (жарг. лицо, назначаемое «вором в законе» или «положенцом», который полномочен принимать решения и следить за порядком на вверенной территории – в городе, районе города, в конкретном следственном изоляторе, колонии или в тюрьме), 5) нужно говорить о лице, которое еще не получило определенного статуса в криминальном мире, но сумело так консолидировать вокруг себя других членов преступной группы, организовать работу преступной группы, обзавестись преступными связями, что может претендовать на титул лица, которое занимает высшую ступень в преступной иерархии.

Как представляется, все указанные лица могут признаваться субъектами ч. 4 ст. 210 УК РФ – то есть выделение нового состава в уголовном законенаправлено на ужесточение ответственности для лиц, которые обладая своим авторитетом и полномочиями, полученными от других представителей преступного мира, консолидируют вокруг себя других лиц для совершения преступлений.

Не вызывает сомнений, что существует объективная потребность дифференциации ответственности руководителя или организатора преступной группы в зависимости от его положения в преступной иерархии: когда во главе организованной преступной группы стоит человек, чей авторитет непререкаемый, признанный и безусловный – то социальная опасность такой структуры повышается в разы.

В целях осуществления эффективной борьбы с такими лицами можно выделить определенные криминалистически значимые признаки, которые присущи данным субъектам. Особенности личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: это, как правило, большой «стаж» нахождения в местах лишения свободы, осуществление определенного рода деятельности, право на выполнения которой им делегирована (организация сбора «общака» среди осужденных и его распределение; организация противодействия администрации места лишения свободы, направленного на ослабление режима отбывания наказания и улучшение быта; осуществление судебных функций при разрешении конфликтных ситуаций среди осужденных, и др. [5]).

Лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии, безусловно, должно обладать лидерскими качествами, хорошими организаторскими способностями, обладать сильной волей. Такие люди должны как правило обладают и некими специфическими психоэмоциональными качествами, такими как холоднокровие, способность принимать решения в экстренных ситуациях. Также этим лицам характерны негативные для общества качества – например, проявление жестокости при достижении поставленной цели. Такого рода личные качества характерны для людей, которые не только обладают лидерскими качествами от природы, но и способны реализовать их в жизни.

В целях исследования был проведен опрос среди трех осужденных, которые, судя по оперативной информации, обвинительным заключениям или приговорам являются как раз теми лицами, которых можно отнести к субъектам преступления по ч. 4 ст. 210 УК РФ – то есть являются лицами, которые руководили организованным преступным сообществом и являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. В опросе приняли участие:

1. Женщина, занимающая роль доверенного лица человека, который сумел, находясь в местах лишения свободы организовать преступную группу, которая занималась изготовлением и сбытом наркотических средств в особо крупном размере. На данный момент отбывает наказание в пятый раз, пользовалась авторитетом среди лиц, которые находились в ее непосредственном подчинении. В силу гендерной принадлежности определенного статуса в криминальном мире не имеет.

2. Мужчина, организовавший из мест лишения свободы организованную преступную группу, которая занималась изготовлением и сбытом наркотических средств в особо крупном размере. Через свое доверенное лицо легализовал денежные средства, полученные преступным путем. Находится в местах лишения свободы более 10 лет, имеют статус «смотрящего».

3. Мужчина, который на протяжении долгого времени являлся доверенным лицом «вора в законе», руководивший организованным преступным сообществом, обладает статусом «положенца».

Если подводить итог данного исследования, анализировать полученные результаты, то можно отметить, что все опрошенные лица, их судьбы, семьи, жизненные и психо-эмоциональные установки не похожи друг на друга. Нет единообразия в семейных условиях, в уровне образования. Сходство можно отметить лишь в мотивах совершения первого преступления – это азарт, баловство, желание «испробовать свои силы». Ответы на вопросы, сконструированные по опрос-

нику Марселя Пруста, также не выявили особых отличий с лицами, которые никогда не совершали преступлений, ведут общественно не порицаемый образ жизни.

Поэтому нельзя отрицать тот факт, что нововведение законодателя в виде внесения в текст Уголовного кодекса Российской Федерации ч. 4 ст. 210 УК РФ объективно отражает ситуацию: когда во главе преступной группы стоит человек обладающим определенным статусом, авторитетом, то общественная опасность деяния возрастает, и, соответственно, наказание за такое деяние должно быть строже. За счет несомненного авторитета данных лиц, за счет структурированности и организованности группы, за счет огромной сферы влияния и наличия связей у данных групп, социальная опасность такого вида преступности велика сама по себе, даже в том случае, когда не совершаются иные преступления.

Тем не менее, перед правоприменителями встает закономерный вопрос о том, какие доказательства могут подтвердить статус субъекта, каким образом их можно получить и из каких источников, какие типичные функции у данного субъекта, которые могут подтвердить его статус как лица, занимающего высшую ступень в преступной иерархии.

Термин «лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии» правоприменители, почти всегда отождествляется с «вором в законе», это подтверждает немногочисленная судебная практика. В связи с этим фактом нужно отталкиваться от определений, которые дает судебная практика: какие доказательства принимаются в суде для подтверждения статуса субъекта и какие функции считаются типичными для данной категории лиц.

Можно привести в пример уже указанное решение суда [5], где в суд был вызван специалист, который на протяжении многих лет проводит исследования о противодействии организованным преступным группам, созданным «ворами в законе». В судебном заседании специалист указал, что «согласно проведенным исследованиям, «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Засчет такого отождествления понятий, можно сделать вывод, что типичные функции также совпадают.

Специалист раскрыл не только сам термин «вор в законе», но и указал основные сферы криминальной деятельности, специфику «раздела» территорий, которые находятся в их непосредственном «подчинении»: организация сбора «общака» среди осужденных и его распределение (в настоящее время в исправительных учреждениях «общак» формируется и пополняется за счет взимания «налогов» с любой при-

были, полученной осужденным: выиграл в карты, получил посылку, денежный перевод – 20 % отдай в «общак»); контроль над поступлением в зону и распределением в среде осужденных продуктов питания, одежды, денег, наркотиков, спиртных напитков и т. д.; осуществление судебных функций при разрешении конфликтных ситуаций среди осужденных; организация в зоне азартных игр; компрометация осужденных, занимающих в зоне административно-хозяйственные должности, и принятие мер для их замещения осужденными, которые будут выполнять указания «воров»; определение неформального статуса конкретных осужденных («опущенный», мужик, блатной, «вор»), контроль над соблюдением субординации и иерархии среди осужденных и другие.

Нужно отметить, что обособленная, закрытая каста «воров в законе» решает основные вопросы, связанные с отбыванием наказания в конкретных исправительных учреждениях, регулирует все внутренние и внешние социальные связи лиц, отбывающих наказание. Фактически, вся жизнь лица, отбывающего наказания зависит от отношения к нему конкретного «вора в законе»/ «положенца», или «поставленного» им «смотрящего».

С учетом вышесказанного нужно сделать оговорку о том, что такое положение дел имеет место в большинстве своем в «черных зонах» - то есть исправительных учреждениях, где власть отдана «ворам в законе», или лицам, ими назначенными. Безусловно, в противовес им, существуют «красные зоны», где превалирует авторитет администрации исправительного учреждения. Сейчас количество таких исправительных учреждений преобладает.

Нужно отметить, что вопрос доказательств, которые подтверждают наличия у лица статуса «вора в законе» или «лица, занимающего высшую ступень в преступной иерархии» не так прост. На данный момент судебная практика располагает лишь одним приговором, где судом лицо было признано лицом, занимающим высшую ступень в преступной иерархии [8].

Тем не менее, можно привести примеры доказательств, которые суд счел достаточными для того, чтобы признать лицо виновным по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Протоколом осмотра подтверждается, что следователем на интернет-сайте «You Tube» было обнаружено три видеоролика: «гальский вор в законе Мамука Чкадуа», «гальский вор в законе Мамука Чкадуа», «гальский вор в законе Мамука Чкадуа (Мамука Гальский) 19.11.2013 Москва». При просмотре указанных видеороликов установлено, что на двух из них, мужчина внешне похожий на Чкадуа М. А.,

отвечая на вопросы, представляется Чкадуа М. А., указывает свои анкетные данные, а также подтверждает, что является «вором в законе»; как следует из показаний ранее судимых К. и Б., а также свидетеля П.: лицо, являющееся «вором в законе», занимает высшее положение в преступной иерархии; протоколом допроса в качестве подозреваемого Б., оглашенным в судебном заседании в связи с существенными противоречиями в его показаниях, в соответствии с которыми в связи с тем, что он отбывал наказание в виде лишения свободы сроком пятнадцать лет, ему известно, что «вор в законе» - это лицо, занимающее высшее положение в криминальной иерархии и, в связи с этим, обладает непререкаемым авторитетом в криминальном мире.

Как следует из вышеизложенного, суд счел достаточными доказательствами для признания Чкадуа М. А. лицом, занимающим высшую ступень в преступной иерархии исходя из того, что в сети Интернет есть видеоролик, на котором Чкадуа М. А. признает за собой статус «вора в законе», а также показания нескольких свидетелей, которые ранее отбывали наказание и в следствии этого обладают специфическими знаниями, в том числе и о том, что «вор в законе» - это лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии.

На данный приговор была подана апелляционная жалоба, и судебная коллегия определила: приговор Алтайского краевого суда от 26 апреля 2017 года, в отношении Чкадуа Мамуки Арвелодиевича оставить без изменения, апелляционные жалобы - без удовлетворения [2]. Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что приговор Алтайского краевого суда законен, обоснован, а апелляционные жалобы не состоятельны. Хотелось бы отметить, что Верховный Суд РФ не рассматривал вопросы о принадлежности Чкадуа М. А. к числу лиц, являющимися «ворами в законе», а также не рассматривал подробно аспект того, является ли Чкадуа М. А. специальным субъектом состава, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, хотя ни в ходе судебного разбирательства, ни в апелляционной жалобе Чкадуа М. А. не признавал себя виновным в создании, руководстве преступной группой, и, тем более, не признавал себя «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

На данный момент, диспозиция ч. 4 ст. 210 УК РФ содержит криминологическое понятие, которое вызывает сложности для правоприменителя. Данная диспозиция, а также толкование нормы Пленумом Верховного Суда РФ не вносит конкретики в самые важные аспекты: кого признавать лицом, занимающим высшую ступень в преступной иерархии, какой доказательственной базы будет достаточно для признания

лица таким субъектом, и какие функции должен осуществлять этот субъект. Так как все вышеизложенное в работе имеет место только в судебной практике, никаких толкований на уровне уголовного, уголовно-процессуального закона, или иных нормативных актов нет.

Представляется верным пойти по такому пути: если вести целенаправленную борьбу именно с такими представителями криминального мира, как «воры в законе», то необходимо пойти по тому же пути, по которому пошел законодатель в Грузии – ввести в уголовный закон специальную норму для привлечения к уголовной ответственности за членство в воровском сообществе и за пребывание лица в статусе «вора в законе».

Если же цель – это ужесточение уголовной ответственности для лиц, которые имеют больший авторитет в группе, в преступном сообществе – то необходимо изменение диспозиции нормы, предусмотренной ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Список использованных источников

1. Европейский Суд по правам человека. Жалоба № 554/08 «Ашларба против Грузии», Постановление Суда от 15 июля 2014 года.
URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-145572"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 года по делу 51-АПУ18-4.
URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1690528
3. Королев А. С. Борьба с преступными авторитетами в рамках новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (краткий анализ изменений, предусмотренных Федеральным законом № 245 – ФЗ от 3. 11. 2009 года). // Российский следователь. – 2010. - № 19. - С. 19-22.
4. Криминология. Учебник // Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева / А. А. Матвеева, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунев, и. др. – Москва: Волтерс Клувер. - 2004. – 630 с.
5. Приговор № 1-16/2016 1-322/2015 от 15 января 2016 г. по делу № 1-16/2016 // Читинский районный суд (Забайкальский край) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru;
6. Приговор № 1-163/2012 от 31 октября 2012 г. по делу № 1-163/2012 // Железнодорожный районный суд (Город Ростов-на-Дону) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru;
7. Приговор № 1-340/2013 1-50/2014 от 3 марта 2014 г. по делу № 1-340/2013 // Батайский городской суд (Ростовская область) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru;
8. Приговор Алтайского краевого суда по делу № 2-1/2017 от 26 апреля 2017 года // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru
9. СМИ: В мире насчитывается 485 воров в законе.
URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/smi-v-mire-naschityvaetsya-485-vorov-v-zakone-bolshinstvo-gruziny-97060.html>

10. Уголовный кодекс Грузии. URL:
<https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>
11. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]. Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - N 25. - ст. 2954.

Россинская Е. Р.

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, действительный член международной ассоциации по идентификации (IAI USA), Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза». Директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

ОТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАБОТАХ И. Ф. КРЫЛОВА К СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

В статье дается краткий анализ некоторых работ профессора И. Ф. Крылова, касающихся проблем криминалистических и судебных экспертиз, а также новой науки – судебной экспертологии. Автор обосновывает прогностический характер трудов профессора И. Ф. Крылова и описывает развитие его идей в современных условиях, останавливаясь на проблемах комплексности в судебной экспертизе и современного состояния судебной экспертологии, ее предмета и системы.

Ключевые слова: криминалистические экспертизы, судебные экспертизы, судебный эксперт, комплексные экспертизы, судебная экспертология.

Elena R. Rossinskaya,

Dr.Sci. (Law), Professor; Honoured Scientific Associate of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Director of the Forensic Expertise Institute, Head of the Forensic Expertise Dept. at Moscow State Kutafin Law University; Active Member of the International Association for Identification; President of the Association of Educational Institutions «Forensic Expertise»; Active Member of the Russian Natural Sciences Academy

FROM FORENSIC EXPERTISE IN THE WORKS OF I.F. KRYLOV TO FORENSIC EXPERTISE

Summary: The article provides a brief analysis of some works of Professor I. F. Krylov, concerning problems of forensic examinations, and a new science – judicial expertology. The author substantiates the prognostic nature of the works of Professor I. F. Krylov and describes the development of his ideas in modern conditions, dwelling on the problems of complexity in forensics and the current state of the judicial expertology, its subject matter and systems.

Keywords: forensic examination, forensic expert, complex examination, judicial expertology.

В год 110-летнего юбилея одного из выдающихся ученых-криминалистов XX века Ивана Филипповича Крылова обратимся снова к его работам, связанным с судебной и, в первую очередь, криминалистической экспертизой. Многие идеи и предложения профессора И. Ф. Крылова нашли воплощение в современном законодательстве, его теоретические построения не потеряли своей значимости и в наше время. Так в своей докторской диссертации «Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в её историческом развитии», которую он защитил в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова в 1967 году, он существенное внимание уделил проблемам комплексных экспертиз и пределам компетенции эксперта при их производстве, несмотря на то, что в эти годы регламентация подобных экспертиз имела место лишь в УПК Киргизской ССР.

И. Ф. Крылов еще в 1967 году писал, что «Комплексная экспертиза является правомерной лишь в тех случаях, когда к производству ее привлекаются эксперты, обладающие познаниями в разных областях науки или техники, *но решающие одни и те же вопросы (курсив мой Е. Р.)*. Это осуществимо, как правило, только тогда, когда науки носят пограничный характер... Лишь при этом условии возможно *совместное исследование общих вопросов и общее же их решение*» [6]. Такой подход предвосхитил сформировавшееся в судебной экспертологии уже в XXI веке определение комплексной экспертизы, при производстве которой решение вопроса невозможно без одновременного совместного участия экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз в написании заключения (или его синтезирующей части) и формулирования общего вывода [11, с. 38-43]. Очевидно, что при этом каждый эксперт обладает не только узкой специализацией, но и знаниями в пограничных областях наук, которые использованы при даче заключения. Гносеологическая сущность комплексной экспертизы состоит в комплексном анализе признаков [9, с. 10-17].

Рассмотрим далее правовую сторону производства комплексных экспертиз в русле реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности.

Правомерность и необходимость комплексной судебной экспертизы вызывала ожесточенные споры и несогласие процессуалистов еще до того, как комплексные экспертизы получили законодательное закрепление. Принятие Федерального закона от 31.05.2001 № 73–ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 23), а также процессуальная регламентация производства комплексных экспертиз казалось бы, должны были положить ко-

нец этой многолетней дискуссии в криминалистической и процессуальной литературе. Однако среди процессуалистов и криминалистов все еще нет единого подхода к этой проблеме. Отсутствует единый подход и в процессуальных кодексах.

Анализ ст.ст. 23 ФЗ ГСЭД, 82 ГПК РФ, 85, АПК РФ, 81 КАС РФ, 201 УПК РФ показывает, что в наибольшей степени отвечающей сущности комплексной судебной экспертизы является формулировка ст. 82 ГПК РФ, где указывается, что комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу *требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания* или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания (*курсив наш*). Кроме того, по результатам проведенных исследований эксперты формулируют *общий вывод* об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами.

В ст. 85 АПК РФ 81, ст.81 КАС РФ и ст. 23 ФЗ ГСЭД уже не упоминается об одновременном участии экспертов, но все-таки указывается на то, что эксперты, компетентные в оценке полученных результатов делают общий вывод. Таким образом, один из основных элементов, который, как было упомянуто выше, отмечался профессором И. Ф. Крыловым, указывающих на комплексность, а именно совместное одновременное участие экспертов различных специальностей – отсутствует.

В ст. 201 УПК РФ говорится только, что комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей; каждый эксперт, участвовавший в ее производстве, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Здесь уже отсутствует не только упоминание совместного участия, но ничего не говорится об общем выводе экспертов разных специальностей. Тем самым получается, что комплексность отсутствует вообще, и такую экспертизу, в принципе, можно заменить комплексом последовательно или параллельно осуществляемых экспертиз [10, с. 10-18]. Надеемся, что данное положение будет исправлено, поскольку в принятом в первом чтении Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральном законе «О судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» определение комплексной судебной экспертизы дано в нашей редакции, приведенной выше.

Целый ряд других серьезных проблем, которые рассматривались профессором И. Ф. Крыловым в своих работах, связан с наукой о судеб-

ной экспертизе – судебной экспертологией. В известном научном труде «Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы» [7] он анализирует новаторскую тогда теорию судебной экспертологии, предложенную А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской. Профессор И. Ф. Крылов отмечает, что «криминалистическая экспертиза – лишь один из видов судебной экспертизы. Развитие ее существенным образом зависит от разработки общей теории судебной экспертизы. В этом свете нельзя не отметить интересного предложения А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской [4, с. 48-51] о формировании науки экспертологии, которая должна заниматься разработкой общей теории и методологии судебной экспертизы» [7]. Далее И. Ф. Крылов останавливается на сущности предлагаемой новой науки и анализирует необходимость и своевременность ее разработки. Он указывает: ... «нуждаются в серьезном обсуждении ее (экспертологии) структура и задачи, но нельзя не признать, что формированию ее подготовлено всем предшествующим развитием судебных экспертиз и отвечает современным потребностям практики». Уже много лет существующая тенденция к обобщению теоретических положений судебной экспертизы к обмену опытом, накопленным в отдельных видах экспертизы, получает в экспертологии свое конкретное разрешение» [7].

Прогноз, сделанный далее профессором И. Ф. Крыловым о том, что разработка судебной экспертологии, в том числе, изучение присущих судебной экспертизе закономерностей, будет способствовать дальнейшему развитию отдельных видов судебной экспертизы, появлению новых видов. Этот прогноз блестяще оправдался.

В конце 80-х – начале 90-е годов XX века сложились объективные предпосылки формирования междисциплинарной теории – общей теории судебной экспертизы:

- глубокие социально-экономические преобразования в стране, развитие гражданского судопроизводства существенно увеличили потребность в использовании специальных знаний, основной процессуальной формой использования которых во всех видах судопроизводства являлась судебная экспертиза;

- был накоплен большой эмпирический материал в отдельных родах (видах) экспертиз, и на этой основе создан целый ряд частных теорий этих экспертиз, разработаны и систематизированы методы и методики экспертного исследования;

- разработаны методологические, правовые и организационные основы, для различных родов судебных экспертиз, вычленено то общее, что должно быть свойственно любому роду экспертизы, в том числе и вновь создаваемым;

– имелись многочисленные теоретические и прикладные работы по общим и отдельным проблемам судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности;

– существовала развитая система государственных судебно-экспертных учреждений в различных ведомствах страны, координирующих свою практическую и научную деятельность, а также появились первые негосударственные экспертные учреждения.

В результате было предложено несколько подходов к науке о судебной экспертизе как к междисциплинарной теории и соответственно к ее структуре [5] [8, с. 59-60] [2] [3]. Т. В. Аверьянова в своем фундаментальном труде «Судебная экспертиза: Курс общей теории» в наиболее логичном и последовательном виде дала определение общей теории судебной экспертизы и ее модельной структуры.

«Общая теория судебной экспертизы – это система мировоззренческих и праксеологических принципов, как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений, т. е. комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности» [1, с. 43].

Это определение сыграло огромную роль в период становления теории судебной экспертизы. Но формулируя его Т. В. Аверьянова, как указывала она сама, исходила из праксеологического подхода, подчеркивая, что разрабатывалась междисциплинарная теория не науки, а сугубо практической деятельности. На этом основании критиковалось наименование науки «судебная экспертология», хотя далеко не все ученые придерживались этой точки зрения.

Возрастание роли специальных знаний в судопроизводстве, развитие теории и практики судебной экспертизы обуславливает необходимость некоторого переосмысления концепции общей теории судебной экспертизы как междисциплинарной теории и поднимает ее до уровня полноценной науки, для которой тесны уже рамки праксеологии. Т. В. Аверьянова полагает, что в рамках общей теории судебной экспертизы нет места правовым и организационным основам экспертной деятельности. Но, думается, что это не отвечает реалиям сегодняшнего дня, когда насущной стала задача унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности независимо от вида процесса.

Полагаем, что теоретические основы правового (но не процессуального) и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности должны разрабатываться не теорией судебной экспертизы, а именно судебной экспертологией – наукой о судебной экспертизе, в то

время как процессуальные аспекты остаются в ведении наук процессуального права. Поэтому название – «судебная экспертология» в настоящий момент больше соответствует реальному положению вещей.

Предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности [13, с. 421-428] [12, с. 96-100].

Модель общей структуры судебной экспертологии:

1. Общая теория судебной экспертологии.

– концептуальные основы судебной экспертологии: предмет, задачи, система, функции;

– учение о классификации судебных экспертиз по родам и видам, о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз;

– учение о предмете и задачах судебной экспертизы;

– учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;

– теория экспертной идентификации;

– теория экспертной диагностики;

– теория экспертного прогнозирования;

– учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта;

– общие положения частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз (понятие частной экспертной теории, ее предмета, задач, объектов).

2. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности.

– эксперт как субъект правоприменительной и правотворческой деятельности, его правовой и профессиональный статус;

– специалист как субъект правоприменительной деятельности;

– правовая основа деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочия и ответственность их руководителей;

– форма и содержание заключения судебной экспертизы и особенности его оценки и использования в судопроизводстве.

3. Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности.

- судебная экспертиза как разновидность практической деятельности;
- организация, структура, функции государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений;
- информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- профессиональная деятельность и подготовка судебного эксперта, экспертная дидактика;
- психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта; профессиональная этика судебного эксперта.

4. Судебно-экспертные технологии.

- методология судебно-экспертной деятельности;
- процесс экспертного исследования и его стадии,
- судебно-экспертные методики, их типизация, сертификация и валидация, стандартизации судебно-экспертной деятельности,
- профилактическая деятельность эксперта, экспертные ошибки и их профилактика.

Развитие судебной экспертологии, обусловило возможность унификации законодательства о судебной экспертизе. Интуитивно к этому идут все процессы, но именно в рамках судебной экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний. Данная задача назрела давно, поскольку во многих случаях результаты экспертизы, выполненной в процессе производства по делу об административном правонарушении или уголовного судопроизводства, используются при рассмотрении затем гражданского дела и наоборот. В этой связи должны быть унифицированы процедуры назначения экспертиз, производства экспертиз в экспертных учреждениях и вне экспертных учреждений, а также критерии оценки выводов эксперта правоприменителями.

Еще в своей докторской диссертации профессор И. Ф. Крылов обращал внимание на проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы в гражданском процессе, поскольку «регламентация экспертизы в гражданском процессе была осуществлена менее четко, чем в уголовном процессе» [6]. Ряд параграфов главы второй второго тома диссертации посвящены истории законодательной регламентации экспертизы в гражданском процессе и регламентации ее в действующем в то время гражданско-процессуальном законодательстве. И. Ф. Крылов указывал на необходимость более универсального подхода к правам и обязанностям эксперта в этих процессах, чем фактиче-

ски предвосхитил те задачи унификации законодательства, которые признаны актуальными сейчас.

Следует подчеркнуть, что в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах экспертами выступают одни и те же лица. Сегодня эксперт-экономист привлекается для решения вопросов по уголовному делу, завтра – по арбитражному, а послезавтра – в административное судопроизводство. Однако права и обязанности судебного эксперта в этих процессах существенно различаются, что не поддается никаким логическим обоснованиям. (Таблица 1.)

В соответствии с судебной экспертологией экспертные технологии, методики экспертного исследования не зависят от вида процесса. Следовательно, одна из задач судебной экспертологии, в частности ее раздела «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности» выработать единые унифицированные нормы, регламентирующие права и обязанности судебного эксперта, о чем упоминал И. Ф. Крылов в своих работах.

Таблица 1

Сравнительный анализ некоторых норм процессуальных кодексов и федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ ГСЭД), определяющих правовой статус судебного эксперта (полностью совпадающие нормы не приводятся)

Право/обязанность эксперта	ГПК	АПК	КАС	УПК	ФЗ ГСЭД
Обеспечивает сохранность представленных для исследования материалов и документов	есть	нет	есть	есть	есть
Не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы	есть	нет	есть	есть	есть
Вправе ходатайствовать о привлечении к проведению экспертизы других экспертов.	есть	нет	есть	есть	есть
Вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения, ограничивающие его права.	нет	нет	нет	есть	есть
Вправе делать подлежащие занесению в протокол заявления по поводу неправильного истолкования участниками судебного процесса его заключения или показаний	нет	нет	есть	нет	есть

Список использованных источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
2. Алиев И. А., Аверьянова Т. В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992.
3. Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алма-Ата, 1994.
4. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки. – Соц. законность, 1973, № 11, с. 48-51.
5. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989
6. Крылов И. Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в её историческом развитии. Дисс. докт. юрид. наук. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1967.
7. Крылов И. Ф. Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л.: Издательство ЛГУ, 1975.
8. Основы судебной экспертизы. Ч. 1.: Общая теория. М., 1997 с.59–60;
9. Россинская Е. Р. Комплексные судебные экспертизы: гносеологическая и процессуальная составляющие // Судебная экспертиза, № 3, 2012, с. 10-17.
10. Россинская Е. Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России, № 6, 2014 г., с. 12-18.
11. Россинская Е. Р. Проблемы комплексности в теории и законодательстве о судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы, № 3, 2012, с. 38-43.
12. Россинская Е. Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Право и государство (Астана), № 2, 2014, с.96–100).
13. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex Russica, № 4, с.421-428, 2013.

Я. В. Самборский,

следователь, Санкт-Петербург

КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА ПО ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

В статье автор рассматривает личность террориста по этно-религиозным мотивам. На основе опроса сотрудников Федеральной службы безопасности РФ, социально - демографических и психолого-психиатрических данных приводится ее комплексная характеристика.

Ключевые слова: личность террориста, этнорелигиозные мотивы, социально – демографические характеристики, психолого – психиатрические характеристики.

Yan V. Samborsky

Investigator, Saint-Petersburg

COMPLEX CHARACTERISTIC OF TERRORIST IDENTITY FOR ETHNO-RELIGIOUS REASONS

Summary: The author is considering terrorist identity for ethno-religious reasons as the most common kind of terrorism in the modern world. Complex characteristic is based on interrogation of employees of Federal Security Service of Russian Federation, on socio-demographic and psycho-psychiatric data.

Keywords: terrorist identity, ethno-religious reasons, socio-demographic characteristics, psycho-psychiatric characteristics.

В связи с последними международными событиями на Ближнем Востоке и операцией Российской Федерации на территории Сирии угроза совершения террористических актов в настоящий момент очень высока. Граждане Российской Федерации подвергаются угрозе как за границей (здесь можно вспомнить взрыв российского самолета в Египте), так и у себя дома [7, с. 285]. Так, 12 ноября 2016 года в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в Москве и Санкт-Петербурге ФСБ РФ при поддержке МВД России и во взаимодействии с иностранными спецслужбами из республик Таджикистан и Кыргызстан пресечена деятельность межрегиональной террористической группы, состоящей из выходцев из стран Центрально-азиатского региона, планировавших совершить серию резонансных диверсионно-террористических акций в Москве и Санкт-Петербурге с применением автоматического оружия и самодельных взрывных устройств большой мощности. Задержаны 10 террористов, которые дали показания о связях с международной террористической

организацией «Исламское государство» (запрещенной на территории РФ) [14]. Событием, о котором нельзя не упомянуть, стал взрыв в петербургском метро 3 апреля 2017 года, совершенный террористом-смертником Акбаржоном Джалиловым [15].

По причине обозначенных факторов особое значение приобретают исследования личности террористов как важного элемента криминалистической характеристики, которые позволят усовершенствовать методику расследования этих преступлений.

Существует большое количество видов и подвидов терроризма как явления. Однако для изучения преступного поведения особый интерес представляет этнорелигиозный терроризм как наиболее распространенный в современном мире. Проведенные в 2006 году исследования показали, что во время предварительного расследования большинство осужденных за террористическую деятельность излагали религиозные мотивы преступлений (90, 5 %) и только 9,5 % социально-политические [4, с. 29]. Опрос следователей и оперативных сотрудников Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, проведенный автором статьи в 2017 году, также показал, что и сегодня религиозные мотивы у террористов преобладают в большинстве случаев, а высокую активность проявляют члены террористических организаций «Исламское государство» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Вследствие указанных причин в настоящей статье основное внимание будет уделено анализу личности террористов именно по этнорелигиозным (в большей мере религиозным) мотивам. Однако необходимо отметить, что многие положения, приведенные ниже, будут общими для различных видов терроризма как сложного системного явления.

Под этнорелигиозным терроризмом Ю. М. Антонян предлагает понимать такой, при котором преступление стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или (и) религии; реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения национальных и религиозных групп [2, с. 15]. Причем, это может проявляться и в рамках одной религии, что мы можем наблюдать между шиитами и суннитами в исламе. Здесь сразу же стоит оговориться, что терроризм, как и любое сложное общественное явление, полимотивен. Ведь мотив – это не то, что лежит на поверхности, не то, что может объяснить сам преступник, и не то, что указано в приговоре суда. Мотивов может быть много даже в одном деянии. Так, к совершению террористического акта могут толкать

корыстные мотивы, которые внешне выглядят единственными, но в глубине, на бессознательном уровне функционируют более мощные побуждения, которые часто являются ведущими мотивами. Если смотреть глубже, то речь может идти о врождённых психических структурах (архетипах), составляющих содержание коллективного бессознательного, теорию о которых разработал Карл Густав Юнг [13, с. 107-133]. К примеру, архетип «Мать» может являться глубинной причиной террора. Часто многие террористы переносят на свой род, нацию и религию, на землю и природу в целом свое отношение к матери как к кормилице и защитнице, которую нужно оберегать даже посредством собственной смерти [1, с. 258-260].

По причине сложности этнорелигиозного терроризма, его полимотивности при исследованиях необходим комплексный подход, при котором необходимо принимать во внимание данные криминологического, психологического и психиатрического характера, использовать клинические беседы и психологические тестирования. Экспертная группа под руководством Ю. М. Антоняна провела такое комплексное исследование. Было изучено 125 террористов, отбывающих наказания в местах лишения свободы. Хотя исследование проводилось в 2005-2006 году, оно не теряет своей актуальности и сегодня. Полученные результаты, по понятным причинам, требуют определенное корректировки, что мы попытаемся сделать в настоящей статье.

Необходимо сделать оговорку, что из всех исследованных террористов, 90 % являлись исполнителями террористических действий [2, с.123]. Этот факт понятен, так как чаще всего в места лишения свободы попадают рядовые участники террористических формирований, тогда как руководителей (амиров) задерживают редко: спецслужбы их либо устраняют, либо к ним вообще невозможно подобраться. По этим причинам эмпирических данных по личности руководителей террористических формирований немного.

Социально-демографические характеристики. Проведенное исследование показало, что возраст 32 % исследованных террористов составлял 20-29 лет, 43 % - 30-39 лет. В то же время, если брать среднестатистические характеристики всех осужденных к лишению свободы в 2005-2006 году, то цифры следующие: 43 % осужденных-20-29 лет, 27 %-30-39 лет [2, с.120]. Таким образом, можно говорить, что в терроризме принимают участие люди более зрелого возраста. Это можно объяснить тем, что вовлечение в террористическую деятельность требует определенного времени. Формирование личности террориста часто проходит 2 основных этапа. На первом - молодежном, че-

людей вовлекается в какое-либо протестное поведение, в подавляющем большинстве случаев связанное с возможностью применения насилия при отстаивании своих интересов. На втором этапе уже более зрелые граждане вовлекаются в террористическую деятельность, прежде всего на основе формирования той личностной установки, что у них нет и не может быть в жизни другого пути.

Новичок в террористической организации начинает свое вхождение в нее с относительно простых заданий – доставить взрывное устройство в определенное место, предоставить жилище одному из членов организации, расклеить листовки, привлечь в организацию кого-то из своих знакомых или родственников. Новые члены организации находятся в тесном контакте с более опытными, от которых они получают эмоциональную поддержку. Постепенно задачи усложняются – от участия в теракте с оружием в руках, до руководства отдельной операцией. Особое место в лестнице престижа занимают смертники. Руководители террористических организаций специально поддерживают в среде своих последователей убеждение, что стать мучеником – особое призвание, великая честь, которую не каждый может заслужить [8, с. 92].

Полученные данные необходимо корректировать с учетом сегодняшней обстановки, когда в ряды террористических организаций вовлекается большое количество молодежи и подростков. По информации Национального антитеррористического комитета (далее НАК), более 80 % от общего числа участников незаконных вооруженных формирований составляют молодые люди. При этом наблюдается тенденция прихода в эти формирования необразованной, ничем не интересующейся, неискушенной в религии молодежи. Сегодня создана мощная система идеологического воздействия на молодежь, а интернет становится основным источником вербовки. Можно сказать, что идеологи международного терроризма осуществляют так называемый медиа – джихад [16].

Если говорить о половой принадлежности, то, конечно, большинство террористов являются мужчинами. По данным НАК, девушки составляют около 10 % от числа членов террористических формирований [17]. Но террористки-женщины относительно часто встречаются среди террористов-смертников. Их вовлекают посредством систематического избиения, групповых изнасилований, угрозами распространения позорящих сведений. Доведенные до отчаяния они начинают видеть в самоубийстве выход из тупиковой ситуации. Особенно часто кандидатками в смертницы оказываются молодые женщины, чьи му-

жья и другие близкие погибли во время войн и этнорелигиозных конфликтов. В отношении них активно эксплуатируется чувство вины, постоянно внушается, что они должны мстить. К примеру, 17-летняя Джанет Абдурахманова, подорвавшая себя на станции метро «Парк Культуры» в Москве 29 марта 2009, родилась в дагестанском селе, росла без отца, мать перебивалась случайными заработками. В 16 лет через интернет она познакомилась с одним из лидеров дагестанских боевиков Умалатом Магомедовым, за которого вышла замуж. В декабре 2009 года Магомедов был убит. Позже СМИ писали, что после смерти мужа Абдурахманова могла попасть под влияние радикальных проповедников, внушивших ей мысль о необходимости отомстить за него. Мариам Шарипова, подорвавшая себя на станции «Лубянка» в тот же день, попасть под влияние боевиков могла, выйдя замуж. Ее первым мужем был иорданский наемник, известный под прозвищем Доктор Мухаммад, убитый в ходе спецоперации ФСБ летом 2009 года, после чего ее «взял под опеку» (по другим данным, стал вторым мужем) организатор терактов в метро Магомедали Вагабов [18].

Часто перед исполнением терактов террористов (особенно смертников) вовлекают в употребление наркотических средств и психотропных веществ с целью ослабления психики, что, вообще-то, противоречит всем канонам религии [2, с.76-77]. Более того, по данным исследования, около 20 % из всех террористов (мужчин и женщин) употребляли наркотики либо до, либо после преступления [2, с.129]. К примеру, Магомед Евлоев, подорвавшего себя в аэропорту Домодедово 24 января 2011 года, за полгода до теракта приютил у себя Аслан Бютукаев (один из лидеров террористической организации «Имарат Кавказ»). Как полагают сотрудники спецслужб, Бютукаев обработал молодого человека не только идеологически, но и "фармацевтически", подсадив на сильнодействующие психотропные препараты. По данным очевидцев, Магомед Евлоев, получивший среди боевиков имя Сейфуллах, в итоге стал "безвольной куклой" в руках Бютукаева – к январю 2011 года он находился в абсолютной зависимости от получаемых лекарств и воли своего руководителя [19].

По национальной принадлежности обследованные осужденные составляли: русские - 48 % (необходимо учесть, что многие чеченцы по паспорту являлись русскими, а наоборот практически не бывало), чеченцы - 44 %, другие - только 8 %. Если считать исходя из всей численности населения в 2005-2006 годах, то в Чечне террористов чеченцев было примерно в 85 раз больше, чем в России террористов русских [2, с.126]. На сегодняшний день данные цифры значительно измени-

лись из-за комплексного противодействия терроризму в Чеченской Республике. При этом Северный Кавказ и в 2016 году оставался лидером по террористическим преступлениям (первые 3 места по этим показателям в России занимали Дагестан, Чечня и Кабардино-Балкария). Так, в 2016 году в Республике Дагестан было зарегистрировано 966 преступлений террористического характера, в Чеченской Республике - 187, Кабардино-Балкарской Республике - 139 (для сравнения, в Москве - 67, Санкт-Петербурге - 13). Выявлено лиц, совершивших преступления террористического характера: в Республике Дагестан - 294, в Чеченской Республике - 76, Кабардино-Балкарской Республике - 55 (для сравнения, в Москве - 32, Санкт-Петербурге - 8) [20].

По религиозной принадлежности данные следующие: 10 % указывали, что они неверующие, 41 % считали себя православными, 40 % - мусульманами, 2 % - буддистами, 2 % - иудаистами, 5 % исповедовали иную религию [2, с.30]. Здесь обращает на себя внимание, что большое количество террористов причисляло себя к православным, хотя есть распространенное убеждение, что большинство террористов придерживается ислама. Представляется, что такие значительные цифры принадлежности к православию могли быть получены из-за того, что в выборку исследованных были включены также лица, осужденные по ст. 126 (похищение человека), ст.209 (бандитизм), ст. 222 (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов) УК РФ, которые не всегда являются террористами в истинном смысле слова. На эту мысль наталкивает и то, что из обследуемых, являющихся русскими (которые в большинстве своем исповедуют православие), по ст. 205 УК РФ (террористический акт) были осуждены только 1 %, по ст. 208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) осуждены только 2 %, тогда как по ст.209 (бандитизм) - 13 %.

Образовательный уровень также является существенной характеристикой. Среди исследованных террористов 4 % имели начальное образование, 19 % - неполное среднее, 48 % - среднее, 25 % - средне-специальное, высшее - 4 % [2, с. 131]. Сравнительный анализ уровня образования всех осужденных к лишению свободы и осужденных за террористические преступления в 2005-2006 году показывает, что последние имели более высокую образовательную подготовку. На наш взгляд, это можно объяснить спецификой террористической деятельности, которая часто требует от участников технических и других знаний. К примеру, Мариам Шарипова, упоминавшаяся выше, по словам ее отца, имела два высших образования – математическое и психоло-

гическое, окончила Дагестанский педагогический университет с отличием, преподавала информатику в местной школе. Аскер Самедов, исполнитель теракта 9 декабря 2013 года в здании железнодорожного вокзала Волгограда, по словам тети, хорошо окончил школу, учился в медицинской академии, однако отчислился со второго курса и стал посещать ваххабитскую мечеть, а в конце мая 2013 года исчез [21].

Согласно личным делам осужденных за террористические преступления, на момент совершения большинство (76 %) нигде не работали, хотя многие имели профессию. Если сравнивать данные по всем осужденным к лишению свободы в 2005-2006 году, то среди них только 56 % не работали [2, с. 132]. Такие цифры могут объясняться, во-первых, тем, что в регионах Северного Кавказа (основного региона-поставщика терроризма) есть проблемы с занятостью, что может толкать человека к принятию предложений террористических организаций. Можно сказать, что организованный терроризм в значительной степени использует экономические и социальные характеристики местного населения, если они отражают факторы социальной депрессии. Во многих республиках Северного Кавказа безработица среди молодых мужчин достигала 90 %. Это обстоятельство используется руководителями террористических организаций для вербовки [3, с.351]. Во-вторых, у осужденных уже существовала длительная связь с террористической организацией, для которой они выполняли задания [2, с. 132-133].

Стоит отметить, что есть и иные зарубежные исследования (в частности, по террористам-смертникам), которые показали несколько другие результаты. Ранее считалось, что смертниками становятся в основном представители беднейших слоев населения, лишенные образования и безработные. Однако как показывает анализ документа под названием «Святые мученики двуречья», размещенного на одном из исламистских форумов в интернете и включающего биографии 430 смертников «Аль-Каиды», среди них было немало высокообразованных людей, имевших хорошо оплачиваемую работу [8, с.78].

Психолого-психиатрические характеристики. Психологические исследования показали, что общая черта многих террористов - тенденция к экстернализации, поиску вовне источников личных проблем, поэтому такие источники становятся объектом агрессии. Указанная особенность служит психологической и идеологической основой для их сплачивания и, несомненно, принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к другим национальным и религиозным группам, приписывает им самые отвратительные черты, объясняет собственные неудачи только происками коварных врагов.

Другой характерной чертой является постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других, часто их игнорирование, что сближает их с убийцами. Эта черта связана с паранойяльностью террористов, которые склонны видеть постоянную угрозу со стороны других и отвечать на нее агрессией. Так, для 88 % исследованных, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу, типична агрессия как реакция на возможную опасность со стороны среды.

У многих террористов зафиксирован так называемый личный и групповой нарциссизм, при котором террористы убеждены в своих выдающихся личных особенностях, превосходстве над другими только или главным образом по причине того, что они принадлежат к определенной этнорелигиозной группе, которая, по их мнению, является единственно правильной. Террористы при этом как бы отщепляют от своей личности низкооцениваемые и причиняющие психотравму части и проецируют их на другие национальные и религиозные группы, на другую культуру. По мнению Э. Фромма, те, чей нарциссизм касается в большей мере группы, чем себя лично, весьма чувствительны, и на любое явное или воображаемое оскорбление своей группы реагируют крайне бурно. Индивид-нарцисс еще может усомниться, глядя на себя в зеркало, а участник группы таких сомнений не знает. Можно сказать, что групповой нарциссизм является одним из главных источников человеческой деструктивности [16, с. 265]. По причинам группового нарциссизма террористическое насилие может достигать необыкновенной интенсивности, порой граничащей с патологией. Это можно было наблюдать во время столкновений мусульман с индуистами в Индии, тамилы и сингалы в Шри-Ланке, армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе [1, с. 242].

Стоит отметить еще одно проявление этого феномена. Террористы часто нуждаются в огласке своих действий не только из-за того, что это является средством давления на официальные власти, но и по той психологической причине, что в реакциях СМИ, политических и государственных деятелей они видят свое признание и подтверждение своей исключительности. СМИ, торгуя деяниями террористов, удовлетворяют не только интерес обывателей к сенсациям, но и нарциссические потребности самих террористов. Можно сделать предположение, что многие террористы прекратили бы свою деятельность, если бы она не находила отражения в СМИ и репрессии в отношении них осуществлялись бы тайно [1, с. 241-242].

В дополнении можно сказать, что склонные к терроризму принадлежат к людям, для которых характерен примат эмоций над разумом. Не

случайно среди обследованных в 2005-2006 году преступников террористической направленности 44 % отличались явной эмоциональной неустойчивостью, для 80 % были характерны эмоционально насыщенные ассоциативные образы, 51 % были склонны скорее действовать, чем осмысливать происходящее и строить обоснованный прогноз.

С психологической точки зрения мышление этнорелигиозного террориста моноидеично. Они принадлежат к закрытому типу личности, что исключает любую свободу выбора, поскольку видят мир только в свете предустановленной единственной истины. Из-за этой особенности террористы подвержены красивым фразам и максимам, которые заменяют им собственное мышление, чем и пользуются организаторы терроризма. Недаром в одном программном положении из документов движения «Хамас» указано: «Не надо много размышлять - ведь тебя ведет Аллах, и путь твой - путь истинной веры» [6, с.99]. Кроме того, необходимо отметить, что большинству людей просто не удается охватить умом многообразие религиозных положений внутри ислама. Коран составлен из ответов высказываний пророка Мухаммеда, полученных им, как утверждается, от Бога, чтобы удовлетворить потребности, возникающие в конкретных жизненных ситуациях. Некоторые высказывания носят мирный характер, другие - воинственный. В связи с этим, любая позиция может трактоваться путем отбора конкретных версий или иллюстраций из истории [10, с. 98].

Ключевой же характеристикой профессиональных террористов, по нашему мнению, является замкнутость на своей террористической группе, ее ценностях и целях. Такая сосредоточенность ведет к культурологической изоляции, накладывает жесткие ограничения на индивидуальность и свободу выбора. Человек начинает еще больше делить мир на своих и чужих, постоянно преувеличивая опасность, грозящую со стороны других культур. В группе террорист не только укрепляет свой нарциссизм, но и достигает личностной идентичности, полностью спрятавшись в ней. Изолированность группы и постоянная угроза преследований увеличивают ее сплоченность. Влияние лидера на остальных членов группы приводит к развитию так называемого «группового мышления», усилению групповой поляризации «мы - они», размыванию ответственности, недооценки последствий и склонности совершать рискованные поступки. Необходимость конспирации делает непроницаемыми границы группы изнутри: тот, кто ее покидает, угрожает опасности другим членам, поэтому подвергается преследованию. Эти групповые факторы *ослабляют и внешнее социальное влияние, оказываемое со стороны близких родственников и значимых других* [8, с.68].

Хотя еще рано делать какие-либо окончательные выводы по личностным особенностям Акбаржона Джалилова, совершившего взрыв в петербургском метро 3 апреля 2017 года, но в СМИ появляется информация, согласующаяся с выводами, сделанными нами выше. К примеру, источник РБК в МВД Киргизии подтвердил, что киргизская часть биографии взорвавшегося в Петербурге Джалилова и всей его семьи чистая: в ней нет приводов в милицию, никто из родственников не состоит на учете и не имеет связей с радикальными религиозными течениями. Классная руководительница Фатима Кадыржанова, учившая Акбаржона с пятого по восьмой класс, охарактеризовала его как самого спокойного мальчика в классе и среднего по успеваемости ученика. По мнению сотрудников спецслужб Киргизии, «опасные связи» у Джалилова могли возникнуть именно в последние годы его жизни России, *когда он был оторван от семьи* [22]. Кроме того, стоит отметить, что для многих террористов, особенно молодых, группа выполняет роль коллективного отца, обеспечивающего своим детям прибежище и защиту [1, с.244] (так называемый архетип «Отца» по Юнгу).

Приведенные нами психологические особенности нашли свое подтверждение при проведении психолого-психиатрических экспертиз. Так, согласно заключениями амбулаторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз у гражданина Н., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282.1; ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 223; ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205; ч. 2 ст. 228 УК РФ, выявлены такие индивидуально-психологические особенности как активность личностной и религиозной позиции, усиливающаяся при противодействии внешних обстоятельств, упорство в отстаивании своего мнения, недостаточная гибкость, оппозиционность в межличностных отношениях, отмечается тенденция к соревновательности, характерна склонность к формированию сверхценных идей, отстаивание которых имеет принципиальное, субъективно важное значение, особенно в рамках религиозных предпочтений, отмечается склонность к риску, решительность в принятии решений, склонность к оппозиционным формам, невысокая эмоциональная чувствительность, ожидание признания его достижений, заинтересованность в причастности к группе лиц с аналогичными взглядами [20].

При обращении к психиатрическим особенностям можно наблюдать интересную ситуацию, сравнивая обследованных террористов с преступниками, совершавшими убийства в сфере быта, семьи и досуга. Так, бредовые идеи в основной группе составляли 4 %, в сравнительной - 22 %; аффективные синдромы соответственно - 4 % и 23 %; раз-

личные варианты личностных расстройств - 38 % и 56 %; расстройства влечений - 2 % и 26 %; умственная отсталость - 4 % и 14 %. Получается, что в группе террористов доля лиц с психической патологией оказалась значительно меньше. Исходя из этого, можно сделать вывод, что особой личностной психиатрической патологией у террористов не обнаруживается [9, с.17]. Безусловно, этот вопрос еще требует пристального исследования. Некоторые авторы заявляют, что достаточного внимания психолого-психиатрическим исследованиям террористов не уделяется, а психолого-психиатрические экспертизы назначаются редко [5, с. 56-57]. Следует добавить, что **психолого-психиатрические особенности террориста определяются во многом и тем, что он непосредственно соприкасается со смертью, которая влияет на его психику, поступки и на события, в которые он включен. Личная специфика такова, что во многих случаях он не боится, а стремится к смерти. Террориста часто можно назвать некрофильской личностью. Поэтому профилактический эффект неотвратимости уголовного наказания в отношении таких людей нередко стремится к нулю.** В связи с этим, вызывают некоторый скепсис постоянные законодательные инициативы по ужесточению наказания за террористические преступления, которые, по мнению парламентариев, являются действенной мерой по противодействию терроризму. Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что на путь терроризма часто становятся люди со специфической личностной предрасположенностью, которая сама по себе чаще всего не способна привести к каким-либо негативным последствиям, не будь воздействия микросреды. Именно этнорелигиозное окружение предписывает террористу насильственные методы крушения «чужих».

В завершении хотелось бы повторить, что проблема терроризма сегодня стоит очень остро. В целом, мусульманский мир находится в переходном состоянии. Он движется в направлении отхода от традиционных структур управления и переживает болезненное состояние поиска своей социокультурной идентичности. Большие группы молодых мусульман (и мужчин, и женщин), переживая состояние бессмысленности и бесцельности своей жизни, не находящие возможности обрести индивидуальную идентичность в рамках своей культуры, стремятся обрести ее в стремлении к более возвышенным духовным целям. Террористические организации играют на этом: предлагают им найти новую идентичность, вступая на путь терроризма [9, с. 68]. Все это отражается и на нашей стране, где только в 2016 году зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера (прирост по сравне-

нию с 2015 годом составляет 44,8 %) [23]. По этим причинам, необходимо комплексное изучение личности террористов, для установления тех особенностей, которые способствуют втягиванию человека в террористические организации. При этом необходимо понимать, что только военными методами ликвидации террористов проблему не решить. Главные меры, по нашему мнению, должны быть идеологические и социально-экономические.

Представляются правильными предложения, сделанные в докладе аналитической ассоциации ОДКБ и МГИМО. Авторы предлагают укреплять границы, модернизировать вооруженные силы, больше сотрудничать с другими странами на постсоветском пространстве (речь о Туркменистане и Узбекистане, избегающих членства в международных организациях). Властям центрально-азиатских стран и России предлагается перехватить у террористов инициативу: создать институты социальной поддержки людей в сложных жизненных ситуациях, способствовать возрождению традиционной исламской культуры в регионе, публиковать духовную литературу, лишив экстремистов монополии в этой теме. Однако авторы доклада предостерегают политиков от соблазна вести межклановую борьбу под предлогом «борьбы с религиозным экстремизмом».

Особенно важно повышать уровень образования в стране, как светского, так и религиозного, создавать исламские учебных заведений, особенно высшие для того, чтобы составить конкуренцию религиозному образованию на Ближнем Востоке и в Пакистане, через которое происходит «заражение» региона различными формами радикального исламизма.

Российским властям аналитики предлагают увеличить количество грантов для студентов из Центральной Азии и финансирование филиалов российских вузов в этом регионе, а также работать над социально-культурной адаптацией трудовых мигрантов в России [11, с. 5-49].

Список использованных источников

1. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
2. Антонян Ю. М., Белокуров Г. И., Боковиков А. К. и др. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2006.
3. Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник. СПб., 2016.
4. Гришко А. Я., Сочивко Д. В., Гаврина Е. Е. Личность осужденного за террористическую деятельность (экспериментальные исследования и пути построения психокоррекционного воздействия). Рязань, 2006.
5. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Использование судебной экспертизы при изучении личностных особенностей террористов // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 56-57.

6. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002
7. Самборский Я. В. Осмотр места происшествия террористического взрыва // Science Time. 2016. № 6. С. 285.
8. Соснин В. А. Психология современного терроризма. М., 2012.
9. Соснин В. А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М., 2012.
10. Соснин В. А., Нестик Т. А. Психология современного терроризма: социально психологический анализ. М., 2008. С. 98.
11. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под. ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. М., 2017.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2016.
13. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М., 2013.
14. <http://www.interfax.ru/russia/536960>
15. <http://tass.ru/proisshestiya/4152943>
16. <http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi/v-press-centre-mid-rossii-proshla-press-0.html>
17. <http://tass.ru/politika/3984572>
18. URL:<http://www.rbc.ru/society/09/04/2017/58e7c8d99a79473f87ef59be?from=main>
19. <http://www.kommersant.ru/doc/1593596>
20. http://crimestat.ru/offenses_map Приговор Московского областного суда от 25.12.2014 по делу № 2-56/2014 [Электронный ресурс].
21. URL:<http://www.rbc.ru/society/09/04/2017/58e7c8d99a79473f87ef59be?from=main>
22. <http://www.rbc.ru/politics/08/04/2017/58e7d3b99a79474b7a069216>
23. https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В данной статье проанализированы особенности определения обстоятельств, подлежащих установлению и исследованию при расследовании мошенничества при оказании медицинских услуг. Выявляются актуальные проблемы, связанные с организацией эффективного расследования мошенничества при оказании медицинских услуг. Вносится предложение, которое позволит оптимизировать меры, направленные на расследование данной разновидности мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, медицинская помощь, медицинские услуги, обстоятельства, подлежащие установлению и исследованию

Anastasiya V. Stepnova,

Lawyer, Rosmedconsulting, Saint-Petersburg

CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Summary: This article analyzes the features of determining the circumstances to be proved in the investigation of fraud in the provision of medical services. The actual problems connected with the organization of effective investigation of fraud in the provision of medical services are revealed. The proposal is made, which will allow to optimize measures to investigate this species of fraud.

Keywords: fraud, medical care, medical services, circumstances to be proved in investigation.

С развитием в России платных медицинских услуг, появлением новых способов оказания медицинской помощи возрастает и количество преступных посягательств, совершаемых в рассматриваемой сфере. В последнее время наблюдается повышенный интерес к такому виду преступления, как мошенничество при оказании медицинских услуг. На практике участились случаи, когда медицинские работники диагностируют у пациента серьезное заболевание, которого у него нет, и берут высокую плату за лечение, направленное на выздоровление.

Мошенничеством, по определению, признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [4]. Объектом данного преступного деяния по общему правилу является чужое имущество либо право на имущество. Что же касается совершения мошенничества при оказании

медицинских услуг, то в настоящее время перед представителями правоохранительных органов встает проблема определения обстоятельств, подлежащих установлению и исследованию.

Под обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу понимается информация о событии преступления и отдельных его элементах, который может быть и не доказан процессуальными способами, но должен быть установлен для более детального исследования событий преступления. Как известно, при расследовании преступлений часто устанавливаются такие обстоятельства, которые правового значения не имеют и поэтому не нуждаются в доказывании, но необходимы в криминалистическом отношении, для успеха расследования. Стоит согласиться с В. М. Бурдановой, что обстоятельства, подлежащие установлению и исследованию – это не только те обстоятельства, закрепленные в УПК РФ, но и такие, которые позволяют лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или суду принять правильное решение о применении тех или иных тактических и оперативно-тактических комбинаций, тактических приемов и рекомендаций по при производстве следственных и иных действий [1, с. 40].

Изначально перед следствием стоит задача разоблачения преступников и сбора доказательной базы, которая бы смогла подтвердить, что все оказанные услуги выдавались ими за законные и правомерные действия, которые были направлены на получение денежных средств, доказать факт обмана или введения в заблуждение потерпевшего.

Обстоятельствами, подлежащими установлению и исследованию по уголовному делу о мошенничестве при оказании медицинских услуг, являются:

- 1) событие преступления, а именно: время, место, способ, обстановка, а также иные обстоятельства совершения преступления,
- 2) медицинская документация, оформленная на имя пациента,
- 3) данные о личности преступника или составе группы лиц и роли каждого соучастника в совершении преступления,
- 4) данные о личности потерпевшего, в том числе черты личности потерпевшего, способствовавшие совершению преступления.

Определяя перечень обстоятельств, подлежащих установлению и исследованию по уголовному делу о мошенничестве при оказании медицинских услуг, необходимо исходить из того, что преступное деяние совершено особым специфическим способом.

В криминалистическом смысле под способом совершения преступления целесообразно понимать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совер-

шения преступления, оставляющую различного рода характерные следы вовне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления [3, с. 65].

Особенности способа мошеннических посягательств при оказании медицинской помощи определяются условиями сферы социальной деятельности, в которой они осуществляются. В данной сфере познания пациента не в состоянии конкурировать с профессиональными знаниями и навыками медицинского работника. К тому же, в настоящее время преимущественное положение на рынке занимает частная медицинская помощь. Медицинский работник, так или иначе, заинтересован в увеличении продаж своих услуг. Такие обстоятельства приводят к тому, что медицинская помощь становится привлекательной областью мошенничества.

Практика показывает, что максимальную информацию о преступном деянии следователь может получить из анализа процесса оказания медицинской помощи. Так, при расследовании мошенничества при оказании медицинских услуг, не имея данных об обстоятельствах оказания медицинских услуг, крайне трудно определить тактику допроса подозреваемого или определить обстоятельства обмана или злоупотребления доверием.

Специфика обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делам о мошенничестве при оказании медицинских услуг, проявляется прежде всего в обстоятельствах, касающихся способа совершения преступления. По делам о мошенничестве при оказании медицинских услуг это не только факт обмана или злоупотребление доверием пациента, но и процесс оказания медицинской помощи – способ обмана или злоупотребления доверием.

Характеризуя способ неправомερных действий при мошенничестве при оказании медицинских услуг, следует отметить, что медицинским работником могут совершаться самые разнообразные действия, направленные на хищение имущества пациентов. Такие действия могут выражаться в необоснованном назначении дорогостоящих препаратов или исследований, процедур.

Следует признать, что способы совершения мошенничества при оказании медицинских услуг и способы его сокрытия постоянно совершенствуются, что значительно усложняет деятельность правоохранительных органов по их установлению и исследованию.

Успех расследования мошенничества при оказании медицинских услуг во многом зависит от эффективной организации работы следователя. Представляется целесообразным изучение процесса оказания медицинской помощи потерпевшему путем анализа стадий оказания медицинской помощи. Анализ процесса оказания медицинской помощи позволит обнаружить было ли направлено медицинское вмешательство на профилактику, диагностику или лечение пациента [5], а также определить круг обстоятельств, подлежащих проверке. В первую очередь исследованию подвергается документация, содержащая информацию о лечении пациента медицинская и иная документация.

Обман при мошенничестве при оказании медицинских услуг может проявляться в различных формах, в виде различных действий. Чаще всего обман пациента совершается путем внесения в медицинскую документацию пациента недостоверной информации или сообщение такой информации устно.

Наиболее распространенными в настоящее время способами хищений имущества пациента путем мошенничества являются следующие деяния:

1. Постановка ложного диагноза.

При изучении данного обстоятельства исследованию подлежит оценка медицинским работником симптомов заболевания, дифференциальной диагностики заболевания, результатов лабораторных и инструментальных исследований, указывающих на обоснованность постановки диагноза.

2. Оказание медицинских услуг, которые не показаны и не требуются пациенту.

На этапе исследования требуется предварительное изучение стандартов медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций по соответствующему направлению. Проведение не указанных в названных документах медицинских манипуляций в отношении пациента может подтвердить факт того, что медицинские услуги пациенту оказывались необоснованно, противопоказаны и не соответствовали общепринятой тактике и методике лечения.

При этом важно учесть информированность пациента о целях оказываемых ему услуг. Например, услуги по направлению «пластическая хирургия» могут быть не показаны пациенту, но их оказание связано с желанием самого пациента. В указанном примере действия врачей как мошенничество расцениваться не могут.

3. Назначение дорогостоящих лекарственных препаратов.

Для установления данного факта требуется изучить процесс назначенного лечения, его правомерность, эффективность на предмет выявления соответствий лечения действующим правилам оказания медицинской помощи, установить отношение ожидаемой пользы к возможному риску применения лекарственного препарата, исследовать лекарственный препарат на соответственные установленным нормам.

4. Завышение стоимости медицинских услуг и лекарств.

В практике наиболее часто встречаются случаи, когда медицинские работники путем обмана получают от пациентов денежные средства за оказанные медицинские услуги, которые в действительности являются бесплатными и могут быть оказаны за счет средств территориального фонда обязательного медицинского страхования. По данной категории дел требуется исследовать и установить вид оказанных пациенту медицинских услуг, оказываются ли медицинской организации такого рода медицинские услуги в рамках программы ОМС, осведомленность пациента о возможности получить услуги бесплатно.

Одним из важных аспектов при расследовании мошенничества при оказании медицинских услуг является установление причинной связи между обманом пациента и хищением его имущества. На практике выявление и исследование элементов причинной связи таких преступлений обычно сопряжены с различного рода трудностями. В первую очередь это связано с принимаемыми мерами по сокрытию мошенничества: быстрое исчезновение медицинских документов на имя пациента, реализация похищенного имущества, составление новых подложных медицинских документов (новая медицинская карта, направления, договоры и т. д.). Стоит отметить, что обязательным условием признания действий врача противоправными является обусловленность оказания медицинской помощи путем обмана пациента, который в большинстве случаев сопряжен с нарушением правил оказания медицинской помощи и своих профессиональных обязанностей.

К числу проблем, требующих разрешения, относится вопрос организационно-тактических особенностей проведения следственных действий, использования специальных медицинских познаний. На сегодняшний день практика расследования мошенничества при оказании медицинских услуг организовывается и проводится по логике, применимой при расследовании преступлений, в которых не требуется применение знаний в области медицины. На практике одним из препятствий исследования и установления обстоятельств совершения мошенничества является отсутствие достоверной информации о процессе

оказания медицинской помощи. Медицинская документация пациента не сохраняется, подозреваемыми предоставляются акты, к примеру, о «залитии» медицинской документации водой, либо, в некоторых случаях, медицинские документы переписываются. Сегодня такой подход приводит к тому, что зачастую следы преступления утрачиваются. Кроме того, следователями не привлекаются к участию в процессуальных действиях специалисты в области медицины, которые могут оказать содействие в закреплении и изъятии доказательств, а также в применении технических средств.

На наш взгляд, процесс исследования события мошенничества при оказании медицинских услуг требует системного подхода к изучению обстоятельств посягательства. Также следует учитывать, что и на предварительном следствии и в ходе судебного производства, как правило, оказывается достаточно активное противодействие, обусловленное профессиональной корпоративностью медиков [2, с. 246]. Уже в первые дни проверки сообщения о преступлении необходимо установить все обстоятельства, связанные с оказанием медицинской помощи пациенту. Более длительное время дает возможность подозреваемому скрыть следы совершенного преступления.

Список использованных источников

1. Бурданова В. М. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, как важнейший элемент частных криминалистических методик. // Вестник криминалистики. Вып. 2. - М.: Спарк. - 2001. - С. 40.
2. Пристансков В. Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию. Монография. СПб. - 2005.
3. Н. П. Яблоков. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Юристъ. - 2005.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ / Российская газета, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, N 263, 23.11.2011.

О. Ю. Цурлуй

кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики,
Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия

МЕСТО И РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматриваются отдельные вопросы использования криминалистических знаний участниками уголовного судопроизводства в связи с осуществлением ими своих процессуальных функций. Особое внимание уделено активности суда в осуществлении доказывания в ходе судебного следствия.

Ключевые слова: криминалистические знания, доказывание, криминалистическая тактика, участники судебного разбирательства

Olesya Yu. Tsurluy

*PhD in Law, lecturer of the chair of forensic expertise and criminalistics
Central branch of Russian State University of Justice*

THE ROLE AND PLACE OF CRIMINALISTICS ACHIEVEMENT IN PROCEDURAL ACTIVITY OF THE SUBJECTS OF PROOF IN CRIMINAL CASES

Summary: The article is devoted to some questions of use of criminalistics knowledge by the criminal proceeding participants in connection with their functions. Special attention is paid to the activity of the court in the implementation of proof in trial.

Key words: criminalistics knowledge, prove, criminalistic tactics, criminal proceeding participants

В уголовном судопроизводстве основными субъектами деятельности выступают участники уголовного судопроизводства, определяемые п. 58 ст. 5 УПК РФ как лица, принимающие участие в уголовном процессе. То есть это лица, уполномоченные законом осуществлять профессиональную деятельность, а также лица, являющиеся участниками уголовно-процессуальных отношений, не реализующие профессиональные полномочия, но наделенные правами и обязанностями при производстве по уголовному делу.

Условно участников уголовного судопроизводства можно разделить на: 1) лиц, призванных выполнять профессиональные уголовно-процессуальные функции, реализовать определенные законом процес-

суальные полномочия; 2) лиц, исполняющих возложенные на них законом обязанности и реализующие предоставленные им права; 3) лиц, оказывающих содействие при выполнении отдельных процессуальных действий.

Первая группа представляет собой профессиональных участников уголовного судопроизводства, вторая и третья включает соответственно непрофессиональных участников процессуальной деятельности.

Основное содержание «уголовно-процессуальной деятельности» состоит в уголовно-процессуальном исследовании преступлений, осуществляемом на всех стадиях и этапах этой деятельности, реализуется уполномоченными на то должностными лицами, органами и лицами, участвующими в ней в силу предписаний и разрешений закона» [6, с. 317]. При этом «закономерности возникновения в результате совершения преступления информации, ее сохранения, возможности собирания и исследования подчиняются определенным объективным закономерностям, которые изучает теория доказательств и криминалистика» [7, с. 41]. «Именно криминалистика изучает закономерности возникновения, сохранения, переработки информации при доказывании, но в целях оптимизации средств и методов информационно-поисковой и познавательной деятельности при процессуальном исследовании преступлений» [7, с. 42]. Формирование на основе такой информации доказательств осуществляется профессиональными участниками уголовного судопроизводства путем реализации ими своих функций и с использованием криминалистических средств и методов.

Необходимо заметить, что криминалистические рекомендации не могут быть сформулированы без указания адресата, на кого они рассчитаны. Каждое лицо, выполняющее профессионально какую-либо обязательную функцию, обладает своим процессуальным статусом, реализует предоставленные полномочия своими приемами и методами, по-разному оценивает одни и те же ситуации, складывающиеся на определенный момент, по-разному организует осуществление своей деятельности и достижение поставленных целей. Поэтому возможно говорить о разработке целенаправленных самостоятельных криминалистических рекомендаций и для следователя, и для государственного обвинителя, и для адвоката, а также криминалистических рекомендаций для судьи [13, с. 14-16].

Иными словами, к субъектам, чья профессиональная деятельность, регламентированная нормами уголовно-процессуального закона, направлена на исследование преступления с использованием криминалистических знаний, очевидно, относятся: следователь (руководитель

следственного органа), дознаватель (начальник подразделения дознания), прокурор, адвокат-защитник, адвокат – представитель потерпевшего или свидетеля, суд.

Как известно, в рамках криминалистики исследуются «уголовно-релевантные закономерности преступной деятельности, возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки и основанные на познании этих закономерностей средства и методы информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями» [6, с. 57].

Соответственно, под использованием криминалистических знаний в уголовно-процессуальной деятельности следует, на наш взгляд, понимать применение профессиональными субъектами уголовно-процессуального исследования преступления средств криминалистической техники, тактических приемов и методов расследования отдельных видов преступлений в целях собирания, исследования, использования и оценки доказательств.

Однако здесь возникает один нюанс. Такой раздел криминалистики как криминалистическая техника представляет собой совокупность научно обоснованных технических и научно-технических средств обнаружения, исследования и использования главным образом материальных доказательств. Следователь, дознаватель при производстве следственных действий прибегают к использованию технических средств в выше названных целях как самостоятельно, так и с помощью эксперта или специалиста.

Методические положения расследования отдельных видов преступлений используют в своей деятельности следователь, дознаватель. Однако прибегать к научно обоснованным разработкам данного раздела криминалистики всецело может и должен адвокат-защитник подозреваемого/обвиняемого в ходе адвокатского расследования. Представляется очевидным, что «выполнение адвокатом-защитником своей уголовно-процессуальной функции, рациональная и эффективная реализация им своих полномочий находят непосредственное выражение в его тактической и методической деятельности по защите представляемого лица от осуществляемого в отношении него уголовного преследования» [5, с. 3].

Особого внимания требует вопрос о субъектах криминалистической тактики. Криминалистическая тактика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организа-

ции и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов конкретных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [1, с. 453]. Содержание криминалистической тактики дает возможность «использования закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации и разработку допустимых путей использования результатов проявления этих закономерностей на всех уровнях деятельности по доказыванию» [6, с. 24].

В предлагаемых криминалистикой способах доказывания находят свое отражение условия и порядок собирания, исследования и оценки доказательств, в том числе: проведения отдельных следственных действий, планирования, организации и оценки на всех уровнях для достижения результата доказывания – выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию [6, с. 25]. Криминалистическая тактика – «подводная часть айсберга доказывания, зачастую без нее доподлинное расследование и искание истины оказывается чисто обрядовой регистрацией всевозможных фактов, которые всплыли сами собой» [8, с. 130-131].

Дискуссионным остается вопрос о суде как субъекте криминалистической тактики.

Как отмечал Л. Е. Ароцкер, криминалистическая тактика судебного следствия – это система основанных на уголовно-процессуальном законе приемов и методов планомерной подготовки и проведения судебного следствия и отдельных судебных действий, обеспечивающая установление истины по делу. Тактика судебного следствия определяется судом при рассмотрении каждого конкретного уголовного дела с учетом исследования всех доказательств [3, с. 29].

Бесспорно, «задача суда – единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам – слушать, исследовать и принимать законное, обоснованное и справедливое решение. Суд решает задачи не поискового, а чисто исследовательского характера» [7, с. 41].

Не суд как таковой, а две состязающиеся в суде стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики, «потребителями» достижений этой науки при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого. Стороны, осуществляя свои процессуальные функции, используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции [6, с. 583].

Однако особенностью доказывания в стадии судебного разбирательства является то, что «суд осуществляет его не отдельно от сторон, а при их непосредственном и активном участии. При этом суд, в том числе по собственной инициативе, вправе собирать новые доказательства для проверки сформированных сторонами соответствующих совокупностей доказательств» [2, с. 19]. В связи с этим собрание судом доказательств служит целям «проверки обоснованности обвинения или доводов, приводимых стороной защиты» [10, с. 51].

Суд, выполняя свою главную задачу – ведение дела, разумеется, должен обладать правом вмешиваться в доказательственный процесс, активизируя стороны, в частности, в ситуациях, когда стороны были поставлены ходом производства в неравные или несправедливые условия, грозящие одной из них неблагоприятным исходом дела [9, с. 73].

В свою очередь, толкование норм действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих институт доказывания, в частности ст. 17, ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 87, ст. 88 УПК РФ, позволяет, на наш взгляд, заключить, что суд является субъектом доказывания по уголовному делу. При этом в качестве способов собирания доказательств, в том числе в ходе судебного заседания, закон определил производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Перечень судебных действий следственного характера, производство которых разрешено в судебном следствии, достаточно широк, в связи с чем суд обладает достаточно обширными средствами доказывания в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

Как отмечает С. А. Шейфер, «право суда собирать новые доказательства является несомненным. Это необходимо для проверки уже имеющихся в уголовном деле доказательств, для устранения пробелов в доказательственном материале, касающемся существенных обстоятельств дела, для того, чтобы мотивировать итоговое решение по делу, привести доказательства, на которых основан вывод суда» [12, с. 30-31].

Осуществление судом доказывания по уголовному делу необходимо, как отмечалось, для вынесения обоснованного итогового решения по делу. Постановление по каждому уголовному делу «законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на правильной проверке и оценке судом доказательств, представленных сторонами, не позволяет устранить суд от участия в исследовании материалов уголовного дела, поскольку позиция стороннего наблюдателя для суда не гарантирует реализацию назначения уголовного судопроизводства» [4, с. 23].

Следует согласиться с тем, что «устранение суда из числа субъектов доказывания резко снизит шансы на достижение указанной цели, уменьшит число гарантий ее достижения, и поэтому за судом должна оставаться обязанность принять все возможные меры к ее установлению» [11, с. 37]. В связи с этим позволим себе высказать мнение о том, что деятельность суда по осуществлению доказывания не нарушает принцип состязательности, не доказывает ни вину, ни невиновность подсудимого. Деятельность суда при собирании, проверке и оценке доказательств в рамках судебного разбирательства необходима для вынесения справедливого и обоснованного приговора по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р. С. Белкина. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2019. – 990 с.
2. Андрющенко Т. И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.
3. Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М.: Изд-во «Юридическая литература». 1964. – С. 223.
4. Аширбекова М. Роль суда в доказывании в призме правоприменения // Мировой судья. – 2009. – № 5. – С. 22-25.
5. Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 399 с.
6. Баев О. Я. Избранные труды: в 2 т. / О. Я. Баев. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. Т. 1. – 616 с.
7. Газетдинов Н. И. Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. – 2007. – № 11. – С. 40-42.
8. Громов В., Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений. – М., 1927. – 150 с.
9. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. – М.: Проспект, 2011. – 504 с.
10. Лупинская П. А. Понятие уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 1008 с.
11. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Юристъ, 2009. – 175 с.
12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2014. – 240 с.
13. Ялышев С. А. О некоторых нерешенных проблемах современной российской криминалистики // Российский следователь. – 2012. – № 12. – С. 14-16.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Материалы конференций

Подписано в печать 09.09.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,25.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>